

С. М.
СОЛОВЬЕВ

ИСТОРИЯ РОССИИ
Начало 20-х годов
XVIII века –
1725

История России с древнейших времен

Сергей Соловьев

**История России с древнейших
времен. Книга IX. Начало
20-х годов XVIII века – 1725**

«Public Domain»

Соловьев С. М.

История России с древнейших времен. Книга IX. Начало 20-х годов XVIII века – 1725 / С. М. Соловьев — «Public Domain»,
— (История России с древнейших времен)

Девятая книга сочинений С.М. Соловьева включает семнадцатый и восемнадцатый тома «Истории России с древнейших времен». В них продолжено начатое в предыдущих томах повествование о царствовании Петра I, освещены события внешней политики России, изменения внутри страны, годы, последовавшие за смертью императора.

Содержание

Семнадцатый том	5
Глава первая	5
Глава вторая	67
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Сергей Михайлович Соловьев

«История России с древнейших времен»

Книга IX. Начало 20- х годов XVIII века – 1725

Семнадцатый том

Глава первая

Продолжение царствования Петра I Алексеевича

Несогласные действия союзников, датчан и саксонцев, в войне со шведами. – Кросенские постановления. – Обстановка союзников под Штральзундом. – Отношение к Англии и Голландии. – Отправление Меншикова в Померанию. – Затруднительное положение русского посланника князя Долгорукого в Дании. – Потеря кампании 1712 года. – Грусть Петра. – Датчане и саксонцы поражены шведами под Гадебушем. – Посредничество Англии и Голландии. – Условия Петра. – Инструкция Меншикову. – Свидание Петра с курфюрстом ганноверским и с королем прусским. – Видь Пруссии. – Действия русских в Финляндии. – Действия Меншикова в 1713 году. – Голицинский министр Г`ёрц. – Дело о секвестре померанских городов. – Сдача Штетина Меншикову. – Штетин отдан Пруссии. – Неудовольствие по этому случаю в Дании. – Враждебность Англии и Голландии к России. – Решительность Петра сдерживает эти державы. – Посольство Ягужинского в Данию. – Голицинские предложения царю посредством Бассевича. – Дело о союзе с ганноверским курфюрстом. – Действия русских в Финляндии в 1714 году. – Приступление Пруссии и Ганновера к Северному союзу. – Осада Штральзунда. – Сдача этого города союзникам. – Переговоры князя Куракина с английскими министрами насчет условий мира с Швецией. – Петр выдает племянницу за герцога мекленбургского. – Следствия этого брака. – Столкновение Петра с союзниками по поводу Висмара. – Приготовления к высадке в Швецию со стороны Дании. – Петр отлагает высадку. – Смута между союзниками по этому случаю. – Свидание Петра с прусским королем в Гавельсберге. – Пребывание в Голландии. – Сношения с Англией. – Отношения России к Франции и поездка Петра в Париж. – Договор России с Францией. – Конференции князя Куракина о мире с Швецией. – Постановления о будущем конгрессе на Аландских островах. – Переговоры с Даниею. – Отношения к Пруссии. – Переговоры с Англией. Сношения с австрийским двором.

При рассматривании внутренней преобразовательной деятельности в России от 1711 до 1721 года по самому ходу дел нельзя не заметить отсутствия, иногда очень продолжительного, царя-преобразователя. Это отсутствие условливалось затянувшейся заграничною войною. В прутском несчастье Петр утешал себя и других тем, что по крайней мере прекращение турецкой войны даст возможность сосредоточить все силы на западе и кончить поскорее шведскую войну выгодным миром; но и эта надежда на скорое окончание тяжелой войны не оправдалась благодаря слабому содействию союзников.

По возвращении из турецкого похода, не могшего не подействовать разрушительно на физическое здоровье Петра, он, прежде чем начать новые труды, должен был отправиться осенью 1711 года в Карлсбад для пользования тамошними водами. 15 сентября царь начал употреблять воды, 3 октября уже выехал из Карлсбада и 14 числа в Торгау отпраздновал брак сына своего, царевича Алексея, с принцессою вольфенбительскою. Между тем со сцены военных действий приходили неприятные вести. Штральзунд был осажден союзными войсками – русскими, саксонскими и датскими; но вот что писал Петру находившийся в то время там князь Григорий Фед. Долгорукий от 3 сентября: «Войска наши, датские и саксонские находятся при Штральзунде, а действия еще никакого не начали, затем что министры и генералы не могли согласиться насчет того, как начинать дело, а согласиться не могут больше по своим злобам и гордости. Со стороны короля польского желают наперед добывать остров Рюген, дабы там неприятельскую кавалерию уничтожить и продовольствие получить с острова, а потом уже добывать крепость. Со стороны короля датского больше желания, оставя короля польского под Штральзундом, добывать Висмар. От этих несогласий, министерских злоб и перекоров хотели, ничего не сделавши, разъехаться. Мы с князем Васильем Лукичом Долгоруким всеми силами трудимся не только министров и генералов, но и их величества до согласия привести, и думаю, что прежде станут добывать остров Рюген».

Долгорукому хотелось, чтобы король датский имел личное свидание с Петром, «понеже, – писал князь Григорий, – король датский zelo человек гордый и, что изволите с ним постановить, то, чаю, ни для чего не отменит». Но саксонский генерал Флеминг не хотел этого личного свидания между государями и, подговоря с собою датских министров, Выбея и Шака, тайно отправился в бранденбургский город Кросен для свидания с царем и улажения всего насчет будущей кампании. 22 октября в Кросене было совещание, на котором Петр дал Флемингу и датским министрам следующие пункты: 1) необходимо теперь же овладеть Штральзундом, а если нельзя, то по крайней мере островом Рюгеном; 2) зимою надобно договориться с курфюрстом ганноверским о Бремене и Вердене, чтоб к будущей кампании ганноверский двор не мешал, а помогал (именно при дворе английском); 3) военные действия в будущую кампанию, как сухопутные, так и морские, начать рано, именно в апреле-месяце.

Петр из Кросена отправился в Россию, а союзники два месяца понапрасну стояли под Штральзундом, оправдывая себя тем, что не привозили артиллерии и потому нельзя ничего сделать. Решили, что нельзя стоять всю зиму под Штральзундом, надобно отступить; но и тут подняли спор: король польский говорил, чтоб всем союзным войскам, отступя от Штральзунда, зимовать в Померании и удерживать в блокаде Штетин, Штральзунд и Висмар; король Август представлял также, что если теперь все войска оставят Померанию, то на весну им трудно будет снова войти в нее по причине переправ, которые неприятель легко может защищать. Но король датский никак не хотел оставлять войск своих в Померании, представляя, что ему нужно войско для охранения Зеландии зимою, когда Зунд замерзает, и непременно хотел уйти в Голштинию на зимние квартиры. К усилению распри между союзниками королю Августу дали знать, что датский король начинает тайные переговоры со шведами посредством готторпского министра Фондерната. Таким образом, оба короля намеревались выступить из Померании; князьям Долгоруким, Григорию и Василию, стоило большого труда привести их к тому, что они наконец согласились: датскому королю оставить в Померании 6000 человек своего войска, а саксонцам и русским всем зимовать там.

Союзники действуют слабо; а между тем на западе грозит новая опасность: война Англии, Австрии и Голландии против Франции за наследство испанского престола готова прекратиться, что даст этим державам возможность вмешаться в Северную войну. В Англии с большим неудовольствием и подозрительностью смотрели на вступление русских войск в Померанию. Утверждали, что в Карлсбаде у царя и английского посланника Витворта произошел по поводу этого предмета очень крупный разговор, так что посланник счел благоразумнее уйти. Вместо

князя Куракина посланником в Англию отправлен был фон дер Лит. Новый посланник доносил в ноябре 1711 года, что государственный секретарь С. Джон (знаменитый Болинброк) говорил: «Союзники в Померании поступают выше всякой меры: сначала уверяли, что хотят только выгнать оттуда шведский корпус генерала Крассова, а теперь ясно видно, что их намерение – выжить шведского короля из немецкой земли; это уже слишком!» Переговоры о мире между Францией и союзниками должны были производиться в Голландии, и потому сюда на помощь Матвееву отправлен был князь Бор. Иван. Куракин. В ноябре 1711 года Куракин дал знать, что Франция сблизилась с партией тори в Англии и английский посланник объявил голландскому правительству требование, чтоб назначено было место для посольских съездов и чтоб выданы были паспорта французским уполномоченным. Когда депутаты от Штатов сказали ему, что надобно писать во все провинции республики, изведать общее желание, то он отвечал, что его королева решила – быть съезду и если Голландия будет медлить, то Англия одна назначит место для съезда и выдаст паспорта. «Господа голландцы, – писал Куракин, – в великой конфузии находятся. Мое мнение: если эти государства все больше и больше будут приходить в несогласие, то, конечно, в нас нужду иметь будут, и в таком случае, приняв меры, требуемые нашими интересами, не надобно упускать времени заключить с ними хотя оборонительный союз и свой кредит устанавливать; но теперь пока надобно относиться одинаково как к Англии, так и к Голландии». На это донесение канцлер Головкин отвечал Матвееву и Куракину наказом склонять Штаты к приязни и к вступлению в союз с царским величеством; объявить Штатам и цесарским министрам, что в случае продолжения войны их с Францией царь готов помочь им войском от 10 до 15000 человек, и больше за обычные субсидии и даже без субсидий, только на их содержании и жалованьи; взамен этого требовать, чтоб Австрия и Голландия гарантировали России все завоеванное ею у Швеции, в померанском деле царю и его союзникам не только не мешали, но и помогали. Ответ Матвеева был очень неудовлетворителен: «Из всего видим, что на их прямое усердие к исполнению того, чего от них желается, нам отнюдь опираться нельзя и никакой надежды возлагать на них не следует; притом плохой успех дел наших в Померании не может внушить им большой охоты помогать нам против шведского короля».

И так надобно было хорошо вести дело в Померании, чтоб заставить Австрию и Голландию благоприятно смотреть на наше предложение.

1 марта 1712 года отправился в Померанию с войском князь Меншиков, а князь Василий Лукич Долгорукий должен был хлопотать дипломатическим путем, чтоб союзники действовали дружно.

Задача была тяжелая; прежде всего шли взаимные обвинения в желании заключить отдельный мир с Швециею: время на конференциях проходило в том, что с обеих сторон уверяли в несправедливости подобных обвинений. Долгорукий настаивал, чтоб датчане высылали флот в море как можно раньше; датские министры отговаривались неимением денег. Долгорукий настаивал, чтоб действовать дружно в Померании; датчане считали выгоднее и легче для себя овладеть Бременом. Долгорукий в донесениях своих царю изъяслял опасения, что отдельный мир между Даниею и Швециею может состояться, и приводил основание своим опасениям: великую скудость денежную; все единогласно говорили, что войску жалованья давать нечего; министры и генерал Шульц, имеющие особенное влияние на короля, – люди нерасторопные, скучают множеством трудных дел и слышат народную злобу на себя за войну, а народ раздражает противная министрам партия Плессена и Лента, которая находит доступ и к королю через сестру его; кроме того, датский двор опасался, что если англичане и голландцы успеют помириться с Франциею, то не заставили бы Данию окончить войну без всякой для нее прибыли; голштинский министр Фондернат хлопочет о мире с Швециею, опираясь на Плессена и Лента; министрам грозит опасность и от того, что король хочет переменить метрессу. «Ежели та перемена сделается, все дела здесь переменятся, – писал Долгорукий, – министры не могут

ничего сделать против Фондерната, так он утвердил себя в королевской милости чрез карл и камердинеров; кроме того, держит богатый стол и весь двор кормит».

Долгорукий не мог отговорить датского короля от похода в Бременскую область. Чтоб оживить военные действия в Померании, сам царь отправился туда в июне 1712 года; Меншиков стоял под Штетинном, но царь не мог помочь ему овладеть этим городом, потому что датчане отказались дать ему свою артиллерию под тем предлогом, что ее должны доставить саксонцы. Петр писал датскому королю: «Я чаю, что уже вашему величеству известно, что я не только то число войск (которое поставлено в прошлом годе в Ярославле с королевским величеством польским) для здешних действий поставил, но троекратно более умножил, к тому же и сам сюды прибыл, не щадя здоровья своего, чрез всегдашнюю фатигу и нынешний так далекой путь для общих интересов; но при прибытии моем сюда обрел войско праздно, понеже артиллерия, от вас обещанная, не точию прибыла, но когда я вашего вице-адмирала Сегестета яко командира над оною спросил, который мне ответственал, что она без особливого вашего указа быть сюда не может. Я зело в недоумении, чего для такие перемены чинятся и время так благополучное вотще препровождается, из которого, кроме убытку как в деньгах, а паче в интересах общих и посмеяния от неприятелей наших, ничего нет. Я всегда был и есть готовым своим высоким союзникам все, что интерес общий требует, вспомогать, что всегда с моей стороны исполнено. Ежели же сего моего прошения (о присылке артиллерии) исполнить не изволите, то я пред вами и всем светом оправдаться могу, что сия кампания здесь не от меня опровергнута, и тогда я невиновен буду, что, будучи без действия сам, а людей своих принужден буду вывести в свою землю, ибо напрасного убытку от дороговизны здешней, а наипаче бесчестия от неприятелей понести не могу. Я здесь все места и их положение осмотрел и, какое может действие воинское ныне и впредь в сей земле быть для искоренения отсель неприятелей, о том послал пункты к вашему величеству. Сами изволите рассудить, что мне ни в том, ни в другом месте собственного интересу нет; но что здесь делаю, то для вашего величества делаю». Кампания пропала даром в Померании, тогда как в Бременской области датчане овладели крепостью Штадом. Как бесчестье неуспеха подействовало на Петра, видно из письма его к Меншикову, когда он 19 августа находился в Вольгасте, а светлейший стоял под Штетинном: «Письмо ваше я получил, на которое ответственать кроме сокрушения своего не могу, ибо, как я к тебе в другом письме писал, о всем пространно можешь выразуметь, что, если б ветер не переменялся, одним днем все было бы исполнено, и что делать, когда таких союзников имеем, и, как приедешь, сам уведомляешь, что никакими мерами инако сделать мне невозможно; я себя зело безчастным ставлю, что я сюда приехал; бог видит мое доброе намерение, а их и иных лукавство, я не могу ночи спать от сего трактованья». Так как подобное трактование обыкновенно отзывалось на здоровье, то Петр в октябре отправился в Карлсбад и Теплиц для леченья. Отдохнувши немного, ему хотелось соединить войска всех союзников и окончить год победою, потому что шведский фельдмаршал Стенбок, собрав последние средства, выступил с 18000 войска из Померании в Мекленбург. Петр писал из Теплица к датскому королю, чтоб тот приехал к своим войскам в Голштинию и соединился с русскими войсками для нападения на неприятеля; потом опять писал о том же из Дрездена 12 ноября: «Надеюсь, что ваше величество признаете необходимость такого действия; паки дружески и братски вас о сем прошу и притом объявляю, что хотя мое здоровье требует спокойствия после лечения, однако я, видя крайнюю нужду, дабы сего полезного дела не пропустить, немедленно отъезжаю к войску». К Меншикову царь писал: «Для бога, ежели случай доброй есть, хотя я и не успею к вам прибыть, не теряйте времени, но во имя господне атакуйте неприятеля».

Из Дрездена Петр поехал в Берлин, а из Берлина, как было обещано датскому королю, отправился к войскам своим в Мекленбург. 28 ноября царь приехал в местечко Лаго, где была главная квартира русских войск; из Лаго царь выехал в Гистроу, куда велел следовать и войскам. Здесь 7 декабря получено известие, что Стенбок двинулся к Шверину и Гадебушу с

тем, чтобы напасть на соединенное датско-саксонское войско, бывшее под начальством самого датского короля и саксонского фельдмаршала Флеминга. Царь отправил из Гистроу часть своего войска на помощь союзникам, пославши сказать им, чтобы не вступали в битву прежде соединения с русским войском; на другой день сам Петр выехал из Гистроу и отправил снова троих офицеров, одного за другим, к датскому королю, чтобы не вступал в битву, ибо русское войско находилось только в трех милях; но «господа датчане, имея ревность не по разуму», как писал Петр, вступили в битву и были наголову поражены Стенбоком при Гадебуше. Узнав об этом несчастье, Петр вернулся назад в Гистроу, куда датский король приехал с просьбой помочь ему в беде, и Петр в начале 1713 года двинулся с войском за шведами в Голштинию, разбил их при Швабштеде и прогнал из Фридрихштадта. Из этого города он уведомил фельдмаршала Шереметева о швабштедском деле: «Неприятель в такую землю зашел, что к оному только идти по дамам (плотинам), а поле все, испортив сюзы, потопил, а на дамах сделаны были перекопы и батареи; однако ж мы, несмотря на то, с помощью божиею отважились оного атаковать, который хотя и боронил оные крепкие пассажи, однако ж изо всех оных неприятель выбит с немалым уроном».

Между тем из Голландии, где происходил Утрехтский конгресс для прекращения войны за испанское наследство, приходили дурные вести. Матвеев писал, что Англия и Франция, сближаясь друг с другом, сближаются и с Швециею. Англия и Голландия предложили свое посредничество для прекращения Северной войны. Князю Куракину по этому случаю даны были следующие инструкции: «Надлежит объявить министрам морских держав, что царское величество к миру всякую склонность с союзниками своими имеет и посредничество морских держав принимает; но то посредничество, какое морские державы теперь князю Куракину объявили, царскому величеству и союзникам его вредно и предосудительно. Объявили они: если которая-нибудь сторона не примет посредничество по плану, ими сочиненному, то ее принудить силою. Но это будет уже насилие, а не посредничество. Объявить морским державам: если они обнадежат, что возвращение наследственных русских земель, которые шведы отторгли вместо оказания помощи, будет принято за основание, но не как вознаграждение за войну, то его величество их медиацию принимает; о других же провинциях, которые царское величество желает получить в вознаграждение за войну, будет объявлено при назначенном съезде. Когда станут упоминать о Лифляндии, то объявить в общих выражениях, что царское величество твердо стоит в своем намерении уступить ее короне Польской».

Пробыв несколько времени в Фридрихштадте, Петр решился отправиться в Россию, потому что Стенбок, запертой в шлезвигской крепости Тенингене, не был более опасен. 14 февраля царь выехал из Фридрихштадта, оставив Меншикову инструкцию, как поступать в его отсутствие: «1) искать неприятеля к капитуляции принудить или иным образом к разорению его приводить всеми способами, а наипаче всего, чтобы не ушел, для того 2) надлежит у всех генералов, даже до генерал-майора, брать советы на письме о всяком важно начинаемом деле, дабы никто после не мог отпереться, что он иначе советовал. 3) Стеснение неприятелю как возможно ранее делать, а потом и бомбардированье, дабы нам прежде свое дело окончить генерального мира, по котором, чаю, не без помешки будет. 4) С датским двором как возможно ласкою и низостью поступать, ибо, хотя правду станешь говорить без уклонности, за зло примут, как сам их знаешь, что более чинов, нежели дела, смотрят. 5) Ежели даст бог доброе окончание с неприятелем, то библиотеку выпросить, конечно, всю из Шлезвига, также и иных вещей, осмотря самому с Брюсом, а особливо глобус». Не теряя надежды привлечь к союзу курфюрста ганноверского, Петр заехал для свидания с ним в Ганновер и о следствиях свидания писал Меншикову: «Курфюрст зело склонен явился и советы многие подавал, только что делом что исполнить, то никто не хочет». Узнав о смерти прусского короля Фридриха 1, Петр отправился в Шейнгаузен (в миле от Берлина) для свидания с новым королем Фридрихом Вильгельмом 1. При покойном короле Пруссия в отношении к России следовала постоянно

одной политике, избегая решительного шага и выискивая случая приобрести что-нибудь без больших усилий с своей стороны. Еще в 1711 году царский чрезвычайный посол при прусском дворе граф Александр Головкин, сын канцлера, писал, что прусский двор не хочет заключать договора с Россией, во-первых, потому, что у Пруссии нет достаточного количества войска и она не может ввязаться в такое опасное дело, как война шведская; во-вторых, нет соответствия между тем, что царь обещает дать, и тем, чего требует от короля. Головкин представил самому королю, какие выгоды для Пруссии заключаются в союзе с Россией: Пруссия получит город Эльбинг и часть земли между Вислою и Помераниею. «Очень опасно, – отвечал король, – вступать мне в это дело: царскому величеству шведы нисколько вреда не сделают, потому что его государство далеко; но на меня, как на ближайшего, нападут; а царское величество войска свои дает под таким условием, что во время разрыва с султаном имеет право их отозвать». Головкин возражал, что хотя в предложенном трактате действительно так сказано, однако царь посылает теперь довольно войска против шведского померанского корпуса, также короли польский и датский имеют довольно войска поблизости. Король отвечал: «На датского короля нечего надеяться: это государь бедный и сам не знает, что делать». Прусские министры прямо объявили Головкину, что царь поступает дурно с ними, только обещая награду за союз впоследствии, а не давая ничего вперед: «Маните вы нас Эльбингом, как пса куском мяса», – говорили министры. «У здешних господ министров, – писал Головкин, – на одном часу разные слова, и отменные, и часто только политичные». Слова были разные, но мысль одна, одно желание, и желание это было так сильно, что забывали приличия. Головкину объявили от имени королевского, что его величество лишен всех средств исполнить Мариенвердерский договор, но надеется и просит, чтобы царское величество по своему доброжелательству к королю изволил уступить ему город Эльбинг; если отдаст город явно, то поляки рассердятся, и потому пусть царское величество повелит генералу своему выйти из города и тайно уведомить об этом пруссаков, которые и займут Эльбинг, где все жители на их стороне, кроме магистрата; за это король обещается помогать тайно царскому величеству против шведов. «Я, – писал Головкин, – для наших нынешних обстоятельств заблагорассудил их ласкать и принял то на доношение. Король, своею особой, нашей партии, также и кронпринц начинает к нам склоняться; нынешний год надобно с здешним двором пасиенцию иметь и довольствоваться тем, чтоб они нам помогли артиллериею, и, может быть, несколько батальонов под каким-нибудь предлогом дадут, только на это крепко нельзя надеяться». В Берлине не спускали глаз с Эльбинга. В марте 1712 года Головкин имел разговор с министром Ильгеном, который представлял, какие услуги оказывает Пруссия России, пропуская царские войска через свои земли и оказывая им всякое вспоможение. «За такие услуги, – продолжал Ильген, – изволили бы царское величество отдать нам Эльбинг». «Царскому величеству, – сказал Головкин, – нельзя этого сделать без позволения короля польского и Речи Посполитой; но если король прусский действительно вступит с нами в союз против Швеции, то царскому величеству можно будет представить польскому королю и Речи Посполитой дело так, что, может быть, они и согласятся на передачу Эльбинга Пруссии». «Можно и теперь, – отвечал Ильген, – сделать сильные представления о необходимости передать Эльбинг Пруссии, можно внушить, что прусский король необходим союзникам для свободного прохода войск их чрез прусские владения, для закупки хлеба и других потребностей; что у прусского короля много войска, и если его не удовлетворить отдачею Эльбинга, то он может перейти на сторону Швеции. А вступать нашему королю в войну против Швеции не нужно, потому что северные союзники довольно сильны и без прусской помощи; но король наш рад помогать союзникам всячески». Через несколько времени Ильген подступил с другой стороны. «Наш король, – говорил он Головкину, – хочет содержать нейтралитет и, желая водворения мира на севере, не только хочет употребить для этого свой кредит при других дворах, но и оружие; только надобно знать, что вы нам за наши труды дадите, и объявляем вам наперед,

что из-за одного Эльбинга мы не станем хлопотать, надобно еще что-нибудь прибавить». Это «что-нибудь» должно было состоять из части польской Пруссии и Курляндии.

Головкин писал, что кронпринц к нам склоняется. Теперь кронпринц стал королем, и надобно было узнать, в какой степени он к нам склонился. «Здесь, – писал Петр Меншикову, – нового короля я нашел зело приятна к себе, но ни в какое действо оного склонить не мог, как я мог разуместь для двух причин: первое, что денег нет; другое, что еще много псов духа шведского, а король сам политических дел не искусен, а когда даст в совет министрам, то всякими видами помогают шведам, к тому же еще не осмотрелся. То видевав, я, утвердя дружбу, оставил. Ежели б что мог сделать здесь, конечно, намерен был водою к вам поворотиться. Двор здешний, как мы усмотрели, уже не так чиновен стал, как прежде сего был, и многим людям нынешний король от двора своего отказал и впредь, чаем, больше в отставке будет, между которыми есть много из мастеровых людей отпускают, которые сами службы ищут; також и картины, как слышим, продавать будут; того для, когда у вас дела будут приходить к окончанию, тогда генерала Брюса отпустите в Берлин для найму мастеровых людей знатных художеств, которые у нас потребны, а именно: архитекты, столяры, медники и прочие».

Не склонив ни курфюрста ганноверского, ни прусского короля ни к какому «действию», Петр хотел нанести сильный удар врагу со стороны Финляндии. Намерение свое относительно этой страны он изложил в письме к адмиралу Апраксину еще из Карлсбада 30 октября 1712 года: «Сие главное дело, чтобы, конечно, в будущую кампанию как возможно сильные действия с помощью божиею показать и идти не для разорения, но чтобы овладеть, хотя она (Финляндия) нам не нужна вовсе удерживать, но двух ради причин главнейших: первое, было бы что при мире уступить, о котором шведы уже явно говорить починают; другое, что сия провинция есть матка Швеции, как сам ведаешь: не только что мясо и прочее, но и дрова оттоль, и ежели бог допустит летом до Абова, то шведская шея мягче гнуться станет». Немедленно по приезде в Петербург, в марте месяце, велел он приготовляться к морскому походу в эту страну. 26 апреля галерный флот, состоявший из 95 галер, 60 карбасов и 50 больших лодок с 16000 войска, отплыл из Петербурга к Финляндии, сам Петр, как контр-адмирал, шел в авангарде; в *корде* — баталии находился генерал-адмирал граф Апраксин, в арьергарде – генерал-лейтенант князь Мих. Мих. Голицын и контр-адмирал граф Боцис. В начале мая русские войска высадились у Гельсингфорса; начальствовавший здесь генерал Армфельд, не дожидаясь приступа, ночью зажег город и убежал в Борго; русские отправились к Борго; но шведы очистили перед ними и этот город; русские овладели беспрепятственно и главным городом Финляндии Або: «Не только войска неприятельского, но ниже жителей тамо обрели, но все найдено пусто». Это было в конце августа; в октябре русские нашли наконец неприятеля, который решился принять битву: при реке Пелкени, у Таммерсфорса, генерал Армфельд был разбит Апраксиным и Голицыным; следствием победы было то, что вся почти Финляндия, до Каянии, находилась в руках русских.

И в Голштинии, и в Померании военные действия в 1713 году шли успешнее, чем в предыдущем. В начале марта Меншиков из Фридрихштадта отправился в Гузум, где жил датский король, чтоб выговорить его министрам за неисправную доставку продовольствия русским войскам. «Если так продолжится, – говорил светлейший, – то мы принуждены будем оставить здешние действия». Датские министры рассердились и в сердцах проговорились: «Если станете дорожиться, то мы имеем близкое средство к миру». «Если хотите заключить мир, то говорите прямо», – сказал Меншиков. Министры смутились и стали пенять друг на друга за то, что проговорились. «Из этого случая, – писал Меншиков царю, – отчасти можно признать, что у них не без особенного промысла насчет партикулярного мира, тем больше, что на днях был в Гузуме голштинский министр, жил три дня и, говорят, тайно допущен был к королю». Этот голштинский министр был знаменитый впоследствии Гёрц. Мы видели, что зять и друг Карла XII герцог голштинский был убит при Клиссове в 1702 году; за несовершеннолетием сына его,

герцога Карла Фридриха, воспитывавшегося в Швеции, администратором Голштинии был родной дядя его, Христиан Август, князь-епископ Любский, который очутился теперь в тяжелом положении слабого в борьбе между сильными. Перед союзниками он выставлял свой нейтралитет, а между тем тайно отдано было приказание тенингенскому коменданту впустить Стенбока с войском в крепость. Теперь министр Христиана Августа, Гёрц, явился к датскому двору с предложением, что уговорит Стенбока сдаться союзникам, но за это голштинские владения должны быть очищены от союзных войск и получить вознаграждение за убытки, причиненные войною. Гёрц из Гузума разъезжал в Тенинген к Стенбоку, в Гамбург к другому шведскому фельдмаршалу, Велингу, и по возвращении в Гузум уверял Флеминга и князя Вас. Лукича Долгорукого, что Стенбок непременно сдастся. Датские министры написали было уже и договор в том смысле, что Стенбок сдается одному датскому королю, но Долгорукий объявил, что он на это никак не согласится, что Стенбок должен сдаться всем союзникам, которые должны приобрести равные выгоды от этой сдачи. Между тем получены были известия, что в Тенингене большой недостаток в съестных припасах. Меншиков, тяготясь переговорами без конца, писал Долгорукому: «Это не дело, но Гёрцевы штучки, что самим вам легко рассудить можно: с начала пересылки с Стенбоком не видали мы ни одного от него письма; что Гёрц напишет или скажет, тому и верим, Гёрцу нужно одно – проволочь время и не допустить нас до бомбардирования. Итак, оставя это безделье, надобно приступить к делу, т.е. поскорее начинать бомбардирование, чего вашему сиятельству и надобно домогаться». Вследствие этого домогательства Гёрц был удален, и союзники вошли в непосредственные сношения с Стенбоком, который сдался им 4 мая; а через 20 дней Меншиков выступил из Фридрихштадта: одна часть войска пошла к Гамбургу, другая – к Любеку; первый должен был заплатить 20000 талеров, второй – сто тысяч марок за то, что не прерывали торговых сношений со шведами. Узнавши об этом, Петр писал Меншикову: «Благодарствуем за деньги, что взято с Гамбурга доброю манерою и не прерывала времени, и чтоб из оных доброю часть послать к Куракину: зело нужно для покупки кораблей, ибо когда из них доброю часть (и буде возможно, и половину) пошлете к Куракину, то на весну мы можем около 30 кораблей и фрегат поставить, в чем я надежен, что вы сего главного дела не запомните».

Датские войска продолжали осаду Тенингена, хотя там и не было более шведов. Отряды союзных войск под начальством саксонского фельдмаршала Флеминга взяли остров Рюген; князь Долгорукий требовал у датских министров, чтоб немедленно же была начата осада Штральзунда, который не мог держаться без Рюгена, но его представлений не послушали. Понапрасну также русский посланник противился допущению Гёрца снова к датскому двору, понапрасну представлял «недоброжелательства Гёрцевы ко всему Северному союзу, и особенно к короне Датской». Ему отвечали, что допущением Гёрца король покажет склонность к прекращению вражды с домом голштейнготторпским и что Гёрц, находясь при датском дворе, не может сделать ничего вредного. Но между тем Гёрц, не успевший обратить внимания Петра на свои предложения и видевший опасного себе врага в Долгоруком, бросился к Меншикову и успел вкрасься в его доверенность: он предложил ему план прорытия через шлезвигские владения канала, который бы соединял Балтийское море с Немецким и избавлял русские корабли от обязанности проходить через Каттегат. Исполнение предприятия и выгоды от него представлялись светлейшему князю. Меншиков стал видаться с Гёрцем, вошел в его планы относительно тесного союза голштейнготторпского дома с Россиею, и шла уже речь о браке молодого герцога с царевною Анною Петровною. Но у Гёрца был еще другой план: так как союзники имели в виду овладеть шведскими городами в Померании, то он предложил, что склонит шведских комендантов этих городов к сдаче, но с тем, чтоб города были отданы в секвестр прусскому королю и голштинскому администратору, половина гарнизона в них будет прусская, а другая – голштинская. Меншиков принял предложение, которое не могло не понравиться и царю, потому что таким образом Пруссия, принимая шведские города, затягивалась в враж-

дебные отношения к Швеции. В начале июня граф Александр Головкин проведал, что голштинский тайный советник Бассевич приехал в Берлин и трактует с тамошним двором о взятии Штетина в секвестр Пруссии. Головкин немедленно выпросил частную аудиенцию у короля и представил ему, что это дело надобно улаживать по соглашению с Россией, о чем князь Меншиков имеет полную инструкцию от своего государя. Король отвечал на это: «Когда так, то хорошо, будем это дело делать вместе, пошлю от себя кого-нибудь к князю Меншикову; я царскому величеству всегда добрый друг и никаких противностей интересам его величества делать никогда не хочу, но желаю ему во всем, сколько можно, помогать. Мы друг другу никакого зла сделать не можем, наоборот, можем друг другу помогать».

После этой аудиенции Головкин увиделся с Бассевичем и прямо объявил ему, что знает, зачем он приехал в Берлин. Бассевич так удивился, что скоро не мог отвечать; потом, оправившись, начал говорить: «Вижу, что вы все знаете, и потому не хочу от вас ничего утаивать; действительно, по указу своего правительства стараюсь я у здешнего двора, чтоб король прусский взял в секвестр город Штетин, и делаем мы это дело с согласия вашего фельдмаршала князя Меншикова и саксонского фельдмаршала графа Флеминга». Тут Головкин в свою очередь должен был сильно удивиться, потому что не имел никакого известия о согласии Меншикова.

После разговора с Бассевичем Головкин имел разговор с прусским министром Ильгеном, который объявил, что король посылает к Меншикову генерала Борка. При этом Ильген сказал: «Надобно признаться, что у нас это дело уже почти было слажено с шведами; думаю, что на будущей неделе Штетин был бы в наших руках, для чего и войскам нашим уже велено приблизиться к границам Померании; но из дружбы к царскому величеству и по вашему предложению король решился войти по этому делу в соглашение с вами». Головкин спросил у Ильгена, будут ли теперь пруссаки помогать союзникам. Тот отвечал: «Если нам помогать вам войском, то это будет явное объявление войны шведам». «По крайней мере дадите ли нам свою артиллерию?» – спросил Головкин. Король еще подумает, отвечал Ильген, артиллерия дорого стоит, да и надобно справиться, есть ли в наших магазинах достаточно бомб и других принадлежностей, мы такого счастливого случая не пропустим и всеми силами будем стараться получить Померанию, чрез вас ли, чрез шведов ли». Спустя несколько времени Бассевич объявил Головкину о дальнейших голштинских замыслах. «Мы, – говорил он, – ведем переговоры с здешним двором о том, чтоб король прусский в случае смерти короля шведского помог нашему герцогу получить наследство, т.е. шведскую корону, за что обещаем прусскому королю Штетин с окрестными землями в вечное владение. Надеемся, – прибавил Бассевич, – что и царское величество, за наше усердие, поможет голштинскому герцогу в получении шведской короны, а не позволит перейти ей к принцессе Ульрике, второй сестре Карла XII; для того то мы и стараемся о померанском секвестре, чтоб закрепить за нашим герцогом шведские провинции в Германии».

Голштинцы обещали уговорить штетинского шведского коменданта Мейерфельда к сдаче; но Мейерфельд не поддавался их внушениям, и голштинцы стали хлопотать, чтоб Меншиков осадил Штетин и таким образом напугал Мейерфельда; о том же хлопотало и прусское правительство, которое хотело приобрести Штетин без всякого со своей стороны пожертвования. Поэтому когда Меншиков в начале июля осадил Штетин, но осада затянулась и для ее ускорения требовалась прусская артиллерия, то Ильген и другой министр, Грумкау, убедили короля, что надобно покинуть мысль о секвестре, ибо послать прусскую артиллерию к Штетину – значит явно объявить войну шведскому королю, притом же для этого нужна большая сумма денег. В Берлине не хотели вступить в открытую войну со Швецией, но и не хотели также, чтоб эта держава сохранила прежнюю свою силу, помнили ее тесный союз с Францией, союз, противный интересам Пруссии и всей Германии, помнили ее войну с великим курфюрстом. 10 августа был обед у короля Фридриха Вильгельма, где присутствовали посланники русский, шведский и голландский. Король предложил тост за здоровье русского государя, потом Голландских Штатов и забыл о шведском короле. Шведский посланник Фризендорф отказался

пить за здоровье царя, вместо того выпил за добрый мир и при этом просил короля, чтоб он был посредником и доставил Карлу XII удовлетворение – возвратил ему Лифляндию и другие завоевания, ибо король прусский не может желать усиления царя. Король отвечал: «Удовлетворение следует царскому величеству, а не шведскому королю, и я не буду советовать русскому государю возвращать Ливонию, рассуждая по себе: если бы мне случилось от неприятеля что завоевать, то я бы не захотел назад возвратить; притом царское величество – добрый сосед и других не беспокоит; а что касается посредничества, то я в чужие дела мешаться не хочу». Фризендорф напомнил о дружбе, которая была всегда между Швециею и Пруссиею при покойном короле Фридрихе I; в ответ Фридрих-Вильгельм припомнил войну, которую вела Швеция с Пруссиею при деде его, припомнил тесный союз Швеции с Франциею. «Одного только недостает – чтоб французский герб был на шведских знаменах», – сказал между прочим король. Фризендорф начал уверять, что такого союза нет между Швециею и Франциею. «А хочешь расскажу, что ты мне говорил шесть недель тому назад?» – сказал король. Фризендорф испугался. «Я это говорил вашему величеству наедине, как отцу духовному», – сказал он и прибавил, что король все шутит. «Говорю, как думаю, – отвечал король, – и никого манить не хочу». В Берлине не хотели усиления Швеции, не хотели и усиления Дании и потому приняли предложение голштинцев, чтоб требовать от датского короля очищения Голштинии.

Все это – и отказ прусского короля взять в секвестр Штетин, и действия Пруссии против Дании в голштинском интересе – не могло нравиться Петру. 19 сентября он писал Меншикову: «Преизрядная б была польза, чтоб Штетин взять, ибо чаем, король прусской для того отстал от секвестрации, что король швецкой диплом прислал отдать оный ему, ежели в его интерес вступит; что же о голштинцах и дацких – правда, что хотя дацкие и неблагодарны явились, и зело слепо и недобро поступают, однако уже то подлинно есть, что неприятели шведам и нам, наипаче для моря, зело нужны, а на новых друзей, голштинцев, еще трудно надеяться: может бог из Савла Павла сделать, однакоже я в том еще фоминой веры; впрочем, все полагаю на ваше рассуждение по тамошним конъюнктурам, а наипаче того смотреть, чтоб армию, не разоря, проводить домой». Вслед за тем 21 сентября другое письмо в том же роде: «Чтоб, когда бог даст Штетин, отдать за секвестрацию прусскому, о том мое рассуждение, что то добро, ежели не будет противно королю польскому, ибо оному то обещано, а прусскому отдадим без всякой с их стороны к нам склонности; буде же королю польскому сие не будет противно, то для нас изрядно, а по-моему, лучше бы отдать не в секвестрацию, но вовсе, а за то б обязался (пруссский король) в Польшу шведов не пускать, также, буде возможно, хотя б четыре полка дал своих королю польскому, ежели турки на весну что начнут. Что же голштинцы к сему зело склонны, то для того, чтоб скорее оной город от пруссаков могли назад получить, неже от нас. Что же пишете, что голштинцы каковы были противны нам, таковы ныне склонны – дай боже, чтоб была правда, а я чаю, все для того, чтоб тем выжить датчан от себя, ибо еще ничего нам делом не показали, как шведам помогли Тонингом. Для бога осторожно с такими поступай; лучше держаться апостола, который к таким пишет: покажи мне веру свою от дел своих; а словам верить нечего, ибо хотя иные и хотят своего князя королем шведским (сделать) – то правда, да еще старый жив. Поступки датчан неладны, да что ж делать? а раздражать их не надобно для шведов, а наипаче на море; ежели б мы имели довольство на море, то б иное дело, а когда не имеем, нужда оным флатировать, хотя что и противное видею, чтоб не отогнать. Что же пишете о трудном своем деле, тому я верю, а что пишете, как вам поступать с голштинцами, на то отвечаю, что и оных озлоблять не надлежит, но приводить к тому, чтоб они, когда ищут с нашей стороны себе приятельства ко вспоможению короны шведской князю их (т.е. чтоб герцог их, как племянник бездетного Карла XII, получил шведскую корону), то можно им обещать, только б они что-нибудь наперед делом показали, а пока дела в наш интерес не сделают, ничего им не надлежит открываться и верить, но содержать в ласке внешней, а не

внутренней, прочее воистину не могу за очи резону дать, но полагаюсь в том на вас, ведая доброе сердце ваше».

Но когда писались эти предостерегательные письма, указывавшие на необходимость шадить Данию и не доверять голштинцам, естественным союзникам шведов, Меншиков действовал «по тамошним конъюнктурам». 18 августа, получив саксонскую артиллерию, он заключил с Флемингом договор, по которому обязался взять Штетин одними русскими войсками и отдать его в секвестр королю польскому вместе с администратором голштинским; а если король прусский пожелает взять его в секвестр вместе с голштинским администратором, то может это сделать, заплативши царю и королю польскому деньги за убытки, понесенные во время осады. Осада шла успешно, и, когда со стороны осаждающих «из мортир и пушек такой трактамент был Штетину учинен, что тотчас во многих местах в городе загорелось и превеликий пожар учинился», Мейерфельд, потерявши надежду долее защищать город, 19 сентября при посредстве Бассевича согласился выйти из Штетина, отдавши его в секвестр королю прусскому и администратору голштинскому; Меншиков позволил, чтобы два шведских батальона остались в городе, принесши присягу на верность герцогу голштинскому. После этого Меншиков поехал в бранденбургский город Швет, где заключил с прусским королем окончательный договор не только о «секвестрации» Штетина, но также Рюгена, Штральзунда и Висмара. Покончив эти дела, светлейший князь двинулся к русским границам; в Померании осталось только 6000 русского войска. Прусский король был в восторге, что получил желаемое. «Донесите царскому величеству, – говорил он Головкину, – что я за такую услугу не только всем своим именем, но и кровию своею его царскому величеству и всем его наследникам служить буду и хотя бы мне теперь от шведской стороны не только всю Померанию, но корону шведскую обещали, чтоб я пошел против интересов царского величества, то никогда и не подумаю так сделать за такую царского величества к себе склонность».

Сколько радовались в Берлине, столько же печалились в Копенгагене.

Когда при датском дворе узнали о секвестрации, то поднялось сильное волнение. «Больше зла нельзя сделать нашему королю, как этою секвестрацией, – сказали датские министры Долгорукому. – Герцог голштейн-готторпский столько же желает добра королю шведскому, сколько желают ему и сами шведы; так можно ли было допускать его вмешиваться в дела Северного союза? Королю прусскому верить трудно, зная сношения его с Францией в пользу шведскую; сами прусские министры открыли, что их король обещал помогать герцогу голштейн-готторпскому против нашего короля. У нас уже начаты были приготовления, чтобы на будущее лето вступить в Шонию; но теперь нечего думать о войне, надобно искать мира; союзники отняли у нашего короля все способы к наступательной войне, а оборонительную войну вести только разоренье без всякой прибыли». Долгорукий успокаивал их как мог, спрашивал, на каких условиях желают они отдать померанские города в секвестр? «Отдать одному королю прусскому, чтоб о герцоге голштейн-готторпском и помину не было», – отвечали министры. Сердились не на Меншикова, а на Флеминга, которому приписывали все это злое дело, рассказывали, как Флеминг недавно еще грозился отомстить датскому двору за прежние неприязности. Раздражение против Голштинии было тем сильнее, что мирные переговоры между нею и Данией кончились тем, что Гёрц, не сказавшись никому, тайком уехал на крестьянской телеге окольными дорогами; Долгорукому объявили, что Гёрц предлагал отдельный мир между Даниею и Швециею; сам король сказал ему: «Вы пророк: что вы предсказывали о Гёрце, то и случилось; он предлагал такие дела, от которых был бы страшный вред Северному союзу».

Скоро пришли известия, которые оправдывали опасения датского короля и его министров: прусский король объявил, что Дания должна очистить владения герцога голштейн-готторпского, в противном случае Пруссия силою заставит ее это сделать. Петр получает письмо от датского короля. «Я думаю, – пишет Фридрих IV, – что все эти договоры о секвестрации заключены Меншиковым и Флемингом нарочно к моему вреду, и это уже не в первый раз оба

они обнаруживают свою вражду против меня. Надеюсь, что, ваше величество, изволите взглянуть на это дело совершенно иначе и меня, как своего верного союзника, не оставить, изволите повторить иностранным дворам объявление о необходимости прежних распоряжений в мою пользу относительно голштейн-готторпского дела и дать указ князю Меншикову, чтоб он со всеми русскими войсками, находящимися в Померании, готов был помогать мне при первом на меня нападении с какой бы то ни было стороны. Вашего величества высокое праводушие и понимание собственного интереса требуют зрелого обсуждения этого представления моего и не позволят допустить, чтобы необходимое между нами согласие прекращено было такими отдельными договорами. Ваше величество, по своей рассудительности не можете не усмотреть здесь враждебных намерений и не отворать их заблаговременно».

«Трактат о секвестре Померании мы рассматривали, – отвечал Петр, – и нашли, что некоторые статьи противны нашему общему интересу. Статьи эти приняты князем Меншиковым по нужде, потому что прусский двор без них в секвестр вступить не хотел; нашим войскам нельзя было там долее оставаться по причине позднего времени и недостатка в продовольствии. Что касается до отдачи на секвестр Штральзунда и Висмара, то мы позволим отдать их только на таких условиях, на каких угодно будет вам и королевскому величеству польскому; касательно же Штетина нам нельзя отречься от ратификации, ибо договор заключен с согласия короля польского, которому город этот по разделу принадлежал; надеюсь, что и вашему величеству договор противен быть не может, потому что при заключении его в Шведе находился и ваш генерал Девиц. Однако мы удержались и от посылки этой ратификации, узнав, что между королем прусским и домом готторпским заключен договор, в котором находятся вредные для вашего величества статьи. Мы приказали находящемуся при прусском дворе графу Александру Головкину требовать, чтоб эти статьи были исключены, и если наше требование будет исполнено, то и мы ратификуем договор о Штетине».

Представления графа Александра Головкина в Берлине, отказ Англии давать субсидии на датскую войну и неудовольствие Франции на то, что Пруссия захватила шведские владения и хочет их удержать за собою, заставили Пруссию отказаться от угрожающего положения относительно Дании; впоследствии со стороны Франции явилось предложение, что если прусский король хочет получить Штетин в вечное владение, то должен объявить войну России, чтобы заставить ее отказаться от всех своих завоеваний. Осторожный Фридрих-Вильгельм, хорошо знавший русского царя и его средства, с негодованием отверг это предложение; но в Дании не переставали беспокоиться и относительно Пруссии, и относительно того, что герцог голштинский был ближайший наследник шведского престола. Долгорукий писал, что король никак не хочет помириться с герцогом, если тот не отречется от прав своих на шведский престол или по крайней мере не обяжется, что, сделавшись шведским королем, не присоединит Голштинии и Шлезвига к Швеции. Царь велел Долгорукому объявить королю, что и он такого же мнения, да и другие государства не допустят, чтобы герцог владел Швециею и Голштиниею. Но хлопоты не ограничивались одною Данией. В феврале 1713 года английский посланник в Голландии лорд Страффорд говорил князю Куракину: «Натурально, что Англия никогда не хочет видеть в разорении и бессилии корону Шведскую. Намерение Англии – содержать все державы на севере в прежнем равновесии. Выгоды нашей торговли требуют, чтобы мы старались о прекращении Северной войны. Россию трудно помирить с Швецией: ваш государь хочет удержать все свои завоевания, а шведский король не хочет ничего уступить. По моему мнению, Ливонии нельзя отнять у Швеции; надеюсь, что ваш государь удовольствуется Петербургом, о чем у нас есть уже известия; Нарва по своему положению одинаково нужна обеим державам». «Во всяком случае, – писал Куракин, – мы с своими союзниками никакой надежды иметь не можем: министры императорские, видя свое бессилие, очень щадят шведа; здешние Штаты хотя бы и намерены были что-нибудь для нас сделать, да бессильны, делают только то, что угодно Англии». Страффорд внушал влиятельным людям в Голландии, что если царь будет

иметь гавани на Балтийском море, то вскоре может выставить свой флот, ко вреду не только соседям, но и отдаленным государствам. Английское купечество, торговавшее на Балтийском море, подало королеве проект, в котором говорилось, что если царь будет иметь свои гавани, то русские купцы станут торговать на своих кораблях со всеми странами, тогда как прежде ни во Францию, ни в Испанию, ни в Италию не ездили, а вся торговля была в руках англичан и голландцев; кроме того, усилится русская торговля с Данией и Любеком.

Эти враждебные заявления были остановлены угрозой Петра. Возвратился в Голландию бывший в Дании посланник Гоус и донес своему правительству о разговорах, бывших у него с царем. Петр объявил ему, что желает иметь посредниками цесаря и Голландские Штаты, ибо надеется на беспристрастие этих держав; не отвергает и посредничества Англии, только подозревает ее в некоторой враждебности к себе. «Я, – говорил Петр, – готов, с своей стороны, явить всякую умеренность и склонность к миру, но с условием, чтобы медиаторы поступили безо всяких угроз, с умеренностию; в противном случае я вот что сделаю: разорю всю Ливонию и другие завоеванные провинции, так что камня на камне не останется; тогда ни шведу, ни другим претензии будет иметь не к чему». Передавая эти слова, Гоус внушил, что с царем надобно поступать осторожно, что он очень желает мира, но враждебными действиями принудить его ни к чему нельзя. «Сие донесение, – писал Куракин, – нашим делам не малую пользу учинило».

В июне-месяце Страффорд начал требовать, чтобы Россия, Дания и Саксония приняли посредничество морских держав, Англии и Голландии, для заключения мира с Швециею. При этом датский и польский послы объявили Куракину, что имеют указы от дворов своих при нынешних нужных случаях приводить в интерес своих государей и обещать денежные дачи лорду Страффорду и некоторым из значительнейших сановников Голландской республики; датский посол объявил, что готов обещать Страффорду 20000 талеров; польский (саксонский) посланник объявил, что на все раздачи имеет 40000 талеров, и потому обещал Страффорду 20000; той особе, которая в пересылках будет с Страффордом, каждый обещал по 2000 червонных; требовали и от Куракина, чтоб и он обещал Страффорду 20000 талеров, но тот отвечал, что без указа сделать этого не может. Куракин обратился к самым влиятельным лицам в Голландской республике с вопросом: какая им нужда так спешить с своею медиацией? Какой их собственный интерес в этом заключается? «Все это мы делаем только для виду, – отвечали они, – нужно нам утешить Англию; а прямого намерения спешить с северными делами у нас нет; мы будем в этом деле сколько возможно тянуть и откладывать согласно с интересами царского величества; но вместе с тем было высказано мнение, что царскому величеству не надобно медлить мирными переговорами, потому что если Франция заключит мир с цесарем, то, имея свободные руки, будет усердно помогать шведскому королю войском и деньгами, не пожалеет и миллионов, чтобы возвратить Швеции прежнюю силу; да небезопасно будет и со стороны Турции. Голландии нельзя отдаляться от Англии, потому что если Англия, озлобясь, бросит Голландию и вмешается в северные дела вместе с Франциею и Пруссией, то Голландия потерпит большой убыток в балтийской торговле, да и царскому величеству не будет никакой пользы, если Голландия будет исключена из переговоров о северных делах».

Когда Куракин дал знать обо всем этом своему двору, то получил ответ: от медиации морских держав, как возможно, отговариваться; но *добрые средства* (*bona officia*) принимать, чтобы по крайней мере в прелиминарные статьи внесено было как основание возвращение старых русских земель, уступленных по Столбовскому миру. Ливония уступается короне Польской с таким условием, чтобы никому другому не была отдана. Если же будут непременно требовать, чтобы Ливония была возвращена Швеции, то объявить, что царское величество согласен отдать и шведам, если король польский и Речь Посполитая позволят; но отдать шведам с неременным условием, чтобы крепости были разорены. Если местом мирных переговоров не захотят назначить Данциг, то предлагать Бреславль; если же и на это не согласятся,

то Брауншвейг; а от Гаги и от других мест по дальности отговариваться. Если захотят заключить перемирие, то принять на 20 или по крайней мере на 15 лет, а принять на кратчайший срок – значит неприятелю только отдых дать; когда и в царствование Михаила Феодоровича война была со шведом, то перемирие заключено было на 30 лет. Спешить переговорами, если будет видно, что дела у цесаря с Францией, также и в Англии приходят к концу; если же этого не будет видно, то длить переговоры и дотянуть, если возможно, до будущей кампании. Если морские державы будут сильно держать шведскую сторону, то повторить слова царского величества, сказанные голландскому министру Гоусу, что прежде обратятся в пепел все завоеванные места, чем уступятся неприятелю в целости, ибо отдать крепости в руки неприятельские – значит опять самим себе змею пустить за пазуху. Лорду Страффорду обещать 20000 ефимков, если он к интересам царского величества покажет себя действительно склонным. В Англии уполномоченным для заключения северного мира назначили Витворта; кажется, он к северным союзникам доброжелателен, ибо хотя и ласкается к нынешнему торийскому министерству, но сердцем виг; обещать ему тайно 50000 ефимков, если он поможет заключению мира на желаемых условиях. Особе, которая будет в пересылке с лордом Страффордом, обещать 2000 червонных; на раздачу всем, кто будет помогать, царское величество назначил 100000 ефимков.

Съезд уполномоченных для переговоров о северном мире назначен был в Брауншвейге, но конгресс этот не повел ни к чему; дела шли по желанию царя, т.е. очень медленно; Англия была занята внутренними Делами; Голландии вовсе не хотелось ввязываться в северные дела; ее более всего беспокоила связь Англии с Францией; кроме того, еще продолжалась война у Франции с императором. Петр спешил пользоваться обстоятельствами. Для того чтоб окончательно успокоить датское правительство и побудить его действовать наступательно против шведов в 1714 году, Петр отправил на помощь Долгорукому в Копенгаген человека, в котором заметил большие способности и вывел из денщиков в генерал-адъютанты, – Ягужинского.

Ягужинский получил наказ: приехав в Копенгаген, представлять: 1) королевскому величеству известно, что Швеция теперь оружием союзников почти к падению приведена; державы, от которых она ждала помощи, заняты собственными делами, как Англия, так и Франция; бранденбургский также обязался не только не поступать ко вреду союза, но и не допускать шведов в империю и Польшу; Штетин взят, и королевское величество и союзники его никакого другого неприятеля, кроме шведов, опасаться не могут – одним словом, бог дает нам в руки неприятеля, только бы мы с благодарностью приняли; неленостно и между собою прямым общим сердцем поступали, все, что кому возможно, делали без всяких претензий; для того мы просим у королевского величества совета, как удобнее эту войну выгодным миром окончить, и с своей стороны предлагаем следующий совет: 2) так как нынешнею кампаниею финская земля вся у неприятеля отнята, корпус неприятельский в ней разорен и дошли мы до самого *синус Ботникус* (Ботнического залива), то далее нам сухим путем идти нельзя, а водою кораблей у нас мало, мелких судов хотя и довольно, однако на них через синус Ботникус перейти нельзя по причине неприятельской эскадры; так же и королевскому величеству в Померании вследствие заключенной секвестрации в будущую кампанию над Штральзундом действовать едва ли возможно; итак, остается одно морское действие. 3) Так как королевскому величеству другого места не остается для войны, как Шония, которую очень легко может получить, если изволит склониться на наш совет, и не только Шонию получит, но и мир по желанию вскоре заключить будет можно, то мы предлагаем 15000 человек на своих морских судах, на своих деньгах и хлебе, только бы они были под защитою датского флота. 4) Русскому флоту по соединении с датским идти к шведскому берегу, атаковать батареи на стокгольмском фарватере или высадиться на берег и идти прямо к Стокгольму. 5) Так как шведы вследствие вступления нашего в Финляндию ждут нападения и все свои силы сосредоточат у Стокгольма и идти к этому городу не без труда будет, то предлагается и такой способ: разгласивши, что идем к Стокгольму, идти к Карлскроне и стать флотом в таком месте, чтобы не выпустить кораблей

из гавани, а *скампавеям* атаковать город; если бог поможет это сделать, то прибыльнее будет Стокгольма, потому что последняя шведская надежда состоит во флоте. 6) Когда эти действия начнутся, король датский может войти в Шонию без всякого опасения и делать там, что хочет. Неприятель тогда с трех сторон будет окружен; флот флотом заперт; сухопутные войска русские на одно из указанных выше мест устремятся, а датские в Шонию войдут; тогда, думаю, не только захотят мириться, но и бланкет пришлют. 7) Так как мы тогда сами будем при войсках, то чтобы королевское величество изволил вручить нам команду над своим флотом. Если этих предложений не примут, то хотя бы эскадру от 7 до 10 кораблей прислали на половинном жалованьи и обнадежили бы, что шведский флот к нам не пропустят. Если же на последнее не согласятся, то и эскадры не надобно; от нее только убыток, если флот шведский не будет удержан, а лучше всякому воевать, как кто может, разве просить, чтобы дали от трех до пяти кораблей до окончания войны, а потом мы их отдадим, а что будет потеряно, вдвое отдадим; если корабль пропадет, новый поставим.

Ягужинский в январе 1714 года дал знать царю, что приезд его в Данию оказывается вреден. «Король ни во что один не вступает, – писал Ягужинский, – и никаким образом в разговор без министров не входит; случилось мне благодаря некоторым приятелям быть позвану ужинать к метрессе, где и король сам был, и тут я уллучил час с ним говорить и представлял ему всякие не оцененные в вечную их пользу способы; но он на все то одним словом отвечал, что прежде всего надобно получить письменное обнадеживание от прусского короля, а потом помочь Дании деньгами. „Без того, – сказал король, – не можем ничего начать; можно вам и самим рассудить, зная наше положение, что так сильно одни не можем действовать“. Ягужинский хотел было продолжать свои представления, но король, ничего не отвечая, ушел с метрессою во внутренние покои.

«С министрами, – писал Ягужинский, – дело идет так гнило, что и сказать нельзя, друг друга дрожат, боятся, а Выбей и говорить при людях с нами долго не хочет. Мой приезд сюда оказал более помешки, чем пользы, ибо никак не хотят верить, чтоб я был прислан без больших денег, и думают, что мы с князем Долгоруким крепимся и без крайней нужды денег им объявить не хотим». Ягужинский указывал две причины, почему датчане не хотели слушать от него никаких предложений относительно наступательной войны против шведов: во-первых, очень *влакомились* в Голштинию и выживать их оттуда трудно; много тратят на содержание там войска, и потому недостает у них денег на сооружение флота; во-вторых, задерживаются добыванием Тенин-гена, прежде взятия которого трудно добиться у них какого-нибудь решения. Когда Ягужинский и Долгорукий добивались, как, по мнению королевскому, царь должен действовать в будущую кампанию, то им отвечали, что царь уже все получил от неприятеля, войска его в Финляндии прошли до самого Ботнического залива и потому пусть теперь ведет одну оборонительную войну, а королю поможет деньгами на вооружение флота, потому что теперь нет другого способа воевать неприятеля, как морем; для этого нужен датский флот, а король не может вооружить флот за недостатком денег.

Царь получил от неприятеля все поблизости границ своих; и король спешил получить кое-что поблизости, спешил взять Тенинген, а между тем объявил на письме Ягужинскому и Долгорукому, что не может войск своих отозвать из герцогства Шлезвигского и Голштинского, пока не будет обеспечен с немецкой стороны, особенно от короля прусского. Вернейший способ для этого – ввести прусского короля в интересы северных союзников, и так как город Штетин с окольными землями ему очень нужен, то Дания вместе с Россиею будет согласна дать ему гарантию, но с условием, чтоб король прусский порвал все свои обязательства с князем голштинским, дал письменное удостоверение, что ничего в пользу его предпринимать не будет, и чтоб взаимно гарантировал Дании завоеванные ею княжества Бременское и Верденское. Если все это будет исполнено, то король согласен сделать высадку в Шонию, но не иначе как если царь поможет ему деньгами.

2 февраля 1714 года Тенинген сдался датчанам; но это событие не облегчило царских уполномоченных в ведении переговоров относительно субсидий: датские министры требовали 400000 кроме 150000 недоплаченных из прежних субсидий, потом уменьшили сумму до 200000 ефимков кроме недоплаченных и обещались за это соединить свой флот с русским для действия у Карлскроны, причем царь будет командовать обоими флотами; сухопутного же войска король не может вывести из Шлезвига и Голштинии, опасаясь короля прусского. С этим Ягужинский и отправился назад, в Россию.

Между тем к Петру, который находился в Риге, явился уже известный нам голштинский дипломат Бассевич хлопотать об интересах своего молодого герцога.

Перед отъездом из Берлина Бассевич сообщил графу Александру Головкину о цели своей поездки, высказал надежду, что посредством их, голштинцев, может быть заключен мир между Россией и Швецией, ибо король шведский видит и сам, что при теперешних обстоятельствах ему надобно что-нибудь уступить, кого-нибудь удовлетворить: или царя (с условием, чтоб он оставил своих союзников), или короля прусского; что король шведский охотнее удовлетворит царя, потому что надеется на его слово. Шведский посланник Фризендорф говорил Головкину в том же смысле: «Лучше нам удовольствоваться сильнеею из своих неприятелей и с ним помириться». Но Бассевич приехал в Россию не вовремя. Мы видели, что и прежде Петр подозрительно и неблагоклонно смотрел на голштинских дипломатов, на этих маленьких людей, стремящихся посредством интриг заправлять большими делами; а теперь этот взгляд еще более усилился, когда стачка Меншикова с ними относительно померанского секвестра наделала царю столько неприятностей в Дании. Поведение Меншикова в Померании усилило охлаждение к нему царя, и враги светлейшего могли действовать смелее. После, когда Пруссия уже приступила к союзу, Меншиков, разговаривая с голландским резидентом Деби, распространился о преследованиях, которым подвергался со времени возвращения своего из Померании за секвестр Штетина, и сказал: «Теперь они все молчат; этот секвестр должен был меня погубить, а теперь он причиною, что король прусский для охранения Штетина, столь ему дорогого, заключил новый союзный трактат с царским величеством. Так вот плоды моей дурной администрации! Что сделала Дания? Ничего, только обманула царское величество!» Но во время приезда Бассевича плоды померанской администрации еще не были видны с хорошей стороны, и сам Меншиков для оправдания себя должен был складывать всю вину на Флеминга, что дало повод врагам указывать на его неспособность к делам. Петр сказал Бассевичу: «Ваш двор, руководимый обширными замыслами Гёрца, похож на ладью с мачтою военного корабля; малейший боковой ветер должен потопить ее». Когда Бассевич вооружался против Дании, которая ведет себя слишком недобросовестно и своекорыстно, стремясь овладеть Тенингом, когда там уже нет более шведов, то царь отвечал, что администратор, впустивши шведов в Тенинген, нарушил свой нейтралитет и потому терпит справедливое наказание. Бассевич возразил: «Их действительно впустили, но в то же время и выдали».

«Нехорошо поступили, что впустили, – отвечал царь, – еще хуже сделали, что изменили им; государям надобно вести себя добросовестно». Бассевич и Меншиков работали целый день над составлением статей, которые, по их мнению, должны были понравиться царю.

Статьи были следующие: 1) чтоб царское величество поручился, что крепость Тенингенская не будет разорена; чтоб герцогскому голштинскому дому развязаны были руки действовать; чтоб Россия не вступалась за Данию. На это Петр отвечал: «О Тонинге, чтоб не был разорен, к королю датскому писано; а что гарантовать и за своего союзника не вступаться, того невозможно; ибо хотя б интерес не требовал, то данное обязательство надлежит хранить, понеже, кто кредит теряет, все потеряет». 2) Когда шведский престол будет свободен, то царь не только не будет препятствовать молодому герцогу голштинскому занять его, но еще будет помогать по возможности. *Ответ* : «В сем не отрицается и чаем, что и союзникам нашим сие противно не будет; только надлежит ведать намерение короля прусского в том, без которого

ни во что вступать невозможно». 3) Если король шведский возвратится в свое государство и потом через посредство других держав последует общий мир, то его царское величество обещает усиленно стараться, чтоб завоеванные провинции, которые Россия не удержит и Швеция назад не получит, отданы были герцогу голштинскому. *Ответ* : «Будем стараться, чтоб Финляндию сему принцу получить; но чтоб и его светлость со своей стороны в том також обще помог». 4) Если король шведский останется без наследников, то царское величество обещает постоянно хлопотать за герцога голштинского и входит с герцогским домом в сношения насчет мер, какими должно доставить герцогу шведский престол. *Ответ* : «О восставлении молодого принца на престол шведской уже объявлено во втором пункте; а чтоб зарань о том, какой договор чинить, кажется неприлично, понеже король, ради молодости своей, еще от натуральной смерти далек». 5) Если герцог голштинский получит шведский престол, то царское величество обещает и наследственные его земли присоединить к Швеции и в этом деле не ставить никакого препятствия, чтобы со стороны герцога можно было Россию и другие заинтересованные державы скорее в другом удовольствоваться. *Ответ* : «Сей пункт есть зело деликатной (к тому ж и король шведской еще жив), и сенс оного зело на тонких ногах носит свое седалище». За эти услуги со стороны царского величества администратор голштинский за себя и за молодого герцога обещает: 1) заключается вечный союз между Голштиниею и Россиею и утверждается браком молодого герцога со старшею принцессою, дочерью царского величества. *Ответ*: «За первое благодарствуем; что же принадлежит о супружестве, и то до возраста отложить, ибо хотя я отец, однако же без воли ее того учинить невозможно». 2) Брак должен состояться во всяком случае; но если герцог не получит ни шведской короны, ни завоеванных провинций, то царское величество обязывается дать достаточное приданое, настоять на очищении голштинских владений, не помогать Дании. *Ответ* : «Что принадлежит между Даниею и Голштиниею, о том удобнее на Брауншвицком конгрессе определить, ибо сие дело не зело до нас касается, яко отдаленных; а чтобы королю датскому не помогать, то уже выше отказано, ибо лучше можем видеть, что мы от союзников оставлены будем, неже мы их оставим, ибо гонор пароля дражая всего есть». 3) С герцогской стороны обещается, если молодой герцог получит шведскую корону, то даст царскому величеству на выбор: либо Ингрию и Корелию от Выборга до Нарвы, либо Лифляндию и Эстляндию; то или другое непременно уступлено будет России. *Ответ* : «О Ингрии и Корелии, яко изначала российских провинций, упоминать не надлежит, которые никогда за шведами не были, пока генерал Делагардий оные вместо помочи против поляков, вшед дружески, в три года войною отобрал; к тому же сей пункт есть сеть: на что ни соизволить – зла не миновать, ибо ежели одна Ингрия останется, а неприятель получит Эстляндию и Финляндию, то ради узкости моря Финского и фортеций с обеих сторон – Ревеля и Гельсингфорса – в его воле будет наш фарватер, чрез что повелителем будет нам; буде же Лифляндию и Эстляндию удержать, а Ингрию отдать, то отрезаны будем от России». 4) Со стороны Голштинии обещается также: удовольствоваться прусского короля и склонить его к тому, чтоб помог молодому герцогу получить престол шведский; если герцог получит этот престол, то уступить город Висмар герцогу мекленбургскому, за которого царское величество может выдать одну из своих племянниц; Бремен и Верден будут уступлены князю администратору голштинскому; таким образом, интерес соседей будет охранен, Швеция не усилится чрез присоединение к ней наследственных земель герцога голштинского, напротив, ослабеет вышеозначенными уступками, и царскому величеству нечего будет ее более опасаться. *Ответ* : «Здесь ясно явилось, чтоб мы не только там короля датского утеснили, что когда молодой князь будет королем шведским, то чтобы и княжество свое удержал (что, чаю, никто не допустит), но Бремен и Верден, которые датский король завоевал, у него из рук отнять и на весь свет показать, как мы своих союзников трактуем. Сею негоциациею хотят нас с датским двором разлучить, чтоб мы вечный интерес наш против всегдашнего неприятеля сами опровергнули». 5) Наконец, со стороны голштинской обещается царскому величеству позволить для большого

обеспечения настоящих обязательств войска русские под каким-нибудь предлогом ввести в Тенинген и держать эту крепость под видом секвестра до совершеннолетия герцога. *Ответ* : «Сего учинить невозможно, понеже мы обязались все прогрессы в немецкой земле чинить с воли своих союзников».

Заподозрив в предложениях Бассевича намерение разорвать союз между Россией и Даниею, Петр решился «все сие возратить паки в тое скрыну (ящик), отколе вынято». Царь сказал Бассевичу: «Если Швеция купит дружбу Дании уступкою Бременской области, дружбу Пруссии уступкою Штетина и после того все обратится против меня, да еще при посредстве вас, голштинских интриганов? Причины ваши хороши, но у меня есть свои, лучше: было бы недостойно меня притеснять союзника (датского короля), который вступает в переговоры для исправления своих ошибок». Эти слова царя объясняются тем, что еще в начале 1714 года в Петербурге было получено предостережение от князя Куракина из Гаги. Самая знатная и достоверная персона под великим секретом сообщила Куракину о целях посольства Бассевича, как именно она высказалась в его предложениях. Таинственная персона прибавила, что предложения Бассевича заключают в себе коварство: голштинский двор не имеет прямого намерения привести предлагаемые дела к окончанию, а только хочет заставить царя покинуть датский союз; кроме того, этими фальшивыми переговорами голштинцы стараются озлобить против царя старое шведское дворянство, которое хочет мимо герцога голштинского передать престол младшей сестре Карла XII Ульрике Элеоноре. Та же таинственная персона сообщила Куракину о новом трактате при дворе прусском и об интригах графа Флеминга. Прусский король обязывался дать Карлу XII в помощь 40000 войска, чтоб Швеция могла отобрать все свои владения у России и Дании и, сверх того, завоевать у последней Норвегию, а Карл XII за это должен уступить Пруссии Штетин с округом; Пруссия получит также Эльбинг и польскую Пруссию от короля Августа II, которого за это Карл XII признает польским королем. Бассевичу было объявлено, чтоб он выезжал из России, что тот и исполнил 20 апреля. Долгорукий должен был объявить об этом при датском дворе и прибавить, что царское величество ожидает подобных же поступков и со стороны короля в случае каких-нибудь неприязненных для союза предложений. Но этими ожиданиями ограничиться было нельзя, и через три дня по отъезде Бассевича Петр написал королю Фридриху IV, что согласен дать ему на вооружение флота 150000 рублей и, кроме того, помогать провиантом. Петр уговаривал короля действовать всеми силами на шведских берегах, тем более что в прошлую кампанию датские войска находились в бездействии. Царь извещал, что он удерживает прусского короля от всяких неприязненных намерений; король Фридрих-Вильгельм дал письменное обнадеживание, что ничего не предпримет ко вреду Северного союза; однако он, царь, этим обнадеживанием не довольствуется именно потому, что в нем ничего не упомянуто о голштинском деле. Обещая стараться о дальнейших, более верных обеспечениях со стороны Пруссии, царь требовал, чтоб король датский действовал за это усиленно против Швеции, потому что шведы, не видя для себя опасности со стороны Дании, обращают теперь все свои силы против России. Письмо оканчивалось угрозой, что если датчане не сделают диверсии в Швецию, то и Россия не будет более сдерживать прусского короля.

«Денег 150000 рублей мало, и время уже позднее», – был ответ Долгорукому от короля и министров. «По всем здешним поступкам видится, что намерены нынешнюю кампанию пробыть без действия», – писал князь Василий Лукич к своему двору. Царь не давал денег, а посланник английский всеми способами старался внушить королю, как опасно для Дании усиление России на Балтийском море; те же внушения повторял и секретарь французского посольства. Россия может быть опасна на море, но все же она не так опасна, как Швеция, враг извечный, против которого Россия, естественная союзница. Этот взгляд сильно противодействовал внушениям со стороны Англии и Франции, а тут еще явились новые союзники.

В апреле 1714 года, когда князь Куракин приехал в Ганновер, здешний министр Бернсторф объявил ему следующее: «Курфюрсту давно уже известны намерения царского величества отнять у Швеции ее германские владения. Курфюрст очень к этому склонен; но так как дело не может быть окончено без согласия короля прусского, то берлинскому двору недавним временем внушено, что Пруссия сколько ни трудилась чрез Англию и Францию удержать за собою Штетин с округом, однако до сего времени получить желаемого не могла, много было дано ей обещаний, и ни одно не исполнено, и потому курфюрст советует прусскому королю войти в соглашение с северными союзниками и с Ганновером и склонить венский двор к тому, чтоб отнять у шведов все владения, находящиеся в империи, и поделить их между владельцами германскими. Прусский двор объявил свое согласие на это предложение, и в Ганновере составили следующий план дележа: король прусский возьмет Штетин с округом, курфюрст ганноверский – Бремен и Верден, король датский – Шлезвиг, а герцогу голштинскому за потерю Шлезвига дать земли, которые бы приносили до 100000 дохода. Если союз состоится, то короли прусский и датский станут добывать Штральзунд, а курфюрст ганноверский – Висмар; укрепления Висмара должны быть разорены, и самый город отдан герцогу мекленбургскому. В России это предложение чрезвычайно понравилось: Головкин писал к русским министрам за границу, чтоб везде помогали приведению его в исполнение. Русский посланник в Ганновере Шлейниц даже давал знать, что и в случае упорства датчан ганноверский двор согласен действовать вместе с Россией и Пруссией.

В конце июля Куракин, находясь в Гаге, получил новое неожиданное предложение: французский посол при Голландских Штатах маркиз Шатонёф приехал к нему и объявил, что король его и другие державы много трудились для потушения Северной войны, но понапрасну вследствие препятствий с обеих враждующих сторон, особенно же со стороны шведского короля. Но теперь Карл XII решился заключить отдельный мир с Россией и обратился к французскому королю с просьбою помирить его с царем. Куракин, поблагодарив посла за доброе намерение, обещал донести своему двору о его предложении, заметил только, что если короли датский и польский будут исключены из мирных переговоров, то война не кончится и желание Людовика XIV успокоить всю Европу не исполнится. Шатонёф отвечал, что король шведский старается прежде всего помириться с царем, который в состоянии сделать ему и зло, и добро, а с другими королями легко можно найти средства помириться. По указу от своего двора Куракин отвечал Шатонёфу, что царскому величеству небезопасно принять предложение Людовика XIV, потому что министры его христианнейшего величества при Порте и во время переговоров с цесарем, и, наконец, при прусском дворе действовали постоянно в пользу Швеции. Царское величество никогда не отказывался от доброго и прибыточного мира с короною шведскою, только мир этот должен быть заключен сообща с союзниками. Для покинутия своих союзников и заключения отдельного мира причины важной нет; если же французскому двору известно, что союзники царского величества искали или ищут отдельного мира, то пусть посол объявит об этом, и тогда царское величество, смотря по обстоятельствам, может свое намерение объявить. Шатонёф сказал на это, что обо всем донесет своему двору; что же касается до действий французских министров в пользу Швеции, то, по всем вероятностям, они поступали без указа.

Смерть английской королевы Анны и вступление на английский престол ганноверского курфюрста Георга имели важное влияние на ход описываемых событий. Связь Англии с Франциею порвалась, и ганноверский план действия против шведов получил особенное значение вследствие нового положения, приобретенного ганноверским курфюрстом.

Для улажения дела по ганноверскому предложению отправился в Лондон князь Борис Иванович Куракин, хотя здесь был резидент барон Шак, сменивший фон дер Лита. По словам голландского резидента при петербургском дворе Деби, Шак был отстранен по причине ревности и ненависти русских к иностранцам; по той же причине и барон Левенвольд не был отправлен послом в Вену. Но иначе объясняет дело князь Куракин, который по приезде в Лон-

дон писал Головкину: «Как господин Шлейниц (русский посланник в Ганновере), так и барон Шак ищут, чтоб быть при английском дворе, и потому каждый из них присылает доношения в самом обнадеживательном тоне, пишут то, чего я ни от кого не слышу; если их доношения окажутся верными, то прошу, чтоб они те дела и оканчивали; а если мне делать, то чтоб другие не вмешивались». В декабре Куракин писал: «Говорил мне барон Шак, что желает скоро уехать отсюда в Голштинию для своих частных дел, и требовал на то от меня согласия; я согласия не дал, а отдал на его волю, потому что незадолго перед тем уведомился я об его тайных происках при здешнем дворе, ищет он каким бы то ни было образом вмешаться в известные переговоры с датским двором и через это остаться здесь на своем прежнем poste; третьего дня ганноверский министр Роптам приезжал ко мне и говорил, что барон Шак переписывается с первым датским министром Выбеем и надеется через его посредство склонить датского короля к уступке Бремена королю английскому; для этого-то Шак теперь и едет в Данию. Я отвечал, что барон Шак вступает в дело как частное лицо, а не как министр царского величества и в том его воля; но так как он еще не взял увольнения от службы, то следовало бы ему обо всем сноситься со мною; а при датском дворе находится посол князь Долгорукий, который пользуется большим уважением не только со стороны министров, но и самого короля, и я надеюсь, что он в состоянии уладить дело так же хорошо, как и барон Шак. Я не сомневаюсь, что лондонский двор будет предлагать царскому величеству оставить Шака здесь; но, я по своей должности доношу, что здесь лучше быть министру из русских и потому, что теперь к интересам царского величества присоединились дела имперские, причем иностранцы имеют собственные свои интересы; и потому, что здесь англичанам министр из русских приятнее, чем из немцев; наконец, важных дел здесь никогда не будет, если что и случится, то по-прежнему будет трактовано или в Гаге, или в Брауншвейге». Несмотря на эти представления, Шак возвратился из Копенгагена в Лондон с прежним значением и оставался здесь до половины 1716 года, когда был сменен Федором Веселовским.

Переговоры о приведении в действие ганноверского плана затянулись по упорству Дании, которая хотела все вознаграждение герцогу голштинскому сложить на счет Ганновера, также не соглашалась отдать Бремена и Вердена Ганноверу до общего мира; датчане боялись, что курфюрст ганноверский, выманив у них себе Бремен и Верден, войдет в соглашение с Швецией, чтоб та уступила ему эти города.

Таким образом, 1714 год прошел без военных действий со стороны Дании; о Саксонии и слуху не было: между правительствами саксонским и датским господствовало сильнейшее несогласие, оба упрекали друг друга в поступках, противных дружбе и союзу; об отношениях Саксонии и Польши к России мы уже знаем. Петр должен был один вести войну, театром которой была по-прежнему Финляндия. В феврале 1714 года князь Мих. Мих. Голицын поразил генерала Армфельда у Вазы; Выборгский губернатор полковник Шувалов покончил покорение Финляндии взятием крепости Нейшлота. Но самую большую радость доставила Петру победа, которую он сам одержал над шведским флотом при мысе Гангуте (Ганго-Удд), между Гельсингфорсом и Або, 25 июля; неприятельский контр-адмирал Эреншельд с фрегатом и десятью галерами попался в плен. Петр овладел островом Аландом, что навело ужас на Швецию, ибо Аланд находился только в 15 милях от Стокгольма. Царь с небывалым торжеством возвратился в парадиз и был в Сенате провозглашен вице-адмиралом. Не так счастлив был генерал-адмирал Апраксин, который с галерным флотом много потерпел осенью от бури; он сам рассказывал голландскому резиденту Деби, что более четырех недель испытывал постоянные бури и страдал от недостатка в съестных припасах, так что у него самого не было хлеба на столе, перед его глазами погибло много судов с людьми. «По крайней мере меня утешает то, – говорил Апраксин, – что эти бедствия ниспосланы были мне богом, а не потерпел я их от неприятелей царского величества». Всего потонуло 16 галер, а людей погибло около 300 человек.

Царь должен был торопиться решительными действиями, приобретением как можно более выгод пред неприятелем, ибо давно уже начали ходить слухи о возвращении Карла XII из Турции. Слухи оправдались в ноябре 1714 года: Карл неожиданно явился в Штральзунде. Немедленно отправился туда голштинский администратор Христиан Август и представил Карлу своего знаменитого министра Гёрца. После долгого разговора Гёрц вышел из королевского кабинета министром и любимцем Карла XII. Для Гёрца, на которого дурно смотрели при всех дворах, единственным средством спасения оставалось овладеть доверенностью Карла; сделать это было нетрудно, ибо Карл возвратился с неодолимым желанием поднять свое падшее значение, а средств для этого при совершенном истощении Швеции не было; у Гёрца достало смелости и таланта представить ему, что средства есть, что можно повернуть политические отношения Европы в благоприятную для Швеции сторону, и Карл предался чародею. Но в то время, когда северным союзникам начало грозить не оружие Карла XII, а интрига Гёрца, что они делали для того, чтобы противодействовать ей большим скреплением своего союза?

Начало 1715 года застало союзников все еще в переговорах об «английском деле», т.е. о союзе с курфюрстом ганноверским, теперь королем английским Георгом I. Долгорукий в конференциях с датскими министрами истощал все средства увещания, чтоб склонить их к соглашению с королями английским и прусским, представлял всю пользу от союза, все опасности в случае, если он будет отвергнут. «С одними своими датскими войсками, – говорил Долгорукий, – вы не отвратите шведов от нападения на голштинские рубежи, особенно если у Карла XII будут союзники и если он высадит из Шонии войска в Зеландию. Если вы не примете предложения короля английского, то Карл XII уступит ему Бремен, прусскому королю отдаст Штетин и тем привлечет их на свою сторону против Северного союза». Министры отвечали, что король и они видят очень хорошо пользу от соглашения с английским королем; но дело в том, что эту пользу надобно купить убытком, падающим на одного короля датского, который должен отдать все свои завоевания, а награда за это в неверном будущем. Чтob сделать министров склоннее к англо-прусскому союзу, Долгорукий обещал им деньги. Надобно было спешить делом, потому что Франция предложила свое посредничество для соглашения Пруссии и Швеции и Пруссия соглашалась принять это посредничество. Головкин в Берлине спрашивал Ильгена, для чего они так торопятся принятием французского посредничества, никакой крайности в том нет, лучше пообождать, пока окончатся переговоры об английском союзе, а между тем можно хорошенько рассмотреть дело, нет ли каких хитростей со стороны французского двора. Ильген отвечал, что, принявши посредничество, они будут медлить переговорами до окончания «английского» дела, и если это дело состоится, то они непременно объявят войну Швеции; если же не состоится, то они поневоле должны будут принять посредничество, ибо не могут стоять против такого сильного государя, как король французский. Французское посредничество, впрочем, не было принято Пруссиею, потому что император выразил берлинскому двору свое неудовольствие по этому случаю. Уговаривая Данию к новому союзу, русский двор старался и об утверждении старого между Даниею и Саксониею; посланник короля Августа также хлопотал об этом в Копенгагене, – но король Фридрих (смотрел на это старание как на новое коварство со стороны саксонского двора, притом в Дании ни во что ставили саксонские войска и думали, что между королями польским и шведским заключен был тайный мир. В феврале 1715 года «английское дело» было наконец решено в Дании, которая согласилась уступить королю Георгу Бремен и Верден. Но в марте датские министры забили тревогу, объявили Долгорукому, что король прусский не хочет вступить в союз, не хочет из-за Штетина воевать со шведами, что в таком случае Дания и Ганновер, если бы даже и вошли друг с другом в соглашение, одни не могут ничего сделать против шведов и потому скорая и деятельная помощь царя необходима для охранения датских границ; видя движение русских войск, и король прусский скорее склонится к союзу; то же самое повторил посланнику и сам король. Долгорукий, видя всеобщий страх, старался успокоить короля, представлял, что тут одно из двух: или прусский

двор нарочно отговаривается от союза, желая вынудить себе еще что-нибудь, и потому надобно посмотреть, может быть, требование такое, что ему и удовлетворить можно; или король прусский через посредство Франции прекратит все несогласия с Швециею; но даже и в этом случае опасность еще не очень велика, ибо нельзя предполагать, чтоб Пруссия решилась заключить наступательный союз с Швециею, а при нейтралитете Пруссии, Дании с Ганновером легко можно принудить Швецию к миру. Король соглашался с этим, но твердил прежнее, что русская помощь необходима, и датские министры приступали к Долгорукому с требованием, чтоб русские войска поскорее входили в Померанию для действия в одно время и против Висмара, и против Штральзунда. Но у Долгорукого было свое предложение о необходимости соединить датский флот с русским, чтоб окончательно очистить Балтийское море от шведских кораблей, дать полную безопасность торговым судам, обезопасить Померанию и самые датские владения от высадки шведских войск. Министры отвечали, что соединение датского и русского флотов возможно только тогда, когда английский флот явится в Балтийское море и запрет шведский флот в Карлскроне. После этих разговоров приехал к Долгорукому от короля полковник Мейер и стал говорить как будто от себя, что царское величество обещал королю некоторую сумму денег, так нельзя ли написать, чтоб деньги были выданы: королю в них крайняя нужда, нечем будет содержать русских войск, которые придут в Померанию. «Мне нельзя об этом писать, – отвечал Долгорукий, – я знаю, что царскому величеству нужны деньги вследствие таких огромных убытков от войны; могу написать только в таком случае, если король согласится на соединение своего флота с русским». Долгорукий не говорил никому, что ему велено обещать деньги и домогаться о соединении флотов, чтоб «датчан тем не вздорожить». Датчане твердили прежнее, что до прибытия английского флота нельзя думать о соединении русского и датского флотов. Но Долгорукий, ясно понимая дело, не возлагал больших надежд на английский флот; он писал царю: «Хотя король английский и объявил войну, но только как курфюрст ганноверский, и флот английский идет для охранения своих купцов; если шведский флот пойдет против флота вашего величества, то нельзя думать, чтоб англичане вступили в бой со шведами, потому что Англия против Швеции войны не объявила. И то еще неизвестно, захочет ли английский народ, чтоб флот его каким бы то ни было способом участвовал во враждебных действиях против шведов, и не противно ль английскому народу видеть Швецию в крайнем разорении? Недавно англичане действовали усердно в пользу Швеции; положим, что новый король может отчасти удержать от этого свой народ, но заставить его явно действовать против Швеции – это королю английскому будет трудно, особенно когда он получил корону еще недавно и внутри государства сильное несогласие. Из этого заключаю, что флот английский в явные действия против Швеции не вступит».

Между тем граф Александр Головкин хлопотал в Берлине, чтоб ввести Пруссию в Северный союз. Здешнее правительство было в крайне затруднительном положении: и сильно хотелось получить Штетин, и страшно было начать войну с Швециею, которой грозились помогать Франция; не хотелось также гарантировать Дании Шлезвиг, чего требовали Ганновер и Дания; не хотелось и давать продовольствия русскому войску, которое должно было действовать в Померании. Главным виновником нерешительности короля в приступлении к Северному союзу был министр Ильген. Головкин, видя, что король «на разговорах долгих скучает и мало выслушивает, а Ильген иногда в другом разуме королю доносит», и воспользовавшись известием из Вены, что император недоволен поступками шведского короля, отправил в апреле в Потсдам королю письмо. «Вашему величеству представляется теперь такой случай для приобретения вечной славы и для приращения ваших государств, какого, может быть, в продолжение многих веков не будет, – писал Головкин. – Ваше величество, помните, сколько труда предки ваши приложили для получения Штетина, а теперь, ваше величество, легко его получить можете, уже действительно им владея; удержать навеки его легко посредством обязательства с царским величеством, государем моим. Ваше величество рассудит, что когда великобри-

танский король объявит войну Швеции, то Карл XII будет принужден вести оборонительную войну, не думая о наступательной. Хотя цесарь явно еще не объявляет себя в пользу Северного союза, однако в своих циркулярных грамотах признает непримиримый и *ссоролюбивый* нрав шведского короля, который, если не будет низложен оружием, никогда не даст покоя империи. С другой стороны, Франция так истощила свои силы, что не может ничего сделать в пользу Швеции; а имперские князья, дружные с Швецией, не посмеют тронуться, увидя к ней нерасположение императора. Итак, вашему величеству нет никакой опасности приступить к Северному союзу, чем приобретете вечную славу, превзойдете ею предков своих, заслужите уважение целого света и получите для потомства такую пользу, которая приведет ваши государства и подданных в совершенное благополучие. Следует рассудить и то, что так как ваше величество уже некоторую противность шведскому королю показали, то ничего другого от него ожидать не можете, кроме мщенья, которым он грозит своим неприятелям и ложным друзьям, как выражается. Поэтому ничего лучше не можете сделать, как при нынешнем удобном случае доверить то, чему положено доброе начало».

Письмо не осталось без действия. Прежде всего король объявил, что пойдет с войском в Померанию. Министры испугались такой безрассудной, по их мнению, решимости короля идти с войском, не условясь прежде с членами Северного союза. Сам Ильген начал теперь хлопотать в пользу соглашения с Даниею и Ганновером, рассуждая, что если это соглашение не состоится, а прусский король, находясь в Померании, как-нибудь столкнется со шведами, то вся тяжесть войны обрушится на одну Пруссию. В то же время Ильген объявил французскому посланнику, что так как посол шведский до сих пор не дал прусскому королю никакого объяснения на многие его требования и только старается провести прусского короля, то последний больше ждать не будет и примет свои меры. С другой стороны, английский посланник объявил прусским министрам, что, по известиям из Франции, прусский посланник в Париже делает какие-то предложения французскому двору; но так как нельзя вести переговоры с обоими дворами вместе, то английский король спрашивает в последний раз, хочет ли прусский король вступить с ним в известное соглашение? Потому что английский король больше дожидаться не может. Наконец Карл XII покончил все колебания в Берлине, начавши неприятельские действия против пруссаков в Померании. «Я уже теперь больше молчать не могу, – сказал король Головкину, – и буду оплачивать тем же; а французы меня чуть-чуть не обманули; если бы я их послушал и только десять дней промедлил, то дался бы в обман; теперь ни на кого так не надеюсь, как на царское величество, а главное, питаю особенную любовь к персоне его царского величества». Эта любовь усиливалась враждою к королю шведскому, который не только начал вытеснять пруссаков из Померании, но и презрительно отозвался о прусском короле и прусском войске.

В половине мая союзный договор с Пруссией был наконец подписан. Согласились, что короли английский, датский и прусский пошлют отряды своих войск для осады Висмара, а между тем сами короли датский и прусский будут действовать в Померании. Но представления Долгорукого о соединении флотов по-прежнему не имели никакого действия: адмиралы объявили, что если послать флот три мили за Борнгольм, то это все равно что его сжечь и все Датское государство ввергнуть в крайнюю опасность. Английский флот явился в Балтийское море, но вместо того, чтоб запереть шведский флот в Карлскроне, как было обещано датскому правительству, отправился к Данцигу, Кенигсбергу, Риге и Ревели), намереваясь у всех этих мест оставить по два корабля для безопасности английскому купечеству. Видя, что нет никакой надежды на соединение флотов, Долгорукий требовал по крайней мере, чтоб датский флот запер шведский флот в Карлскроне; но ему отвечали, что это может быть исполнено только при помощи английского флота. Между тем настаивали на посылке русских войск в Померанию. Долгорукий давал знать в Петербург, что это будет напрасный труд и убытки, потому что короли датский и прусский имеют достаточно войска. Один из министров сказал Долгорукому:

«Король очень печалится и сомневается, что царское величество не хочет сделать для него такой милости – прислать своих войск». Долгорукий засмеялся и сказал: «Царскому величеству еще печальнее и сомнительнее, что король не хочет послать ему своего флота, без которого царское величество никакой пользы союзу принести не может». На это министр заметил, что царь, имея до 27 линейных кораблей, может легко действовать против 9 кораблей шведских.

В июле короли датский и прусский осадили Штральзунд, который был защищаем самим Карлом XII. В лагере осаждающих находились и двое русских посланников: Долгорукий при короле датском, Александр Головкин при прусском. Союзники взяли остров Узедом, и по этому случаю была большая радость; Долгорукий писал 23 июля: «Третьего дня король датский смотрел прусскую кавалерию и обедал у короля прусского, где для радости о взятии Узедома гораздо повеселились, и оба короля около стола и без дам танцевали и прочие подобные дела делали, и табак король датский курил, хотя противу его природы. По сие время между обоими королями зело согласно; только король датский не вовсе еще королю прусскому верит, ежели, не соверша здешних дел, отсюда отступят, чтобы король прусский в будущую зиму не нашел с королем шведским способов к примирению». Действительно, прусские министры Ильген и Грумкау внушали своему королю, что войною ничего не может получить, датчане не в состоянии сделать что-нибудь на море, а без этого сухопутные действия ни к чему не поведут, что через посредство Франции можно гораздо больше получить. Датский двор надеялся больше всего на прибытие русских войск; но их прибытие замедлялось тем, что в конференциях датских и прусских министров с Долгоруким и Головкиным шли сильные споры о том, как содержать русские войска: датчане, а особенно пруссаки давали слишком мало; Ильген говорил прямо датским министрам, что его королю русских войск не нужно, что к действиям нынешней кампании они не успеют, а к будущей король получит войско от некоторых имперских князей. Оказывалось, что прусский король имел в виду саксонские войска, которые обещал ему Август II: видя, что Дания не хочет иметь с ним никакого дела, Август хотел принять участие в войне посредством Пруссии, чтобы не лишиться совсем добычи. Но датскому королю противнее всего было участие саксонцев в войне, и потому он продолжал настаивать на принятии русских войск; прусский король уступал, но требовал, чтобы русские войска находились в полном его распоряжении, и когда Долгорукий с Головкиным не согласились на это требование, то Ильген прямо сказал, что король его возьмет саксонские войска, которые отдаются в полное его распоряжение, будут стоить гораздо дешевле русских и на зиму возвратятся в Саксонию, тогда как русским надобно готовить зимние квартиры. Тогда Долгорукий и Головкин заключили отдельный договор с датским королем, который обещал давать содержание и зимние квартиры 15 батальонам русской пехоты и тысяче человекам конницы. Как только прусский король узнал о заключении этого договора, так немедленно же постановил и от себя договор, по которому обязался содержать также русские войска 15 батальонов и пехоты и 1000 конницы. Но Долгорукий и Головкин при этом уведомили свое правительство, что короли берут русскую пехоту не для того, что имели мало своей, но для того, чтобы заменить свою пехоту русскою; уведомили также, что и зимние квартиры, которые дадутся русским, не будут самые покойные; притом русские войска будут отправлены в зимнее время осаждать Висмар, крепость сильную, под которою можно ожидать больших потерь. Впрочем, по мнению Долгорукого и Головкина, была и польза от пребывания русских войск под Штральзундом: король прусский утверждался в Северном союзе; король датский освобождался от опасностей; наконец, можно будет участвовать в военных советах союзников и побуждать их к скорейшему ведению дела. При заключении договора с прусским королем Ильген делал сильные возражения; и когда Долгорукий и Головкин оспаривали его, то он «озлобился» на них в присутствии короля; но Фридрих-Вильгельм сказал русским посланникам: «Между союзниками не надобно употреблять хитрости, особенно с таким союзником, как царское величество; надобно стараться, чтобы всякому равную тягость военную несть. Уверьте его царское величество, что союз с ним считаю самым

драгоценным для себя и потому во всех переговорах и действиях я намерен поступать без всякой хитрости. Хотя царскому величеству и королю датскому и внушают противное, однако я пребуду всегда в твердом союзе с их величествами». Сказавши это, король велел написать договор во многих пунктах противно тому, как внушал Ильген, за что тот еще больше озлобился и продолжал вредить делу. Долгорукий и Головкин не могли настоять, чтобы русских войск не разделяли между датчанами и пруссаками. «Если я, – говорил король, – несу убытки на их содержание, то имею право требовать, чтоб они стояли и всякую службу отправляли вместе с моими войсками; обещаюсь заботиться о ваших войсках точно так же, как и о своих собственных».

Но все эти хлопоты не повели ни к чему: русские войска не пришли под Штральзунд, остались в Польше, где, как мы видели, началось движение против саксонских войск; саксонские министры просили королей датского и прусского, чтобы не требовали у царя войск в Померанию; короли согласились, а 12 декабря Штральзунд сдался, и, таким образом, померанская кампания 1715 года кончилась без участия русских войск. Царь сильно сердился на это и срывал сердце на посланнике своем при польском дворе князе Григории Долгоруком, который требовал от фельдмаршала Шереметева, чтоб он остановился в Польше. Мы видели причины, заставлявшие князя Григория действовать таким образом, но царь считал померанские события важнее польских и писал Долгорукому: «Я зело удивляюсь, что вы на старости потеряли разум свой и дали себя завести всегдашним обманщиком и чрез то войска в Польше оставить. Ты ведаешь, что они (саксонцы) того всегда искали, каким бы образом нибудь сие дело помешать, в чем вам гораздо бы смотреть надобно». К Ягужинскому царь писал: «Что же о штуках Флеминговых, тому не дивлюсь, ибо то их плут и коса; но удивляюсь князю Григорью, что он на старости дурак стал и дал себя за нос взять».

Между тем князь Куракин вел переговоры с английскими министрами об условиях мира с Швециею, насчет которых получил такой наказ: «О Лифляндии и Риге написать в общих выражениях, что царское величество с королем польским и Речью Посполитою согласится частным образом в претензиях и условиях насчет отдачи их Польше; а между тем королевским верным министрам, склонным к стороне царского величества, объявить за секрет, для чего этот пункт полагается: царское величество обороною Польши навлек на себя войну турецкую, в которой в противность договору был оставлен Польшею, вследствие чего принужден был отдать города, стоившие многих миллионов, и за это надобно получить от Польши вознаграждение. А когда увидит в министрах склонность, то должен предлагать в конфиденции, чтобы рассудили, какая польза будет королю великобританскому и обеим морским державам принуждать царское величество Ригу и Ливонию уступить польскому королю и Речи Посполитой? Потому что эта корона непостоянная и беспрестанным переменам подлежащая, легко может их опять потерять; да хотя бы за нею и остались, то от непостоянства поляков купечеству будет всякое утеснение и тягость; тогда как царское величество обяжется заключить с морскими державами торговый договор для всех областей своего государства, договор на таких выгодных условиях, каких никогда прежде не было. Должно склонять к тому министров и другими пристойными рациями по своему искусству и, смотря по обстоятельствам, обещать им дачу даже до 200000 ефимков, если они к тому короля, Англию и Голландию склонят».

На этот раз никакая «рация» не могла подействовать, потому что Англия и Голландия не имели средств принудить Карла XII к миру с требуемыми уступками.

Тем сильнее хотел действовать Петр в 1716 году. Желая как можно скорее окончить войну, он по-прежнему лучшим средством к тому считал высадку на шведский берег. Иначе думали в Копенгагене. «Если царское величество намерен сильно действовать, – писал Долгорукий в январе, – то нужно начать кампанию ранее; в тайных советах здесь, как я слышал, начинают мыслить, чтобы для пользы датского короля сперва добыть Висмар, а потом уж, собравшись, перенести войну в Шонию. Король датский к добыванию Висмара очень склонен и

надеется, что при этом большая часть русских войск будет употреблена». В феврале на вопрос Долгорукого, какое намерение его величества насчет будущей кампании, король отвечал, что если Висмар не сдастся, то надобно его добывать, а если сдастся, то другого места для действия не остается, кроме Шонии. Для действий в Шонии царь предлагал королю двадцать батальонов и тысячу драгун на королевском пропитании и, кроме того, еще отряд войска на собственном иждивении; русский флот должен был соединиться с датским. По поводу этих предложений происходили конференции между Долгоруким и датскими министрами, но решительного ничего не выходило из этих конференций: боялись за Норвегию, угрожаемую шведами, и не спускали глаз с Висмара, который должен был скоро сдаться, ибо терпел сильный недостаток в съестных припасах. После сдачи Висмара король хотел уговориться о дальнейших действиях при личном свидании с царем, и шли переговоры о месте этого свидания.

24 января Петр выехал из Петербурга вместе с царицею и 18 февраля прибыл в Данциг, где находилась главная квартира фельдмаршала Шереметева. Царь приехал не на радость Данцигу: прежде всего он положил штраф на его жителей, зачем торгуют со шведами, зачем в их гавани находились четыре шведских корабля; потом в устье Вислы явились двое русских офицеров для осмотра всех кораблей, для захватывания шведских; наконец, город обязан был построить четыре каперных судна для действий против неприятеля. А между тем жители Данцига были свидетелями приготовлений к брачным празднествам: Петр хотел в их городе сыграть свадьбу своей племянницы Екатерины Ивановны с мекленбургским герцогом Карлом-Леопольдом. Перенесение военных действий на южный берег Балтийского моря необходимо вело к сношениям с Мекленбургом. Еще в 1712 году Петр посылал к мекленбургскому двору барона Шлейница с просьбою, не согласится ли герцог доставлять для русских войск мясо, соль и овес. Тут же обнаружилось отношение, которые впоследствии должны были играть важную роль. Во время пребывания Шлейница при мекленбургском дворе там же находился и ганноверский министр Бернсторф. Узнавши о домогательствах Шлейница, он начал ему представлять, что надобно оставить Мекленбург в покое как страну нейтральную, за которую вступятся цесарь и все имперские чины; потом Бернсторф начал пугать прусским королем, говоря, что он находится постоянно в дружеских отношениях к Швеции и если союзникам не посчастливится в Померании, то будет действовать против них с тыла. Поведение Бернсторфа объяснялось тем, что он был мекленбуржец и ему хотелось удалить сцену военных действий от родной страны, которая необходимо должна была от них терпеть. Но союзники продолжали действовать в Померании, причем мало обращали внимания на нейтралитет Мекленбурга: брали провиант у его жителей; на жалобы герцога отвечали, что во всем виноваты шведы, которых союзники имеют право преследовать и в мекленбургских землях, так пусть герцог требует от шведов вознаграждения за убытки. Несчастный Мекленбург страдал вдвойне: и от чужой войны, и от внутренней ссоры своего герцога с дворянством. Жалобы дворянства ставили герцога Карла-Леопольда в неприятные отношения к императору и империи, и в таких затруднительных обстоятельствах ему, естественно, пришло желание искать покровительства у самого сильного из соседних государей – у царя русского. Чтоб упрочить себе это покровительство, Карл-Леопольд, разведшийся с первою женой, решился предложить свою руку племяннице Петра Екатерине Ивановне. Но легко понять, как должно было смотреть на это враждебное герцогу дворянство: герцог Карл-Леопольд, опираясь на могущественного дядю, задавит врагов своих! Отсюда естественное стремление мекленбургского дворянства действовать всеми силами против царя, выживать его войско из Мекленбурга, ссорить его с союзниками, пугать последних властолюбивыми замыслами царя, намерением его стать твердою ногой на немецкой почве. И мекленбургское дворянство могло успешно вести свои интриги благодаря представителям своим: мекленбуржец Бернсторф был министром в Ганновере и владел полною доверенностью курфюрста Георга, короля английского; двое других мекленбуржцев, Гольст и Девиц, находились в датской службе и также здесь пользовались важным значением, имели большое

влияние на короля. Таким образом, вступивши на немецкую почву, вступивши в родственный союз с мекленбургским герцогом по соображению верных от него выгод, русский богатырь был опутан паутиною интриг; богатырь благодаря личным средствам своим и средствам России вырвался из этой паутины; но она заставила его провести много неприятных, беспокойных часов, что не могло не подействовать вредно на его уже и без того расстроенное здоровье.

Осенью 1714 года приехал в Петербург мекленбургский посланник барон Габихтсталь *концертовать* супружество своего государя с племянницею царского величества, обещая принцессе свободное отправление веры при дворе, предоставляя приданое соизволению царского величества, но требуя, чтоб при будущем северном мире Висмар был отдан герцогу под надежную гарантию и чтоб герцог по ходатайству царя получил вознаграждение за понесенные им от Северной войны убытки. Царь велел отвечать, что согласен на брак, если герцог представит верное доказательство своего развода с первою женою. В 1716 году дело возобновилось, и 22 Января заключен был в Петербурге брачный договор: герцог Карл-Леопольд обязался доставить своей супруге свободное отправление веры греческого исповедания, также и всем ее служителям и назначить место для построения *надворной капели*; обязался ежегодно выплачивать ей по 6000 ефимков шкатульных денег и давать содержание придворными служителям; в случае вдовства герцогиня получит ежегодно по 25000 ефимков и замок для жительства. Царь обещается снабдить племянницу свою надлежащими *ювелиями* (бриллиантами), платьем, уборами и экипажем. Царь обязуется содействовать всеми силами, чтоб герцог получил Висмар со всеми принадлежностями, также Варнеминде; для этого царское величество обязуется послать к Висмару корпус своих войск; если же, паче чаяния, герцог Висмара не получит, то царь обязуется заплатить ему в приданое сумму от 200000 рублей.

Дело было окончено, и Куракин опоздал со своими советами из Гаги. Он писал 24 февраля: «Женитьба герцога мекленбургского и отдача ему Висмара противны двору английскому. Мой долг – донести, что никак недолжно спешить этою женитьбою, но прежде обстоятельно узнать о разводе герцога с его первою женою. Я от многих слышу, что при цесарском дворе еще идет процесс об этом разводе; цесарский министр мне говорил, что новый брак герцога не может считаться законным и дети, от него рожденные, способными к наследству. Положим, что этого брака не желают от зависти, не желают, чтоб царское величество имел сообщение с империею посредством Балтийского моря, то и этого достаточно. Если все друзья царского величества завидуют или подозревают и чрез это нынешняя дружба может быть потеряна, дружба очень нужная при нынешних обстоятельствах, то не знаю, можем ли получить столько же пользы от герцога мекленбургского, сколько от тех, которых дружбу для него можем потерять». Опоздало и донесение Куракина о поездке его в Лондон, которую он предпринял по настоятельной просьбе Бернсторфа. Бернсторф предложил ему проект союза России с Англиею, причем Георг будет действовать против Швеции уже как английский король; Англия гарантирует царю все его завоевания у Швеции, царь гарантирует ганноверскому дому английский престол. Куракин не мог не заявить, что такое предложение будет приятно его государю. Но тут Бернсторф начал делать следующие внушения: «Царское величество имеет намерение, взявши Висмар, отдать его герцогу мекленбургскому, но мой король просит царское величество для любви к нему и для собственного интереса покинуть это намерение и предоставить Висмар в распоряжение князей Нижнесаксонского округа. Что касается брака герцога мекленбургского с племянницею царского величества, то король в это дело не мешается; но я от себя дружески вам объявляю, что едва ли этот брак может быть признан законным; притом если царское величество вникнет в характер герцога, то найдет его очень неприятным».

Все эти донесения получены были уже в Данциге. Здесь 8 апреля, в день, назначенный для бракосочетания, заключен был с женихом союзный договор, по которому царь обязывался доставить герцогу и его наследникам совершенную безопасность от всяких внутренних и внешних беспокойств, обещал для достижения этих целей помогать герцогу войском и военными

принадлежностями, не требуя за то никакого награждения, на время настоящей войны обещал дать девять или десять полков, которые вступят в службу герцога, присягнут ему и останутся в распоряжении его одного с условием, однако, что царь имеет право заменять эти полки новыми; в нынешней распри герцога с его шляхетством царь помогает ему при цесарском дворе, и если шляхетство предпримет что-нибудь против герцога, то царь защищает его всею своею силою. Герцог обещает царским подданным для лучшего отправления торговли жить в своих землях и пристанях, иметь склады товаров и свою церковь, в которой службу божию по греческому исповеданию свободно отправлять. Герцог позволяет русским войскам всюду проходить через свои владения и сооружать магазины.

После подписания этого договора в 4-м часу пополудни совершено было бракосочетание в присутствии государя, царицы, короля польского и множества знатных лиц, русских и иностранных; вечером, разумеется, не обошлось без фейерверка.

Свадьба не мешала делам. Петр был очень недоволен, что все внимание датчан обращено на Висмар и об исполнении любимого плана его, о высадке в Шонию, не думают. 21 марта он написал Долгорукому: «Из письма вашего усмотрели мы с великим удивлением, коим образом у его величества короля датского никакие предуготовления не чинятся к десанту в Шканию, но что со стороны его королевского величества токмо об осаде и добывании Висмара мыслят; но понеже недовольно будет хотя и город Висмар возмется, ибо тем война наша еще окончена не будет, но потребно суть, чтобы в самую Швецию вступить и там силою оружия неприятеля к миру принудить. Мы такожде в том намерении такое знатное число наилучших наших войск сюда привели, дабы купно с королем датским десант в Шканию учинить и неприятеля в середине своего государства атаковать, еже когда учинится и в том с надлежащею ревностию поступлено будет, то король шведский и забудет транспорт в Висмар учинить, но, оставя то намерение, принужден будет все свои мысли к собственной своей обороне обратить. И тогда Висмар, не имея более надежды к сукурсу, сам принужден будет сдаться; или можно и такие меры взять, чтоб и то и другое учинить: и Висмар добывать, и десант в Шканию в одно время делать. Того ради вы сие его королевскому величеству наилучшим образом представьте и домогайтесь, чтоб его королевское величество, не упустя времени, к помянутой десанте все потребные предуготовления заранее учинить указал, чтоб оной всеконечно к сей кампании с божиею помощию учинить быть мог. Вы его величеству объявите, что мы для пользы общего интересу и для вспоможения его королевскому величеству такие великие иждивения несем и наилучшим своим войскам в такие дальние края маршировать велели, и еще оные на своем жалованьи и часть оных на пропитании содержать хотим, и то все для того, чтоб его королевское величество датское в состоянии привести с желаемым успехом помянутой десант предвосприятъ. Но ежели сии наши труды, понесенные убытки и приложенные радения все будут и настоящую кампанию только добыванием Висмара препроводить, а десанту в Шканию учинить не хотят, то б его королевское величество не надеялся, чтоб мы в предбудущей год в состоянии были ему войсками нашими или иным чем вспомогать и вновь такие превеликие иждивения понести, умалчивая, что между тем времена отмениться могут таким образом, что уже тогда и поздно будет оный десант предвосприятъ».

Неудовольствие увеличивалось жалобами нового родственника, герцога мекленбургского, на разорение его земли датскими, прусскими и ганноверскими войсками, облежавшими Висмар; предъявлена была «неслыханная и непристойная претензия», чтоб Мекленбург платил солдатам, работавшим под Висмаром. 28 марта Шафиров по приказанию Петра написал Долгорукому из Данцига, чтоб он сделал по этому предмету представление датскому двору в «сильных терминах»: несправедливо вместо награды за содействие успехам союзников разорять земли герцога, и без того уже потерпевшие много убытка от войны; герцог, раздраженный такими поступками, может обратиться за помощью к цесарю и имперским князьям, которые и без того к северным союзникам не очень склонны; кроме родства царское величество имеет

и ту причину заступаться за герцога, что русские войска уже пришли в Мекленбург и из него же должны получить пропитание; но если союзные войска будут таким образом разорять эту землю, то войскам царского величества придется голодать.

Русский царь уже заступает за герцога мекленбургского; взаимные обязательства дяди и племянника, пребывание русского войска в Мекленбурге в полной зависимости от герцога с целью служить ему при подавлении всех врагов его – все это было известно и приводило в отчаяние враждебную герцогу *шляхту* мекленбургскую, имевшую таких сильных представителей при дворах ганноверском и датском. Понятно, что эти представители должны были употребить все усилия, чтоб выжить русские войска из Мекленбурга. Единственным средством к тому было возбуждение между союзниками подозрения насчет властолюбивых намерений Петра: вся эта тесная связь царя с герцогом мекленбургским, разглашали Бернсторф с товарищи, клонится к одному – чтоб русским стать твердою ногою на немецкой почве; царь хочет Висмара для герцога, но ясно, что тот сейчас же уступит этот город могущественному родственнику за какое-нибудь вознаграждение. Король Георг поверил всему, что внушал Бернсторф; датский король начинал колебаться, и мекленбуржцы его службы тем удобнее действовали. Мы видели, что царь обещал Карлу-Леопольду Висмар в *приданое* за племянницею; исполнить это обещание было очень важно для Петра, потому что бедная русская казна освобождалась этим от обязанности выплачивать большую сумму денег; князь Репнин получил приказание идти к Висмару с четырьмя пехотными полками и 500 драгун для помощи союзникам при осадных работах и взятии города. 1 апреля Репнин приблизился к Висмару и послал сказать датскому генералу Девицу и товарищам его, что прибыл по указу царского величества в помощь всем войскам союзным; но получил ответ, что командующие союзными войсками генералы не имеют от дворов своих никаких указов насчет русского войска, только прусский генерал предлагает, чтоб князь Репнин занял его посты и принял приготовленный провиант. Репнин, не имея указа сменить пруссаков у Висмара, отказался. 4 апреля приехали к Репнину все союзные генералы, и Девиц объявил, что Висмар сдается. «Хотя, – говорил Девиц, – я и не имею от двора своего и от союзников никакого относительно вас указа, однако я не желал скрыть от вас о капитуляции города». «Удивительно, – отвечал Репнин, – что вы не имеете относительно меня никакого указа, но ведь вы знаете, что я сюда с командою прислан от царского величества, северного сильного и твердого союзника; вы не должны оканчивать капитуляции, не объявляя мне; также когда союзные войска будут посланы для приема Висмара, то должно послать туда же и часть войск царского величества соответственно числу их». Девицу это требование очень не понравилось. «В трактатах о висмарской осаде, – говорил он, – ничего не упомянуто о русском войске, а только о датском, ганноверском и прусском, и теперь я без указа впустить русских в город не смею». «Если вы не распорядитесь, – отвечал Репнин, – то я и сам пошлю; если же моих людей не пустят в город, то вы будете отвечать».

Русские войска не были впущены в Висмар; дело чуть не дошло до драки, Репнин принужден был повернуться назад. Петр, имея в виду высадку в Шонию, что, по его мнению, должно было иметь решительное влияние на ход войны, не хотел ссориться с Даниею и ограничился сильными представлениями королю насчет поступка генерала Девица. 1 мая Петр выехал из Данцига в Штетин, где имел свидание с прусским королем, в Альтоне имел свидание с королем датским, и 23 числа окончательно уговорились насчет высадки русских войск в Шонию, с одной стороны, и на восточный берег Швеции – с другой, под прикрытием английской эскадры. Уладивши это важное дело, Петр поспешил в Пирмонт пользоваться тамошними водами: это пользование (*кур* или *титух*, по выражению Петра) было ему необходимо перед трудами кампании, потому что он выехал и из Петербурга нездоровый. В половине июня *кур* кончился, и царь поспешил в Росток к своей галерной эскадре, на которой находилась русская пехота, назначенная к Копенгагену; Петр сам хотел перевезть ее туда, тогда как 5000 конницы шло из Мекленбурга через Голштинию, Шлезвиг и Фионию. Между тем мекленбургские дру-

зья действовали: Долгорукий доносил, что датский король, разговаривая с ним 22 июня, сказал, что английский флот едва ли будет действовать против шведов; англичанам, продолжал король, противно, что войска царского величества вступят в Шонию. «Отчего же противно?» – спросил Долгорукий, «Оттого, – отвечал король, – что они подозревают царское величество, а причины подозрения: поступок царского величества с Данцигом (наложение контрибуции), вмешательство в мекленбургские дела, действия в пользу герцога мекленбургского, а теперь еще больше навело подозрения введение русского войска в Росток».

Петр послал Куракину указ стараться как можно скорее заключить, с Англиею договор, потому что без этого английский флот едва ли что сделает в пользу Северного союза, адмирал Норрис даже и в Балтийское море идти не хочет; транспорт, который должен идти от Ростока в Зеландию, замедлил, потому что прикрыть его нечем, и можно опасаться, что, кампания пройдет без действия. Надобно думать, что ганноверцы интригуют при датском дворе, Фабрициус, ганноверский министр, отвращал датского короля от высадки в Шонию, убеждал оставить это предприятие и возвратит русские войска. Куракин передал Бернсторфу о поведении Фабрициуса; тот отвечал, что сомневается в верности этого известия и может с клятвою засвидетельствовать, что двор его сильно желает высадки в Шонию и что английский адмирал Норрис прикроет Зунд для высадки. Заключение договора между Россиею и Англиею откладывалось; Бернсторф не хотел слышать ни о какой сделке по мекленбургскому делу. Куракин объявил ему, что если, он службу свою царскому величеству покажет, поможет герцогу мекленбургскому в получении Висмара то получит все, что потребует себе и своей фамилии в вознаграждение. Бернсторф отвечал, что он, как добрый патриот, старается об общих интересах всего мекленбургского дворянства и требует одного, чтоб герцог оставил дворянство при прежних привилегиях без всяких нападков, и тогда дворянство будет верно ему служить.

6 июля Петр был с галерною эскадрою у Копенгагена, откуда написал жене: «Дай знать, как сюда будете, дабы я вас мог встретить, понеже чины неописанные здесь, и я вчера в такой церемонии был, в какой более двадцати лет не бывал». Но скоро оказалось, что не одни церемонии будут брать дорогое время. «О здешнем объявляем, – писал Петр жене, – что болтаемся туне, ибо что молодые лошади в карете, так наши соединенные (союзники), а наипаче коренные: сволочь хотят, да коренные не думают». Июль, самая лучшая пора, проходил в болтании; царь беспрестанно побуждал датчан, чтоб транспортом и флотом не мешкали и чтоб войско свое собирали к Копенгагену. Ему отвечали, что до прибытия вице-адмирала Габеля из Норвегии нельзя ничего начинать; прежде уборки хлеба с полей нельзя идти войскам: лагерями повредят стоячему хлебу. 27 июля пришел Габель с эскадрою из Норвегии; царь начал снова торопить, представляя, что нет уже более отговорки Габелем; но движения не было; датские транспортные суда для перевозки русских войск из Ростока не отправлялись. «Болтание туне» соединенных флотов, русского, английского и датского, продолжалось. Английский адмирал Норрис предлагал крейсировать всеми флотами у Карлскроны; Петр согласился, но датский адмирал объявил, что он на то указа не имеет. В половине августа сам Петр доплыл к Штральзунду для ускорения отправки транспортных судов. Возвратясь в Копенгаген, Петр поехал исследовать шонские берега, куда намерен был высадиться, и нашел, что шведы отлично воспользовались медленностью союзников и сильно укрепились; Петр был встречен огнем с батарей; шнава «Принцесса», на которой находился сам государь, была пробита ядром, другая шнава, «Лизета», также получила значительные повреждения. Получены были известия, что неприятель силен в Шонии, что у него там больше 20000 войска и берег укреплен редутами и батареями.

Нам известна постоянная осторожность Петра, которая должна была еще усилиться от жестокого наказания за прутскую неосторожность. К обычной осторожности присоединялась еще теперь подозрительность: зачем такая медленность, зачем пропущено самое благоприятное время, зачем дана неприятелю возможность укрепиться? Получались известия, что Берн-

сторф с товарищами ведет крамолу, что генерал кригс-комиссар Шультен подкуплен и потому нарочно медлил транспортом, чтоб заставить русских сделать высадку в осеннее, самое неудобное время, «ведая, по словам Петра, что когда в такое время без рассуждения пойдем, то или пропадем, или так отончаем, что по их музыке танцовать принуждены будем». 1 сентября государь созвал министров своих и генералов в «генеральный консилиум» и предложил вопрос: предпринимать ли высадку или нет, потому что время наступает позднее, а дивизия князя Репнина еще не перевезена и диверсия от Аланда не сделана по вине датчан? Все единогласно отвечали, что высадку надобно отложить до будущего лета. 4 числа пристал к берегу князь Репнин; но трех драгунских полков датчане, несмотря на письменное обязательство, не перевезли, отговариваясь, что у них нет столько судов. 5 сентября царь держал другой совет, чтоб спросить мнения и новоприбывших генералов; и те подтвердили решение первого совета. После этого весь сентябрь прошел в пересылках и конференциях между царем и королем датским, их генералами и министрами. С русской стороны представляли невозможность отваживаться на такое важное предприятие в такое позднее время, перевезти на неприятельские берега тайком такое большое войско; высадившись, надобно дать сражение, потом брать города Ландскрон и Мальме. С русской стороны спрашивали: где зимовать, если взять эти города не удастся? На это отвечали, что зимовать можно при Елсеноре в окопе, а людям поделать землянки. Но от такой зимовки людей должно было пропасть гораздо больше, чем в сражении. Петр велел объявить датскому двору решительно, что высадка невозможна, надобно отложить ее до будущей весны. Узнавши об этом объявлении, мекленбургские друзья закричали, что маска снята, царь нарочно сам медлил перевозкою своих войск и теперь под предлогом позднего времени не хочет высаживаться на шведские берега, потому что находится в сношениях с шведским правительством.

Но это еще не все: не мог он безо всякой цели привести в Данию такое большое войско, надобно опасаться его враждебных замыслов, надобно беречь Копенгаген! И в Копенгагене всполошились: поставили всю пехоту по валам и амбразуры на валах прорезали; к адмиралу Норрису прислан был указ напасть на русские корабли и транспортные суда, если царь не пойдет в Шонии). Норрис не мог исполнить приказание, потому что оно было прислано из ганноверской, а не из английской канцелярии. Король Георг требовал, чтоб английский адмирал овладел русскими кораблями и самим царем и не отпускал Петра до тех пор, пока русское войско не очистит Дании и Германии; но английское министерство и сам принц вельский представили Георгу, что вследствие разрыва с царем в России будут схвачены английские купцы и корабли и пресечется необходимый для Англии подвоз корабельных материалов; лучше всего пусть король Георг частным образом и в глубочайшей тайне внушит датскому королю, что если тот приведет означенный план в исполнение, то он, король Георг, будет помогать Дании в имеющей произойти отсюда борьбе ее с Россиею. Но датский король, разумеется, не поддастся этим внушениям, тем более что переполох скоро кончился, с русской стороны не обнаруживалось никакого враждебного намерения, и с октября царские войска начали обратно перевозиться из Дании к Росток. Фельдмаршалу Шереметеву указано было с пехотою расположиться на зимних квартирах в Мекленбурге, из кавалерии же оставить здесь только один полк, а прочим идти на зимние квартиры к польским границам. 13 октября царь написал Сенату из Копенгагена: «Господа Сенат! Понеже господа датчане так опоздали в своих операциях, что в сентябре сюда наших перевели, и так за поздним временем действия остановились, а к будущей кампании факции разные не допускают: того для нет инова способу, только что от Аланта неприятеля утеснять, к чему всякое приготовление чините, только не усните так, как в нынешней кампании, что адмирал (Апраксин) принужден был повернуться».

16 октября сам Петр с царицею Екатериною, которая приехала к нему в Копенгаген, отправился из этого города в Мекленбург; в Шверине царица осталась, и Петр отправился один в Гавельсберг, где дожидался его король прусский. В то время, когда ганноверское правитель-

ство делало явные неприятности, когда правительство датское позволяло себе внимать его внушениям, один король прусский обнаруживал знаки неизменной верности русскому союзу. В сентябре граф Александр Головкин донес царю, что в Берлин приезжала депутация от мекленбургского дворянства с просьбою о помощи против герцога и царя: депутация уехала с отказом и прусские министры обнадежили Головкина, что король их не сделает ничего противного царскому величеству и для своего великого почитания к нему хочет благоприятствовать и герцогу мекленбургскому. Тут же Головкину было объявлено за великую тайну, что с английской стороны внушено было прусскому королю, будто царь намерен удержать за собою всю Померанию, Штральзунд и Штетин; но король не поверил этим внушениям. Английский король предлагал прусскому написать вместе грамоту к царю о выводе русских войск из Мекленбурга, и написать в сильных выражениях. Фридрих-Вильгельм отвечал: «Пусть пишут проект грамоты при английском дворе; но с прусской стороны жестоких выражений в грамоту не внесут, имея причины не раздражать царя, а угодить ему». Когда Петр дал знать берлинскому двору, что высадка в Шонию отложена, то здесь без возражения приняты были причины, представленные царем и вся вина сложена на датчан. Сам король объявил Головкину, что все внушения ганноверского двора считает ложными, происходящими от частной злобы Бернсторфа, и потому отклонил свидание с английским королем. Из Ганновера не переставали приходить в Берлин внушения, что царь хочет овладеть Гамбургом, Любеком, Висмаром и укорениться в империи; но Фридрих-Вильгельм не обращал на это никакого внимания и в противность ганноверскому правительству внушал царю, чтоб он не выводил своих войск из Мекленбурга, потому что если шведский король нападет на Данию, то без русских войск ни Дании, ни Пруссии нельзя будет с ним успешно бороться, а король английский не поможет. В Гавельсберге при личном свидании государей был скреплен союз между Россией и Пруссией. Король Фридрих-Вильгельм обязался: в случае нападения на Россию с какой-либо стороны с целью отнять у нее завоеванные у шведов области, гарантированные Пруссией, последняя помогает России или прямо войском, или диверсией в земли нападчика. 17 ноября Петр выехал в Гамбург, направляя путь в Голландию. Отсюда еще в августе-месяце Куракин сообщил любопытные вести. Приезжал к нему генерал Ранг, родом швед, но находившийся в службе ландграфа гессен-кассельского. Ранг стал рассказывать, что происходило в Пирмонте во время пребывания там царя, к которому ландграф присылал своего обер-гофмаршала барона Кетлера с предложением помириться с Швециею; Петр отвечал: «Можно ли с шведским королем переговаривать о мире, когда он не имеет никакого желания мириться и называет меня и весь народ русский варварами?»

Передавая эти слова Петра, Ранг заметил Куракину, что царю несправедливо донесено об отзывах об нем Карла XII. «Я, – говорил Ранг, – был при шведском короле в Турции и в Штральзунде с полгода, и во все это время Карл XII отзывался о царском величестве с большим уважением: он считает его первым государем в целой Европе. Надобно всячески стараться уничтожить личное раздражение между государями, ибо этим проложится дорога к миру между государствами».

Куракин получил указ отвечать Рангу *от себя*, что царь всегда обнаруживал склонность к заключению мира и теперь заключить его на полезных условиях склонен; если шведский король подлинно намерен прекратить войну, то пусть прямо присылает к царю с этим предложением; а если явно прислать не хочет, то пусть пришлет кого-нибудь под видом переговоров о картеле или под именем посланного от ландграфа гессенского для испрошения паспорта в Швецию. Куракин должен был обнадежить Ранга, что царь допустит к себе этого посланника и велит его выслушать и что этим путем, обратясь к царю как главе Северного союза, шведский король скорее получит мир, чем другими способами; но Ранг должен был при этом поклясться, что никому ничего не объявит. Когда Куракин сообщил все это Рангу, то он отвечал, что шведский король ясно видит свою выгоду в заключении мира с царем, потому что вся Северная война ведется русскою силою, а не силою союзников, и когда мир заключен будет с Россией, то

союзники также должны будут помириться: поэтому-то Карл XII дал полномочие ландграфу гессенкассельскому искать мира с Россией.

Кроме Ранга подобные же предложения были сделаны Куракину и посланником кассельским Дальвиком; с Гёрцем же Куракин не имел ни малейшего сообщения; несмотря на то, при ганноверском дворе трубили, что он сносился с Гёрцем об отдельном мире между Россией и Швецией и что уже прелиминарные статьи подписаны. 6 декабря въехал Петр в Амстердам, куда на другой день приехали за ним канцлер граф Головкин, подканцлер барон Шафиров, тайный советник Петр Толстой, генералы – князь Василий Владимирович Долгорукий, Иван Бутурлин, чрезвычайный посол при Голландских Штатах князь Куракин. Петр ждал и царицу, которая должна была ехать медленно по причине своей беременности; в начале декабря он писал к ней: «Писал я к вам перед сим, что и ныне подтверждаю, дабы сею дорогою, которою я ехал, тебе не ездить, понеже неописанно худа. Также людей не много берите, понеже зело дорого станет житье в Голландии; также и певчих, буде не уехали, полно (достаточно) половины, а другую оставьте в Мекленбургии. Как я, так и все со мною здесь зело сожалеют о нынешней дороге вашей: и ежели ты можешь снести, лутче б там осталась, понеже не без опасения от худой дороги. Однакож будь в сем воля твоя и, для бога, не подумай, чтоб я не желал вашей езды сюды, чево сама знаешь, что желаю; и лутче ехать, нежели печалитца: только не мог удержатца, чтоб не написать; а ведаю, что не утерпишь». Екатерина должна была остановиться в Везеле, где 2 января 1717 года родила сына, царевича Павла. В ответ на радостную весть Петр писал жене: «Зело радостное твое писание вчера получил, в котором объявляешь, что господь бог нас так обрадовал, что и другога рекрута даровал, за что да будет выну хвала ему и незабвенное благодарение! Сия ведомость вдвое обрадовала: первое о новорожденном, а паче что вас господь бог свободил, от чего и мне стало полутче, ибо от самово Рождества Христова столь долго сидеть не мог, как вчерась. Как мочно будет – поеду к тебе немедленно». Но на другой день пришла печальная весть, что новорожденный царевич скончался и мать очень слаба. Дано было также знать, что причиною этих несчастий было пренебрежение, оказанное царице в ганноверских владениях. Вот как сам Петр говорит об этом: «Когда жена моя ехала в Голландию чрез Ганновер, тогда неслыханным образом ругана была, а еще чревата, а именно, что мужики, которые везли, сбили возницу, также всех людей отбили от кареты и посажали по телегам, как воров, а сами чрез день и всю ночь ехали, ниже спать, ниже отдохнуть ей не дали, от чего, приехав в Везел, безчастное рождение имела». Царь хотел ехать к больной жене, но сам занемог жестокою лихорадкою, которая продолжалась до 10 февраля; а царица тем временем оправилась и 2 февраля была уже в Амстердаме.

Между тем в Англии произошли любопытные события. 7 февраля царь получил от резидента своего в Лондоне Веселовского следующее донесение от 1 февраля: «Четвертого дня приключился здесь случай чрезвычайный и *очень полезный интересам вашего царского величества*, а именно: по королевскому указу шведский министр при здешнем дворе Гилленборг в доме своем арестован, вся переписка его забрана и отнесена в тайный совет; в тот же день арестованы три человека из партии тори, и отправлены чиновники для арестования многих других лиц по областям, также посланы указы во все гавани, чтоб не выпускать ничего без паспорта от государственного секретаря, а в адмиралтейство послан указ, чтоб немедленно были вооружены двадцать три корабля. Я уведомился, что шведский министр арестован за то, что по указу короля, своего вступил в заговор против короля Георга с партией претендента (Иакова III Стюарта); было положено, что в начале марта от 8 до 12000 шведского войска высадутся в Шотландии и соединятся с партией претендента». Петр отвечал на это: «Надлежит тебе, хотя бы пришлось употребить и некоторое иждивение, подлинно проведать и нам донести обстоятельно, имеет ли король английский подлинное намерение объявить войну Швеции и может ли склонить парламент, чтобы дал нужные субсидии, и, вооружа флот, куда намерены его употребить? Также показывает ли двор английский теперь к нам какую-нибудь склонность и как

с тобою обращаются английские министры после открытия заговора в сравнении с прежним? Тебе надобно часто у них бывать и выведывать об их намерениях удобным образом. Если будут тебе говорить и обнаруживать склонность к соглашению с нами, то можете им объявить, что мы дружбы короля английского желаем и в соглашение с ним вступить готовность всегда имели и имеем; что мы для показания истинного своего намерения и к его королевскому величеству нашей дружбы повелели уже фельдмаршалу нашему графу Шереметеву с двенадцатью батальонами войск наших из Мекленбурга выступить и идти в Польшу и в Мекленбурге осталось наших только двадцать батальонов, о которых с датским двором у нас продолжаются еще переговоры; и если с этим двором мы не уладимся, что обнаружится скоро, то и остальным войскам также велим выйти из Мекленбурга. Но все это ты им говори от себя, а не по указу. Можешь объявить по указу только то, что мы очень рады открытию злого заговора короля шведского, с чем королевское величество поздравляем, поступок его с шведским министром одобряем и что теперь неприятельская злоба короля шведского явна всему свету». Как был рад Петр этому случаю, видно из письма его к адмиралу Апраксину: «Ныне неправда ль моя, что всегда я за здоровье сего начинателя пил? ибо сего никакою ценою не купишь, что сам сделал».

Но Петр радовался понапрасну. Бернсторф, как доносил Веселовский, дал ему знать конфиденциально, что хотя при нынешних обстоятельствах нужно было бы войти в соглашение с северными союзниками, однако, пока русские войска не выйдут из империи, английский король ничего не постановит с северными союзниками; впрочем, король очень склонен содержать крепкую дружбу с царем, а что дела мекленбургские служат препятствием к соглашению, на то нельзя сердиться, ибо эти дела касаются интереса и обязанностей королевских.

Скоро Веселовский дал знать, что кроме мекленбургских дел явилось новое препятствие к соглашению: в найденных письмах у Гиллемборга упоминается о русском дворе, именно о царском медике Арескине, приверженце Стюартов. Веселовский просил наставления, как ему действовать, чтоб уничтожить всякое подозрение, хотя никто из министров еще не высказывал ему этого подозрения. Подозрение было возбуждено следующими строками в письме Гёрца к барону Шпарре из Гаги от 11 ноября 1716 года: «Для примирения с царем действовать посредством Франции нам неудобно, потому что Франция ласкается к Англии и не захочет ничего сделать без согласия с последнею. Другие каналы также неудобны по медленности. Думаю, что можно поддерживать доброе расположение царя посредством доверенного медика, если это расположение действительно таково, как об нем дано знать. В случае если царь приедет сюда и будет возможность переговорить с конфидендом, то мы далеко поведем дела, опять в предположении, как я сказал, что все написанное конфидендом основательно». Более подробное содержание сообщений *конфидента* находится в письме Густава Гиллемборга к графу Гиллемборгу из Гаги от 17 ноября 1716 года: «У милорда Мара есть родственник, по имени Ерскин, который служит медиком и тайным советником у царя. Этот конфиденд пишет к Мару, что царь не предпримет ничего более против короля шведского, что он поссорился с своими союзниками, что он не может никогда сблизиться с королем Георгом, которого смертельно ненавидит, что он убежден в правах претендента, что он больше всего желает иметь случай восставить его на английском престоле; что царь, будучи победителем, не может первый сделать предложения королю шведскому; но если Карл XII согласится сделать хотя малейший шаг, то немедленно все будет улажено между ними».

Получив эти известия, Петр 5 марта послал указ Веселовскому подать английскому двору через государственного секретаря оправдательный мемориал и, если можно, напечатать его на французском и английском языках «для показания всему свету». Если напечатать не позволят, то рукописные списки раздать министрам и влиятельным членам парламента, «особливо дабы то в народе было явно»; выпросить конференцию у министров английских и ганноверских и засвидетельствовать перед ними от имени своего государя, что он относительно короля английского никогда не имел и не имеет противного намерения, всегда искал его дружбы и

доброе согласия; и хотя со стороны королевской много показано недоброжелательств в Копенгагене во время приготовлений к высадке в Шонию, да и теперь благодаря министрам короля Георга датский двор не вступает ни в какое соглашение с Россиею; хотя и при прочих дворах, царском, прусском, и на сейме регенсбургском министры короля Георга старались привести русского государя у всех в ненависть и поднимали всю империю, чтоб выбить русские войска, однако царь не имел против короля Георга никакого противного намерения и в доказательство отправил тайного советника Толстого для переговоров о действиях в будущую кампанию; но Толстой был встречен так холодно с английской стороны, что переговоры порвались без всякой причины. При проезде короля Георга через Голландию тот же Толстой и князь Куракин отправлены были к нему с нужными предложениями, но не были допущены на аудиенцию; сам царь хотел иметь личное свидание с королем, но тот не согласился. Несмотря на все это, царю и в мысли не приходило помогать претенденту, и все находящееся в письмах шведских министров о России – бессовестная ложь, и ни малейшего ни от кого предложения не было сделано русскому двору. Правда, что, когда были порваны переговоры с королем Георгом, со стороны претендента к царю была подсылка об отдельном мире между Россиею и Швециею; однако царское величество и слышать об этом не хотел и людей, приехавших с предложением от претендента, к себе не допускал; о заговоре же в пользу претендента и о намерении шведского короля напасть на Англию небыло ничего сообщено. В оправдательном мемориале было сказано, что медик Арескин уже тринадцать лет находится в службе царской и всегда вел себя так, что нельзя поверить, чтоб он до такой степени забылся и вступил в непристойную переписку без всякого указа; притом он только лечит и ни к каким советам и государственным делам не употребляется. Царское величество, узнав, что некоторые из родственников его находятся в возмущении против короля Георга, тотчас же запретил ему иметь с ними переписку даже и о частных своих делах. И теперь, узнавши о переписке шведских министров, Арескин объявил под присягою, что никогда подобных писем ник лорду Мару, ни к кому другому не писал, и подвергает себя жесточайшему наказанию, если где-нибудь такое письмо его явится. Да и согласно ли с интересом царского величества благоприятствовать тому, чтоб претендент получил английский престол с помощью короля шведского, которому навсегда останется благодарен, ко вреду России. Арескин с своей стороны также переслал английскому правительству оправдательную записку.

На объяснения Веселовского государственный секретарь отвечал уверениями в дружественном расположении своего короля к царскому величеству; уверял, что лживые внушения шведских министров не произвели никакого впечатления ни на короля, ни на тайный совет его и никакого подозрения на русское правительство нет: доказательством служит то, что Веселовскому не сделано никакого особенного против других министров сообщения. Что касается доктора Арескина, то для обвинения его нет до сих пор никакого прямого доказательства; надобно думать, что шведские министры через графа Мара старались втянуть его в свое предприятие и этим накинули на него тень подозрения, хотя, быть может, он и совершенно невинен; если же что против всякого чаяния откроется, чем можно будет его уличить, то царскому величеству будет донесено приличным образом. В публикации шведской переписки у английского правительства не было другого намерения, как обнаружить злые умыслы шведов, и не думает оно, чтоб этою публикациею могло кому-нибудь досадить, потому что шведские разглашения являются неосновательны и лживы. Король очень чувствителен к продолжению добрых намерений царского величества и постарается показать взаимные опыты своей дружбы. Окончил свои объяснения государственный секретарь обычным припевом, что когда русские войска будут выведены из Мекленбурга, то, без сомнения, Англия и Россия придут в прежнее доброе согласие. Тот же припев находился и в письменном ответе на мемориал Веселовского. Здесь, между прочим, король оправдывался, почему не имел свидания с царем и не выслушал Толстого и Куракина: «Королю было бы великое удовольствие иметь свидание с царем при

проезде его в Голландию, но болезнь царского величества до этого не допустила. Его королевское величество с охотою увидал бы и выслушал господ Куракина и Толстого, если б они приехали не в ту минуту, когда его величество на яхту садился и не мог отложить отъезда, чтоб не пропустить убылой воды».

От ганноверских министров на все предложения Веселовского насчет общих действий против Швеции был также один ответ: нельзя вступать ни в какие соглашения до вывода русских войск из Мекленбурга. Петр, видя, что с этой стороны нельзя успеть ни в чем, решился испытать удачи со стороны Франции и 24 марта отправился туда из Голландии.

Мы видели, что до Петра и при Петре попытки сближения между Россией и Франциею постоянно оканчивались неудачно и Петру приписывалось особенно личное нерасположение к Франции. Мы оставим в стороне это личное несочувствие Петра к Франции, потому что если оно и существовало, то не было сильно, не имело влияния на политические соображения: когда считалось нужным, Петр никогда не отказывался входить в сношения с Франциею. Сближению двух держав мешало не личное нерасположение царя, а совершенная разрозненность их интересов, особенно с того времени, когда «преславная виктория» обнаружила всю силу России и ее новое значение в европейской семье народов. Если мы взглянем на предшествовавшую политику Франции, то легко поймем, почему она более других держав должна была встревожиться появлением на востоке Европы нового могущественного государства. Когда по окончании внутреннего процесса соборования французской земли, Франция, пользуясь своими обширными средствами, начала стремиться к первенству в Европе, то в этом стремлении встретила сильное сопротивление от габсбургского дома; отсюда ожесточенная борьба между нею и Габсбургами, отсюда господствующее направление французской политики к тому, чтобы всеми средствами вредить последним, отсюда союз ее с Турциею. В войну за наследство испанского престола Австрия отомстила Франции за Тридцатилетнюю войну; обнаружилось, что с Австриею нужно еще вести долгие счеты; тем важнее становилось для Франции сохранить старых союзников своих – естественных врагов Австрии, сохранить союз с Турциею, поддержать это государство, упавшее в конце XVII века. В это самое время является на сцену сильная Россия; понятно, что Франция отнесется к ней сообразно со своими интересами, что для нее первым вопросом здесь будет: в каких отношениях должно быть новое государство к Австрии и Турции? Враждебность России к последней была очевидна; но при этой враждебности к Турции Россия должна быть естественною союзницею Австрии, которая также враждебна Турции; ясно, следовательно, что новое государство должно идти наперекор французским интересам: ненавистная Австрия приобретает в нем могущественного союзника, дружественная Турция – страшного врага. Но этого мало. Во время Тридцатилетней войны Франция отыскала удобное орудие для нанесения тяжелых ударов Габсбургам: то была Швеция. С помощью Франции Швеция получила важное значение, утвердилась на германской почве; и Швеция исправно платила свой долг: в ней Франция имела верную союзницу против Австрии и Германии, посредством их распространяла свое влияние и на Восточную Европу. Но теперь является новое государство, которое схватывается с Швециею, наносит ей страшные удары, отнимает у нее значение первенствующей державы на северо-востоке Европы и берет это значение себе. Можно было бы помириться еще с этим явлением, если бы Россия могла перенять на себя роль Швеции в отношении к Франции; но она сильнее, самостоятельнее Швеции, она враждебна Турции и потому естественная союзница Австрии. Россия сильна, а подле нее все слабые государства – Турция, Швеция, Польша. Польша по своей конституции вследствие избираемости королей находилась всегда под чужим влиянием; Франция никогда не отказывалась от влияния в Польше, столь важного под боком у Австрии: однажды французский принц уже был на польском престоле; не удалось в другой раз, удастся в третий и четвертый. Но теперь подле слабой Польши могущественная Россия, которая не преминет утвердить свое влияние в

Польше, царь уже распоряжается в ней, как у себя дома, но русское влияние в Польше, разумеется, будет противодействовать влиянию французскому, по отношению к Австрии и Турции.

Вследствие этих соображений Франция, как мы видели, употребляла дипломатические усилия (других употребить не могла), чтоб остановить успехи преобразованной России, дать оправиться Швеции посредством турок и уничтожить русское влияние в Польше. Не успевши заставить султана возобновить войну с Россией, Франция обратилась в Берлин, повела интригу здесь, чтоб заставить Пруссию заступиться за Швецию; но мы видели, что и здесь не было успеха.

Неуспех должен был повести к мысли: если нельзя поднять Швецию, если нельзя сломить Россию, то нельзя ли попытаться заменить союз со слабою Швециею союзом с сильною Россией? Россия была не прочь: летом 1711 года, когда на Пруте так печально для Петра решалось дело, затеянное Франциею в Константинополе, секретарь Григорий Волков в Фонтенебло вел переговоры с министрами Людовика XIV о союзе между Россией и Франциею и о посредничестве Людовика в примирении царя с Швециею и Турциею. Французские министры предложили следующие условия: 1) чтоб царь помог венграм против Австрии; 2) чтоб принца австрийского дома не допустил до короны императорской, а помог получить эту корону королю польскому; 3) чтоб войска датские и саксонские были отозваны из службы держав, враждебных Франции. При таких условиях король обещался послать желаемые царем указы в Царьград. Донося об этих «высоких и невозможности касающихся предложений», Волков писал: «Явно, что здешний двор не перестал искать шведского интереса, и как ни скрытен министр иностранных дел Торси, однако в разговоре с ним о шведе в лице его и словах легко уловить некоторую внутреннюю к нему склонность. Один мой приятель, человек очень сведущий в делах, говорил мне, что Торси несправедливо с нашим двором поступает и хочет его только провесть, а народ здешний весь враждебен России, и которые добрые ведомости о нас бывают, тех и слышать не хотят, и в печать они не допускаются, почему выгодно было бы *курантельщика* (редактора газеты) чем-нибудь приласкать, чтоб принимал и печатал добрые о нас ведомости». Прутский мир прервал переговоры Волкова и показал всю верность его донесений о вражде Франции к России, вражде, которая не переставала высказываться во все остальное время царствования Людовика XIV. Но после его смерти отношения переменились.

На французском престоле сидел ребенок – Людовик XV; регент, герцог Филипп Орлеанский, чувствуя слабость Франции и желая обеспечить свое положение, искал союза сильных, не заботясь о поддержании слабых. Из Берлина пошли к Петру внушения, что при настоящих обстоятельствах, при ослаблении Северного союза, было бы выгодно сблизиться с Франциею, которая сама желает этого сближения. В начале декабря 1716 года Петр получил в Амстердаме от графа Александра Головкина следующее донесение: «Сказывал Ильген, что спрашивал его французский министр граф Ротембург, какую склонность имеет ваше царское величество к Франции, и потом он, Ротембург, свидетельствовал, что *дук* д'Орлеан охотно желает с вашим царским величеством в доброй дружбе пребыть, на что он, Ильген, ему сказал, что ваше царское величество не несклонен к тому, и Ротембург уже писал об этом к своему двору и думает вскоре получить ответ. Потом Ильген рассуждал, что не малая польза может произойти всему Северному союзу, если Франция в доброе согласие с северными союзниками вступит и не будет помогать общему неприятелю деньгами и другими способами, к чему, по его, Ильгену, мнению, можно Францию склонить». 14 декабря получено новое донесение: французский посланник объявил прусскому королю, что Франция охотно желает вступить в доброе согласие с Россией и Пруссиею, причем герцог Орлеанский не будет делать никаких предложений о северном мире и в других случаях не будет искать пользы Швеции, не будет ничем помогать ей, оставит ее совсем. Ильген упомянул Ротембургу, не нужно ли пригласить к союзу и короля польского. «По-моему, не нужно, – отвечал Ротембург, – потому что знаю непостоянство саксонского двора». Ильген внушал Головкину, что если б даже и не дошло до настоящего союза между

Россиею, Пруссиею и Франциею, то уже одни переговоры об нем будут полезны: император, узнавши об них, встревожится и станет приятнее поступать с северными союзниками. Петр, получивши эти донесения, поручил Головкину разузнать, чего потребует Франция от России, на каких условиях хочет вступить с ней в соглашение. Ротембург отвечал, что Франция желает от России и Пруссии гарантии последних договоров ее с Англиею и Австриею – Утрехтского и Баденского, желает также оборонительного союза с Россиею и Пруссиею, и при этом заметил, что было бы желательно, если б знатная часть русского войска оставалась в империи на всякий случай. Ротембург наивно объяснял побуждения своего двора. «Франция, – говорил он, – всегда старалась склонять шведского короля к миру, но до сих пор никакого успеха в том не имеет; поэтому, видя упрямство короля шведского, бессилие Швеции и в делах ее неурядки, Франция хочет вместо нее получить помощь от России и Пруссии, поэтому и хочет, чтоб царь утвердился в империи, а за Швециею пусть и ничего здесь не остается».

Петр велел Головкину объявить королю, что он, царь, готов вступить в соглашения с Франциею, сообщая с Пруссиею; но надобно, чтоб Франция прямо объявила, что она в пользу новых своих союзников сделать намерена, и обо всем представила бы формальное предложение, также чтоб определено было место, где, и министр, через которого будут происходить переговоры. Головкин по царскому указу предлагал Голландию как самое удобное место для переговоров, на что соглашался и прусский король. Но, будучи готов войти в соглашение с Франциею, чтоб отнять у шведов их постоянную союзницу, Петр не хотел служить Франции орудием для достижения ее целей, не хотел, чтоб она вовлекла его во вражду с императором, и потому Головкин объявил Фридриху-Вильгельму: «Если дойдет до заключения союза с Франциею, то не постановлять ничего противного цесарю, дабы свободные руки иметь, потом заключить союз и с цесарем, если интересы России и Пруссии того потребуют». Головкин объявил также, что царь находит невозможным для себя утвердиться в Германии и держать в ней постоянно русское войско, как Франция этого желает. Король отвечал, что он одного мнения с царским величеством, и если соглашение с Франциею состоится и будет надобность, то всегда можно русские войска ввести в империю: Пруссия всегда позволит им свободный проход, и поляки воспрепятствовать ему не в состоянии.

До берлинского двора дошли слухи, что в Голландии Гёрц делал предложение царю или его министрам об отдельном мире с Швециею. Петр поручил Головкину объявить прусскому королю, что во время пребывания его в Голландии Гёрца там не было, не было и таких предложений ни от него, ни от кого-либо другого ни самому царю, ни министрам его. Король отвечал, что он сам получил известие о давнем пребывании Гёрца во Франции и, будучи обнадежен дружбою царского величества, все эти слухи считает невероятными. Ильген сообщил Головкину по секрету известия, полученные от Ротембурга, что Гёрц, находясь в Париже, старается всеми способами отдалить царя от других северных союзников, и особенно от короля прусского. В дальнейших разговорах с Головкиным Ильген начал внушать, что на королей английского, датского и польского мало надежды, ясно видно, что северные союзники друг с другом расходятся, только царь с королем прусским находятся в твердой дружбе; поэтому надобно им еще теснее соединиться и принять меры для упреждения всех противных замыслов, составить сообща план о мирных условиях и стараться о заключении отдельного мира с Швециею. Ильген прямо признался, что до вступления своего короля в войну он отводил его от ней; но теперь, когда в войну уже вступили, то он находит главный интерес своего короля в тесном союзе с Россиею и желает, чтоб царские войска оставались в Мекленбурге и чтоб даже число их увеличилось вдвое. «Мы почти со всеми перессорились, полагая всю надежду на царское величество, – говорил Ильген, – и если царское величество нас оставит, то мы будем в большой опасности».

Если французский двор требовал от русского гарантии договоров Утрехтского и Баденского, то Петр первым условием союза своего с Франциею поставил гарантию со стороны ее

всех своих завоеваний, сделанных в Северную войну. Франция не хотела принять этого условия, тем более что она уже сблизилась с Англией, король которой был в явной вражде с русским царем. Таковы были отношения России к Франции, когда Петр решился сам ехать в Париж. Если мы примем в соображение сильное желание Петра прекратить как можно скорее войну, то мы поймем причины, заставившие его ехать в Париж: надобно было испробовать это последнее средство. Как сильно желал он мира, видно из письма его к фельдмаршалу Шереметеву: «Понеже десант (в Шонию) от вас и некоторых генералов удержан и оставлен, отчего какие худые следствия ныне происходят! Аглинский тот (король) не думает, а датчане ничего без него не смеют: и тако со стыдом домой пойдем. К тому ж, что, ежели б десант был, уже бы мир был; а ныне, как ты, так и прочие генералы (кои отговаривали десант), дайте совет, каким образом сию войну к концу приводить, только бы в тех письмах отнюдь не было *как изволишь*, и, собрав, пришли ко мне». У Петра могло быть и другое побуждение ехать самому во Францию: агент царский во Франции Конон Зотов 17 декабря 1716 года писал Петру: «Бонмазари говорил с Дэтре о женитьбе (вторичной) царевича Алексея на европейской принцессе и искусно спросил, не угодно ли будет двору французскому царевича женить на принцессе французской, именно на дочери дюка д'Орлеанса? На что маршал отвечал, что весьма рад слышать такую добрую мысль, и сказал, что царскому величеству ни в чем здесь не откажут. Маршал объявил обо всем дюку, который сказал: я-де бы рад был, чтобы сие сегодня учинилось». Эти уверения, что здесь ни в чем не откажут, могли внушить Петру мысль, которую он не покидал до конца жизни, – мысль о браке своей дочери Елисаветы с французским королем Людовиком XV.

Узнав о въезде Петра во французские границы, регент отправил к нему навстречу маршала Тессе, который и привез его в Париж 26 апреля в 9 часов вечера. Для него были приготовлены комнаты королевы в Лувре; но это помещение ему не понравилось по великолепию, и он потребовал, чтоб ему отвели квартиру в доме какого-нибудь частного человека; ему отвели отель де-Ледигьер подле арсенала. Но и здесь мебель показалась ему слишком великолепною; он велел вынуть из фургона свою походную постель и постлать ее в гардеробе. Французы-современники так описывают Петра: он был высокого роста, очень хорошо сложен, худощав, смугл, глаза у него большие и живые, взгляд пронизательный и иногда дикий, особенно когда на лице показывались конвульсивные движения. Когда он хотел сделать кому-нибудь хороший прием, то физиономия его прояснялась и становилась приятною, хотя всегда сохраняла немного сарматского величия. Его неправильные и порывистые движения обнаруживали стремительность характера и силу страстей. Никакие светские приличия не останавливали деятельность его духа; вид величия и смелости возвещал государя, который чувствует себя хозяином повсюду. Иногда, наскучив толпою посетителей, он удалял их одним словом, одним движением или просто выходил, чтоб отправиться, куда влекло его любопытство. Если при этом экипажи его не были готовы, то он садился в первую попавшуюся карету, даже наемную: однажды он сел в карету жены маршала Матиньона, которая приехала к нему с визитом, и приказал вести себя в Булонь, маршал Тессе и гвардия, приставленная всюду сопровождать его, бегали тогда за ним как могли. Петр поражал французов и простотою своей одежды: он носил простое суконное платье, широкий пояс, на котором висела сабля, круглый парик без пудры, не спускавшийся далее шеи, рубашку без манжет. Он обедал в одиннадцать часов, ужинал в восемь.

На другой день после приезда, 27 апреля, регент приехал с визитом к царю. Петр вышел из кабинета, сделал несколько шагов навстречу герцогу и поцеловался с ним; потом, указавши рукою дверь кабинета, обернулся и вошел первый, за ним – регент и князь Куракин, служивший переводчиком. В кабинете хозяин и гость сели в креслах, Куракин остался на ногах. После получасового разговора Петр встал и, вышедши из кабинета, остановился на том самом месте, где принял регента; тот сделал ему низкий поклон, на который царь отвечал легким наклоном головы.

Несмотря на жгучее любопытство все поскорее осмотреть в знаменитом городе, Петр несколько дней не выходил из дому, дожидаясь визита королевского. «Объявляю вам, – писал он Екатерине 28 апреля, – что два или три дня принужден в доме быть для визит и прочей церемонии и для того еще ничего не видал здесь; а с завтра и после завтра начну все смотреть. А сколько дорогою видели, бедность в людях подлых великая».

На другой день после этого письма маленький король сделал визит гостю. Царь встретил его у кареты; дядька королевский герцог Вильруа сказал Петру приветствие вместо своего малолетнего воспитанника, после чего оба государя вошли рядом в дом, король – по правую руку. Посидевши с четверть часа, царь встал, взял короля на руки и поцеловал несколько раз, глядя на него с необыкновенною нежностью, после чего оба государя вышли с прежнею церемонией. Об этом королевском визите Петр так уведомил жену: «Объявляю вам, что в прошлый понедельник визитовал меня здешний королища, который пальца на два более Луки нашего (карло), дитя зело изрядная образом и станом и по возрасту своему довольно разумен, которому семь лет». На другой день царь отдал визит королю: увидевши, что маленький Людовик спешит к нему навстречу, к карете, Петр выскочил из нее, побежал к королю навстречу, взял на руки и внес по лестнице в залу. Церемония была такая же, как и накануне, с тем различием, что теперь король уступал правую руку царю.

Дождавшись королевского визита, Петр сейчас же пошел осматривать Париж, заходил в лавки, к ремесленникам, выпрашивая их через князя Куракина о подробностях их работы, причем обнаруживал обширные познания. Вещи только красивые, служившие к удовольствию, мало его занимали; но все, что имело целью пользу, что относилось к мореплаванию, торговле, к искусствам необходимым, возбуждало его любопытство, и здесь он приводил в изумление верностью, проницательностью взгляда, обнаруживал такую же быстроту в изучении, как и жадность в приобретении познаний. Он только мимоходом взглянул на королевские бриллианты, но долго рассматривал Гобелиновы произведения, долго оставался в Зоологическом саду (Jardin des plantes), в механических кабинетах. В опере он просидел только до четвертого акта, но в тот же день целое утро провел в галерее планов. Очень понравилось ему в Инвалидном доме, где он осмотрел все до мельчайших подробностей; в столовой спросил солдатскую рюмку вина и выпил за здоровье инвалидов, называя их товарищами. Осмотрев загородные дворцы, Петр отправился в Сен-Сир, чтоб осмотреть знаменитую женскую школу, заведенную Ментенон: царь посетил все классы, заставил объяснить себе все упражнения пансионеров и потом навестил большую Ментенон. Сорбоннские ученые предложили Петру соединение церквей; он передал это дело на обсуждение русского духовенства.

9 июня царь выехал из Парижа в Спа для пользования тамошними водами, которые употреблял до 15 июля, когда выехал из Спа в Амстердам. Здесь 4 августа канцлер Головкин, Шафиров и Куракин с русской стороны, французский посол в Голландии Шатонёф со стороны Людовика XV и барон Книппгаузен со стороны прусского короля заключили договор: русский царь и короли французский и прусский обязались поддерживать мир, восстановленный трактатами Утрехтским и Баденским, также охранять договоры, которые имеют прекратить Северную войну. Для утверждения союза между тремя державами подданные их пользуются взаимно всеми выгодами, какие имеют нации, наиболее покровительствуемые. Договаривающиеся государи представляют себе взаимное право сохранить все другие свои договоры и союзы, не противные настоящему союзу; особенно король французский выговаривает себе союз, заключенный им с Англиею и Голландиею. Договаривающиеся государи гарантируют договоры Утрехтский и Баденский, равно как те, которые прекратят Северную войну; если один из союзников подвергнется нападению, то другие обязаны сначала мирными средствами вытребовать ему удовлетворение от обидчика; но если эти средства не помогут, то по прошествии четырех месяцев союзники должны помогать войсками или деньгами. Царь всероссийский и король прусский обязуются принять медиацию короля французского для прекращения

Северной войны, причем французский король не должен употреблять никакого понуждения ни против которой стороны; король французский обязуется также по истечении срока договора, существующему между его государством и Швециею (срок кончится в будущем апреле), не вступать ни в какое новое обязательство с Швециею.

В то же время Куракин вел переговоры о мире с Швециею. По приезде своем из Спа в Гагу, 19 июля, он переслался с известным приверженцем Карла XII генералом Понятовским и на другой день, 20 числа, имел с ним конференцию. Куракин начал разговор тем, что во время пребывания в Спа он, Понятовский, объявил ему о присланном от шведского короля полномочии секретарю шведского посольства Преесу, находящемуся в Гаге; Преесу велено вступить в переговоры с министрами царского величества; для начатия этого дела по соглашению с ним, Понятовским, он, Куракин, приехал в Гагу и теперь хочет знать, действительно ли Преес имеет полномочие? Понятовский отвечал, что Преес действительно получил полномочие и инструкцию, только в общих выражениях; по этой инструкции он не может привести к концу такого великого дела; притом в указе ему от короля сказано, что он будет подробно уведомлен о всех королевских намерениях через указы, данные генералу Рангу, но Ранг задержан в Англии. Так как Гёрц теперь отъезжает к королю в Швецию, то лучше всего объявить ему об условиях царского величества для передачи их Карлу XII. Куракин заметил на это, что условия царского величества давно объявлены и жаль, что Преес не может окончить дело, которое затянется, и драгоценное время будет упущено.

27 июля была другая конференция. Понятовский объявил, что виделся с Гёрцем, который предлагает такой способ переговоров: король шведский пошлет своих уполномоченных в Финляндию на съезд с царскими министрами, там будут вести переговоры о мире и покончат дело; что Карл XII сделает это без потери времени; в тех краях вести переговоры гораздо удобнее, потому что они будут содержаться в секрете. Когда договор будет заключен, то король сам пожелает видеться с царским величеством. Барон Гёрц просит царское величество явить к нему милость, приказать выдать ему свой паспорт, с которым он намерен отправиться в Ригу, а оттуда переехать в Швецию.

Третья конференция была 29 июля в Амстердаме. С Понятовским приехал к Куракину Преес и показал свое полномочие, написанное 30 апреля 1717 года; написано оно по всей форме, именно чтобы переговаривать с министрами царского величества. Куракин объявил им, что государь его согласен на предложение Гёрца отправить своих министров в Финляндию и желает, чтобы съезд был на острове Аланде и начался через два или три месяца; если в это время съезд не начнется, то царское величество останется при всех своих обязательствах с союзниками и будет искать вместе с ними общей пользы. На другой день, 30 июля, Куракин отдал Понятовскому и паспорт для Гёрца. 12 августа Куракин виделся с самим Гёрцем в Лоо, где подтвердили все то, что было условлено с Понятовским и Преесом. Гёрц спросил Куракина, как он думает: нужно ли допускать французского посла графа Деламарка вмешаться в эти переговоры? Куракин отвечал, что воюющие державы обыкновенно делают предложения через третью державу; но мы теперь, министры воюющих держав, нашли способ быть в конференции и без посредства третьей державы, согласились о съезде и о месте переговоров; умели начать одни, одни и кончим, а зачем впутывать в дело постороннюю державу? Особенно надобно быть осторожным относительно графа Дела-Марка; поручение, ему данное, довольно известно: ему велено стараться о примирении короля английского как курфюрста ганноверского с королем шведским. Гёрц согласился с этим мнением.

Таким образом, Гёрц успел убедить Карла XII в необходимости вступить в переговоры с царем, мир с которым предполагал большие жертвования со стороны Швеции. Карл жил одною мыслью и не говорил ни о чем другом, как о войне, о возможности отомстить своим врагам. Гёрц писал к голштинскому министру Фондернату: «Если дело удалось, не беспокойтесь о средствах, употребленных для успеха; достаточно, если достигнута цель, которую назна-

чил король. Он сам очень равнодушен к пути, какой ведет к цели, и обнаружил бы нетерпеливость, если б ему предложили много вопросов об этом. Если делаемое ему предложение ведет к исполнению собственных его желаний, то можно быть уверено в его согласии. С таким человеком можно обходиться только симпатическим образом. Сопротивляться ему бесполезно. Надобно наружным образом сообразоваться с его взглядами, чтобы потом мало-помалу склонить его к своим». Как же Гёрц приложил это правило к вопросу о русском мире? Он писал Карлу: «Сила государя состоит не в обширности его владений, а в войске. Слава государя заключается в том, чтобы не щадить своей жизни на войне, геройски идти против всяких опасностей; бессмертное имя оставит по себе тот государь, который в широких размерах изменит общие отношения государств, подобно Карлу Великому, Карлу V, Густаву-Адольфу и Людовику XIV. Этот последний государь после блестящих успехов был одно время поражен такими несчастиями, что враги его надеялись торжествовать окончательно. Несмотря на то, он снова поднялся и выполнил свое великое дело, оторвал Испанию от Австрии и таким образом изменил 300 лет существовавшие отношения. Слава таких деяний продолжается, пока свет стоит. Вашему величеству представляется случай увековечить свое имя преобразованием отношений между государствами Севера; но для этого прежде всего нужно войско». Чтобы дать это войско Карлу, Гёрц истощил вконец шведское население, зная, что король будет молчать, не тронется никакими жалобами, ибо равнодушен к средствам для достижения желаемой цели. Притом Гёрц старался представлять королю положение Швеции вовсе не в таком печальном виде, как было на самом деле: по его словам, королевство было еще так сильно, что не имело надобности принимать предписанные неприятелями условия, король еще может раз выступить с достоинством на всемирную сцену и стяжать неувядаемую славу восстановлением короля Станислава на польском престоле. Пока счастье улыбалось Карлу, пока весь свет удивлялся ему и прославлял его, до тех пор он презирал льстивые внушения отдельных лиц и гнал от себя льстецов; но теперь, когда счастье отвернулось от него и послышались громкие порицания, лесть отдельных лиц принималась уже как желанное утешение. Представляя королю финансовое положение Швеции вовсе не отчаянным, скрывая, что долги возросли на 30 миллионов, Гёрц внушал, что Швеция не только поправится, но и процветет, если заключен будет мир с Россией или с Англией. В конце 1716 года и потом 1717 года Гёрц просил об увольнении; оба раза Карл уговаривал его остаться; Гёрц соглашался с условием, чтобы заключен был мир с одним из врагов. Избран был русский царь, как опаснейший по своим личным и государственным средствам; он мог оказать помощь Швеции против остальных врагов, тогда как на помощь последних против России рассчитывать было нельзя.

Петр сильно желал вступить в мирные переговоры с Швецией по своим отношениям к королям саксонскому и английскому; отношения к Дании могли только еще более усиливать это желание.

По отъезде царя из Дании, 20 октября, Долгорукий был у короля с «комплиментом от царского величества, благодарил от имени царя за удовольствия, испытанные последним в бытность его в Копенгагене, уверял в постоянной дружбе своего государя к Дании». Король со своей стороны очень жалел, что не мог доставить царскому величеству больших удовольствий, обнадеживал в продолжении дружбы своей к России; спросил, как скоро царь увидится с королем английским, и сказал, что датские министры, которые будут при этом свидании, получают инструкции о соглашении насчет будущей кампании. Долгорукий сказал на это, что о свидании своего государя с английским королем не слыхал, знает одно, что царь намерен был послать к английскому королю доверенную особу, которой будет наказано вместе с датскими министрами домогаться последнего решения короля Георга относительно будущей кампании. На это король заметил, что обыкновенно министры не могут сделать того, что сами государи при личном свидании; если царское величество обещает английскому королю вывести свои войска из Мекленбургии, то и он обещает выслать свой флот в Финляндию, в чем и Бернсторф

поможет. «Если Бернсторф, – заметил Долгорукий, – станет что-нибудь советовать королю для частной своей пользы, то может только испортить дело, ибо обыкновенно где покажется какой-нибудь частный министерский интерес, то советы министров мало принимаются и за важные не почитаются». Долгорукий доносил Петру, что ганноверский министр Ботмар просил у датского короля войска на помощь королю английскому, чтоб датское войско, соединясь с ганноверским, принудило русские войска выйти из Мекленбурга, но датский король отказался действовать враждебно против царя, в котором продолжал видеть союзника. Прусский посланник сказал Долгорукому, что и у его короля английский король просил войска для изгнания русских из Мекленбурга, но прусский король отказал ему в этом, желая продолжать дружбу с царем.

В Копенгагене уверяли в продолжении прежней дружбы и союза, а между тем обнаруживали сильную подозрительность. Для высадки в Шонию на будущий год царь предлагал все свое войско, находившееся в Мекленбурге; но король, министры его и генералы отговаривались всеми силами от этого предложения и требовали только двадцати батальонов. «Зачем, – спрашивал Долгорукий, – имея в близости такое сильное войско, оставить большую его часть и с малым отрядом пускаться на такое опасное предприятие, вступать во внутренность неприятельской земли, где враг готов к обороне со всеми своими силами?» «Шония, – отвечал генерал Девиц, – не может пропитать такого большого войска; притом царская армия может нанести чувствительный вред неприятелю, если перевезет свою армию из Финляндии на шведские берега, для чего король английский хочет прислать двадцать военных кораблей, требует только, чтобы русские войска были выведены из Мекленбурга». Король говорил то же самое и на все представления Долгорукого твердил одно: «Иначе невозможно!»

Среди этих бесплодных переговоров окончился 1716 год. 1717 год начался тем же, т.е. сильными тревогами в Копенгагене вследствие интриг мекленбургской партии. Со стороны ганноверского и саксонского дворов Петру сделаны были предложения двинуть свои войска из Мекленбурга в Готторпские земли и в передний Померанский дистрикт. Испуганный король датский обратился к Петру с представлениями по этому случаю; Петр отвечал ему 8 января: «Предложения об этом мне были действительно сделаны; но я сейчас же понял, что этим только старались произвести между мною и вашим величеством несогласие и подать повод к явному разрыву, и потому отверг эти предложения, имея одно постоянное намерение сохранять дружбу и союз с вашим величеством и избегать всех случаев, которые бы могли хотя в чем-нибудь их нарушить. Мое поведение в отношении к вам таково, что я никак не могу понять, как вы могли подумать, чтоб я захотел против вашей воли, без предварительного вашего согласия двинуть свои войска в ваши владения на зимние квартиры и таким образом захотел бы поссориться с своим надежнейшим союзником, которого интерес так тесно связан с моим собственным. Вспомните, что когда мои гвардейские и другие полки в Зеландии в осеннее время терпели великую нужду в дровах, то я не позволил им против вашей воли ни одного дерева срубить в лесу или где-нибудь взять, и потом наши войска долгое время принуждены были стоять на море во время противного ветра, но против воли вашей на берег выходить им я не велел; я сделал все, чтоб опровергнуть ложные и коварные внушения врагов наших. С великим прискорбием вижу из вашей грамоты, что ваше величество имеете ко мне так мало доверия, что, получив только известие, что мне сделаны предложения, и не зная еще, приняты ли они мною, делаете мне, такую жестокою, нечаянную и незаслуженную декларацию. Не могу не представить вашему величеству дружелюбно, братски, чтобы вы вперед не изволили слушать никаких делаемых вам обо мне несправедливых внушений и верить им; будьте уверены, что эти внушения делаются людьми злонамеренными, из своих частных видов ищущими разрушить согласие между нами; будьте уверены, что я не сделаю ничего, что бы могло быть противно нашему союзу и вашему интересу. Ваше величество жалуетесь, что вы одни подвержены опасности от общего неприятеля; но вам и без моего напоминания известно, что я всегда и при всяком случае готов был, не щадя своей собственной персоны, всячески вам помогать; вы знаете,

сколько я старался перед отъездом моим из Копенгагена прийти к соглашению насчет будущих действий против неприятеля, чтоб он всей своей силы против вашего величества обратить не мог; и тогда, и недавно чрез моего посла я делал многие предложения, к общей пользе и к частному интересу вашего величества касавшиеся, из чего можете усмотреть, что у меня вовсе нет намерения оставлять вас одного под ударами неприятельскими. Теперь я буду ждать скорейшей, последней и категорической резолюции вашего величества, дабы я заблаговременно мог приготовиться. Иначе если вы и теперь не окажете никакой склонности вступить со мною в соглашение, то я не только перед вами, но и перед богом и перед всем честным светом буду оправдан. Я не для чего иного до сих пор держал свои войска в Мекленбурге, как для того, чтобы быть готову помогать вам поблизости, и этим нав.ел на себя негодование не только всей Германской империи, но и от вас, союзников своих, вместо благодарности принужден терпеть ненависть и непристойные нарекания; вместо помощи от ваших министров принужден терпеть всякие противности как при цесарском дворе, так в Регенсбурге и других местах».

Когда Долгорукий настаивал в Копенгагене на последней резолюции, то ему отвечали, что она уже дана: двадцать батальонов русских войск – не более – для соединенного действия с датскими в Шонии. Ганноверский посланник Ботмар говорил Долгорукому, что соглашение между царем и королем великобританским не состоялось по вине царя, а король английский был намерен непременно помочь царю осьмнадцатью линейными кораблями, если б царь велел своим войскам выйти из Мекленбурга. Долгорукий отвечал, что, по его сведениям, дело шло совершенно иначе: упорство оказалось со стороны короля английского, и в доказательство приводил проект Бернсторфа, где говорится только об обязательствах со стороны русской, а о помощи со стороны английского короля ни слова. Король английский, сказал на это Ботмар, не может обязаться письменно в присылке кораблей из опасения возбудить подозрение английского народа, а будет к тому склонять английских правителей; хотя король письменно и не обяжется прислать корабли, однако царское величество может верить и слову королевскому, только б русские войска из Мекленбурга выступили. В таких важных делах, отвечал Долгорукий, обыкновенно бывают письменные обязательства. Прусский посланник Гаппе объявил Долгорукому, что он говорил с датскими министрами о соглашении между царем и королем датским насчет будущей кампании и заметил из их слов, что здесь опасаются взять к себе много русского войска, ибо в таком случае датский король, будучи слабее, найдется в полной зависимости от русского государя: как тот захочет, так все и будет.

В начале февраля Долгорукий доносил, что насчет будущей кампании датский двор относится очень холодно, ни король, ни министры не упоминают о ней ни слова. Как видно, ганноверский двор не желает соглашения между Россией и Даниею, чтоб заставить последнюю более дорожить дружбою короля английского, а ганноверский двор имеет здесь большое влияние, потому что на его стороне самые сильные люди – Гольст и Девиц, а другие министры говорить противное не смеют, хотя и видят вред интересам датским. Сын Ботмара в откровенном разговоре с прусским посланником сказал, что королю английскому нет никакой нужды посылать столько кораблей на помощь Дании и России и тем возбуждать подозрение в английском народе, потому что король английский при заключении мира ничего не получит, а Бременское княжество и без того за собою удержит; итак, королю английскому в скорейшем заключении северного мира большой нужды нет. Сам Ботмар, *поднявши плеча*, говорил прусскому посланнику, что английский король так претерпел от царского величества, что страшно слышать. В мае Долгорукий проведал «чрез секретный способ», что Ботмар предложил датскому двору изыскать средства принудить русские войска выступить из Мекленбурга, внушая, что от этих войск больше всех подвергаются опасности короли английский и датский, и в случае согласия датского короля действовать заодно с английским, последний велит своим ганноверским войскам приблизиться к Эльбе. Вследствие этого предложения созван был совет, на котором король и министры приводили многие причины, почему они имеют право подозревать

царя, а именно: отсрочку прошлого года высадки в Шонию, супружество царевны с герцогом голштинским, которое в Дании считалось делом решенным, поездку царя во Францию, вероятно, для того, чтобы посредством Франции заключить особый мир с Швециею; относительно войск русских, находившихся в Мекленбурге, рассуждали, что царь может приказать им добывать Висмар или действовать в пользу герцогов мекленбургского и голштинского; подозрение насчет русских войск усиливалось слухами, что войска эти около Ростока готовят лагерь на 40000 человек и русским войскам, которые в Польше, велено также двинуться в Мекленбург. В совете было положено ввиду этой опасности не уменьшать число датских войск, находящихся в Голштинии, и держать их в готовности.

Всей этой тревоге положен был конец, когда в июне Долгорукий объявил, что царское величество приказал русским войскам выйти из Мекленбурга. На это объявление король сказал: «Теперь уже все несогласия между царским величеством и королем английским кончились». Долгорукий отвечал: «Со стороны царского величества ни малейшей причины не подано к озлоблению английского короля, а со стороны короля английского многие явно показаны, при всех дворах министры его делали всевозможные противности интересам нашего государя». Король заметил, «что Георг I все это сделал для герцогства Мекленбургского, объявив себя его покровителем». «Король английский, – возразил Долгорукий, – для некоторых мекленбургских жителей такого вреда всему союзу делать бы не стал, верно, имел какую-нибудь причину поважнее; когда войска русские шли в Датское государство, тогда еще министры английского короля старались всячески этих войск не допустить, а потом когда русские войска перевезены были в Зеландию, то король английский дал указ адмиралу Норрису напасть на русские войска и флот». Король заметил: «Это правда, король английский старался, чтоб армия и флот датские, соединясь с флотом английским, напали на русские войска; но ему в этом было отказано; только ни под каким видом об этом никому не рассказывайте. Но какую английский король может получить пользу, препятствуя общим делам всего союза?» Долгорукий отвечал: «Английский король безо всякого для себя убытку хочет быть господином Северной войны и мира; всячески старается он для этого не допустить ваши величества до соглашения, чтоб датские войска вместе с русскими никогда не были, между тем ищет отдельного мира, требуя у короля шведского уступки Бремена, за что обещает ему вознаграждение за счет северных союзников; если не будет в состоянии сделать этого добрыми средствами, то обещает королю шведскому военную помощь. Царское величество изволил рассудить, что не сходно с интересами его и всего Северного союза, понесши неисчетные убытки и неописанные труды, приведши эту войну к концу, отдать не только все дела военные, но и самый мир в волю одного короля английского. Тогда английский король, увидав, что царское величество проник его намерения, начал стараться всеми способами поссорить его с союзниками».

Король слушал со вниманием слова Долгорукого, но действия этих слов, хотя и весьма слабые, как увидим, оказались не ранее сентября, когда Петр написал Долгорукому: «Датский посланник Вестфален объявил нам самим и министрам нашим в величайшей тайне, каким образом король его уже начинает усматривать английские интриги, что он и своими министрами, особенно мекленбуржцами, обманут; Девица удалил от двора и намерен стараться вступить с нами в прежнее доброе согласие, для чего и вызывает к себе его, Вестфалена. Вам надлежит на все это обращение смотреть внимательно, и если вы найдете, что король датский подлинно, истинно намерен доброе согласие с нами восстановить, то можете объявить, что мы с своей стороны всегда себя склонными к тому покажем; можете также объявить в величайшей тайне королю самому или кому-нибудь из министров верному, который бы этого, кроме короля, никому не рассказал, что мы слышали, будто его королевское величество с королем прусским ведет переговоры о Штральзунде, чтоб этот город отдать королю прусскому на известных условиях; внушите, чтоб король датский не спешил этим делом, но прежде снесся с нами, дабы с общего совета в том деле так поступить, как сходно будет с интересом общим,

и особенно с интересом датским. Если же усмотрите, что король датский в своем намерении к восстановлению доброго согласия с нами не очень ревностно и истинно поступает и это восстановление, по вашему мнению, не состоится, то удержитесь от этого сообщения, чтоб они не пронесли и тем бы дружбе нашей с королем прусским не повредили; во всяком случае вы должны так скрытно и осторожно поступать, чтоб отнюдь прусский двор об этом не сведал». Долгорукий отвечал дурными вестями: «Маршалок и тайный советник Гольст, сколько я мог приметить, в прежней у короля милости; противная датчанам сторона содержит себя твердо в милости королевской подарками и интригами, и если на одного кого-нибудь из них прогневаются, то другие стараются его восстановить или другого из их же партии на его место подставить. Из противной им стороны только двое, Выбей и Сегестет, имеют смелость с королем говорить, и из них Выбей – большой трус, а Сегестета, ваше величество, изволите знать; кроме них, нет ни одного датчанина, который бы имел доступ к королю; притом же при дворе из датчан очень мало дельных людей, а которые и есть, тех сам Выбей от короля отдаляет, опасаясь, что они своими способностями опередят его. Датский король желает согласиться с вашим величеством насчет действий против неприятеля, но так, чтоб самое важное сделано было войсками русскими и чтоб в это соглашение был включен король английский, от тесной дружбы с которым датский король никак отказаться не хочет. Король датский желает притом, чтоб предложение о соглашении последовало с вашей стороны, надеясь в таком случае вытребовать для себя лучшие условия и показать, что ваше величество к нему обратилось. Не знаю наверно, но думаю, что если датский король предложения с вашей стороны не дожидается, то сам будет заискивать. Правда, что генерал Девиц в немилости у короля, но не за неверность и интриги, а вот по какому случаю: король, будучи в Голштинии, расписывал квартиры по деревням, где стоять новоприбывшим конным полкам, и часть того дела приказал своему камердинеру, который хотел посоветоваться с Девицем как главным генералом; Девиц осердился и сказал ему, что камердинер должен заниматься париками и платьем королевским, а не в военные дела мешаться; камердинер донес об этом королю; тот призвал к себе Девица и при Выбее сказал ему с гневом, что он не имеет никакой власти над камердинером и не должен был читать ему наставлений, когда он, король, приказал ему распорядиться квартирами. С этих пор король обращается с Девицем уже не так милостиво и не позволяет ему приезжать ко двору».

Между тем Вестфален приехал в Копенгаген; ему поручено было составить проект соглашения России с Данией насчет будущих действий. Проект был написан; но тут пришли известия о переговорах царя с Гёрцем. Вестфален объявил Долгорукому, что король знает о переговорах князя Куракина с Гёрцем насчет отдельного мира; знает, что Гёрц приезжал к царю в Лоо, а впоследствии был за две мили от Берлина, где министры царские, а со стороны прусского короля – Ильген с ним виделись и разговаривали об отдельном мире; потом даны Гёрцу русские и прусские паспорта и позволено ему ехать в Швецию через Россию. Ботмар стал разглашать, что мир между Россией и Швецией уже заключен и подписан и у него есть копия с договора. Скоро и газеты начали говорить об этом мире. Долгорукий уверял Выбея, что все это пустые слухи, мир не заключен. «Хотя мир не заключен, – возражал Выбей, – но не иметь подозрения нельзя, ибо Гёрц, неприятельский министр, ведомый злодей Северному союзу и везде оглашенный за худого человека, допущен был ко двору царского величества и был с ним в конференции».

В половине ноября Долгорукий вместе с прусским посланником были приглашены на конференцию, где датские министры им объявили, что для окончания Северной войны король их намерен вторгнуться с войском из Норвегии внутрь Швеции, а царь в то же время должен приказать войскам своим вступить в Швецию из Финляндии; но так как для прикрытия этих действий нужны морские силы английского короля и нужнее они для России, чем для Дании, английский же король не хочет прислать их на помощь до тех пор, пока не кончится дело в Мекленбурге между герцогом и дворянством, то король датский предлагает следующий спо-

соб: объявить герцогу и противной ему стороне, чтоб они оставили все свои дела до окончания Северной войны в том состоянии, в каком они были при умершем герцоге мекленбургском, брате нынешнего герцога. Долгорукый выразил сильное сомнение, что государь его согласится на такую вредную для герцога мекленбургского сделку.

Мы видели, что при разрыве с королем английским, при охлаждении с королями датским и польским Петр старался по крайней мере сохранить дружбу с прусским. Когда в Берлине узнали о выезде царя во Францию, то Головкин должен был объявить Фридриху-Вильгельму, что «царское величество изволили сей путь воспринять для удовольствования своей курьезите», и доносил государю, что не слыхал он, чтобы прусский двор насчет царского путешествия имел «жалозию». В июне Ильген говорил Головкину: «Конечно, надобно иметь взаимно крайнюю конфиденцию для общего блага; у нас больше неприятелей, чем приятелей, и потому надобно действовать осторожно; английский двор больше других на нас досаждает, точно так же как и на царское величество: кроме того, что нам несколько раз объявлял, что мы нарушили договор, не согласившись действовать заодно против России, французскому посланнику Обервилю, предлагавшему пригласить нашего короля к союзу, сам английский король объявил, что пока прусский король будет в согласии с царем, то он ни в какое дело с ним не вступит. Надобно нам спешить своими делами и составить план, в котором написать ультиматум, без чего России и Пруссии помириться с Швециею нельзя; надобно заботиться привести дело к концу; если же оно продлится, то другие прежде нас составят план и могут принудить нас к миру согласно с этим планом».

В начале сентября приехали в Берлин министры, сопровождавшие Петра; между ними и прусскими министрами начались конференции. Русские министры объявили, что для мира с Швециею царь уступает Финляндию. Прусские министры сказали на это: «Мы желаем, чтобы царское величество и все свои завоевания удержал, и от договоров своих, заключенных с вами, не отступим; но если неприятель потребует, чтобы царское величество и по сей стороне моря что-нибудь уступил, также чтобы Ревель разорить, то царскому величеству угодно ли будет на это согласиться? Нельзя ли вместо Ревеля другую гавань сыскать или нельзя ли Ревель вольным городом сделать? Надобно непременно предупредить англичан; если они вместе с датчанами помирятся с шведами, то нам тяжело будет. Сверх того, если цесарь с турками помирится и в наши дела вмешается, то нам придется дурно, особенно будет большая опасность королю прусскому, ибо цесарь может употребить и против него ганноверцев и саксонцев, к которым Все католические государи пристанут. Мы сделали цесарю много полезных предложений, но не только успеха, и ответа не получили; опасаемся, что если мир не будет заключен скоро, то не только завоеванного за собою не удержим, но и в великую опасность впадем, потому что не имеем ни одного союзника».

«Кроме Финляндии, нельзя ничего уступить, – отвечали русские министры, – ибо что касается Ревеля, то эта гавань необходима для русского флота, которому без того неоткуда будет выйти в море. А Лифляндию необходимо нам удержать даже и в интересах короля прусского, ибо иначе шведы отнимут все средства сообщения между Россиею и Пруссиею и не будем тогда в состоянии помогать друг другу. Кроме того, если Лифляндия останется за шведами, то они получают возможность иметь всегда в Польше сильную партию, ко вреду России и Пруссии. Да и нет нужды уступать так много неприятелю, лучше продолжать войну, чем соглашаться на такой опасный мир, ибо от шведского короля при мире, кроме бумаги, ничего не получим и только дадим ему средства к новому нападению. Что касается цесаря, то нельзя ожидать, чтоб он поступил так жестоко, ибо до сих пор умеренно поступал; и если б он захотел вмешаться в северные дела, к нашему вреду, то может это сделать и по заключению северного мира; и если бы цесарь захотел что-нибудь предпринять против Пруссии, то царское величество обнадеживает короля своею помощью; прусский король, имея союзницами Россию и

Францию, может не бояться цесаря, который не захочет начать войну с такими сильными государствами».

Прусские министры продолжали выставлять опасность положения и указывать на необходимость уступок со стороны России. Русские министры выразили удивление, что с прусской стороны настаивают на уступке Лифляндии шведам. «Нет никакой крайности, – говорили они, – делать такие большие уступки; кроме того, Лифляндию нельзя уступить и потому, что царская резиденция в Петербурге, которую надобно в совершенную безопасность привести и устроить достаточный барьер; и если Лифляндию шведам отдать, то неприятель будет от Петербурга в 30 милях и может всегда беспокоить царское величество в его резиденции». «Если царское величество так твердо стоять изволит, – говорили прусские министры, – то надобно готовиться к долгой войне, а между тем обстоятельства могут перемениться к нашему вреду; король шведский, увидев, что с нами заключить мира не может, помирится с королями английским и датским, и тогда мы одни останемся; также нельзя знать, не соединятся ли Англия и Дания с Швециею против нас».

Между тем приехал в Берлин сам царь, и по совещании с королем *учинен концерт* : гавельсбергский концерт и прежде заключенный союз между Россиею и Пруссиею возобновляются и утверждаются во всех пунктах таким образом, что если кто из северных союзников заключит отдельный мир с Швециею, по которому шведы останутся опять в Германии, или если кто-нибудь станет принуждать короля прусского к уступке Штетина с округом по реку Пену, то Россия и Пруссия препятствуют этому вооруженною силою, соединив свои войска. Так как царское величество теперь действительно сносится с Швециею о мире, то обязуется о всех этих сношениях немедленно и верно сообщать находящемуся при его дворе прусскому министру и даже допускать последнего к трактатам, когда он этого потребует.; охранять интерес прусского короля, как свой собственный, и не заключать ни мира, ни перемирия с Швециею без того, чтобы Пруссия не получила Штетин с округом до реки Пены. В конце 1717 года по настоянию Петра король прусский заключил союзный договор с герцогом мекленбургским; но при этом Ильген объявил Головкину, что король будет писать герцогу, что он договор заключить готов, но заранее напоминает его светлости, чтоб изволил при нынешних деликатных обстоятельствах поступать умеренно со своим дворянством, ибо хотя он, король, по обязательству своему будет везде держать сторону его светлости и о выгодах его по крайней возможности стараться и нарочно разглашать, что в нужном случае действительно поможет, однако если его светлость императора и империю против себя возбудит, то королю нельзя будет ему и помочь, ибо его светлость сам может легко рассудить, что королю против императора и империи стоять нельзя. Вместе с тем депутату от мекленбургского дворянства, находившемуся в Берлине, было объявлено, что король заключил с их герцогом договор, по которому обязан оказывать ему всякую помощь, и потому королевское величество им внушает, чтоб они прежние противности против своего герцога оставили и вновь ничего не начинали, в противном случае король прусский принужден будет за их герцога вступиться.

Англия не вступалась более в мекленбургские дела; она хлопотала о заключении выгодного торгового договора с Россиею и для этого желала скорейшего окончания Северной войны. В июле 1717 года чрезвычайный посланник короля Георга адмирал Норрис и уполномоченный при Голландских Штатах министр Витворт в Амстердаме, в доме канцлера Головкина, имели конференцию с царскими министрами, причем Норрис объявил об искренней дружбе своего короля к царскому величеству, объявил, что ему поручено заключить торговый договор с Россиею, и, наконец, объявил, что его королевское величество рассуждает о необходимости прекращения Северной войны для пользы общей и желает знать рассуждение его царского величества, каким бы образом получить общий мир. Норрису дан был ответ, что по известной несклонности короля шведского к миру и по положению его земель достижения общего мира и свободной торговли надеяться никогда нельзя, если король шведский не будет принужден

к тому силою оружия; а для этого необходимо, чтоб английский король дал царскому величеству по меньшей мере 15 линейных кораблей, чтоб эта эскадра была под полным начальством царского величества и оставалась в море до тех пор, пока русский флот будет в нем оставаться. В таком случае царское величество обещает сделать высадку на шведский берег и действовать таким образом, чтобы принудить шведского короля к общему миру и к удовлетворению короля и народа английского. Но так как нельзя знать, можно ли в одну кампанию принудить неприятеля к такому миру, то король должен обязаться давать выговоренное число кораблей царскому величеству ежегодно, пока Северная война не кончится благополучным миром.

Норрис привез этот ответ в Лондон, и здесь в сентябре министры объявили Веселовскому, что условия, предложенные его правительством, очень тяжелы; король не может на них согласиться по ограниченности своей власти, не может отдать значительное число английских кораблей в полное распоряжение царя, ибо это противно правам, которыми пользуется английский флот, но, главное, здесь выскажется пристрастие короля, тогда как по настоящему состоянию северных дел английский народ находится в сомнении, следует ли королю способствовать сокрушению Швеции или нет; поэтому король должен поступать очень осторожно в делах северных, иначе должен дать ответ. Если бы царскому величеству было угодно сообразовать свои требования с формами английского правительства, то твердый и полезный союз между обоими государствами был бы возможен; Англия может помогать России и кораблями, только при других условиях. Петр считал бесполезным придумывать другие условия, и Веселовский, не получая никаких приказов от своего двора, находился в неловком положении. 1 октября он дал знать царю, что английский двор недоволен холодностью двора русского. «Смею представить, – писал Веселовский, – что было бы согласно с интересом вашего величества, чтоб я от времени до времени давал здешнему двору хотя наружные обнадеживания в дружбе, и что со стороны вашего величества нет никакого против него враждебного намерения, как здесь думают. Очевидно, что здешний двор пользуется большим влиянием на важнейшие дворы европейские и все их проекты знает. По всем поступкам французского посланника аббата Дюбуа видно, что французский двор с здешним вступил в полное соглашение и обо всех иностранных делах с ним откровенно пересылается».

Пребывание Дюбуа в Англии сильно беспокоило Веселовского. «Дюбуа, – писал он, – ведет переговоры чрезвычайно секретно, безотъездно живет при короле и беспрестанные имеет конференции с английскими и ганноверскими министрами. Я узнал чрез достоверных людей, что он привез с собою план северного мира, план вредный интересам вашего величества, ибо имеет в виду больше партикулярный, чем генеральный, мир, предложено королю Георгу помириться с Швециею с удержанием Бремена и Вердена для Ганновера».

Англия держалась в стороне; ее король, как курфюрст ганноверский, искал партикулярного мира; Дания была приведена в бездействие отстранением Англии и Ганновера; французское правительство из сознания своей слабости отказывалось от своего влияния на севере, покидало Швецию, но не сближалось и с Россиею, потому что личные виды правителя Франции заставили его искать опоры в Англии, в этом сильнейшем теперь государстве в Западной Европе; Пруссия, понимая, что на континенте нет теперь державы сильнее России, особенно по личным средствам ее царя, придерживалась, молодой могущественной державы, но откровенно высказывала свой страх, с беспокойством озиралась вокруг, трепеща за свои новые приобретения. Таково было положение дел в Европе, когда Россия решилась начать мирные переговоры с Карлом XII. Но в то время, когда происходила великая борьба на севере, когда первенствующее здесь значение Швеции после Полтавской битвы перешло к России, когда составилась союз с целью вытеснить шведов из Германии и когда союз этот рушился и союзники начали думать о партикулярных мирах, – как в это время вел себя государь, которому принадлежало первое место между государями Европы, который по титулу был верховным владыкою Германии, как действовал император, тогда единственный в Европе, император Священ-

ной Римской империи? Любопытно, что в то самое время, когда Франция после Полтавской битвы, испугавшись могущества новорожденной России, действовала враждебно против нее, как против естественной неприятельницы своих союзников, турок и шведов, и, следовательно, естественной союзницы своего главного врага на континенте – императора, в это самое время Австрия, как будто не понимая естественности этого союза с Россией, вела себя в отношении к последней холодно и даже неприязненно. Причиной были все предшествовавшие отношения между обеими державами начиная с последних годов XVII века. Петр не мог быть доволен эгоистическим поведением Австрии при замирении с турками; потом в первые годы Северной войны царь испытывал только холодность и даже презрение со стороны венского кабинета. Это, разумеется, доставляло Петру полную свободу действия; при нужде он обращался к враждебной императору Франции с просьбой о посредничестве между ним и Карлом XII с обещанием вознаграждения за это; то обращался к бунтовавшему против Австрии Рагоци Венгерскому, предлагал ему польский престол, то звал на тот же престол необходимого для Австрии Евгения Савойского. После Полтавской победы венский двор должен был взглянуть на Россию другими глазами. К 1710 году относится любопытный акт, заключающий в себе неизвестно от кого идущие предложения союза России с Австрией посредством брачного союза между их государями: «1) если царское величество изволит сына своего, государя царевича, женить на принцессе чужеземной, то cesарское величество (Иосиф 1) выдаст сестру свою или дочь за государя царевича. Из того произойдет дружба и вечный союз против шведского короля, турок и других неприятелей. 2) Для этого свойства cesарское величество может царское величество признать за cesаря империи Русской, и если царское величество пожелает Греческого государства, то cesарское величество уступит без сопротивления и всякую помощь окажет; англичане и голландцы для того же свойства спорить не будут; а если бы царское величество пожелал государства Греческого без союза с cesарским величеством, то будет сопротивление от cesаря, англичан и голландцев. 3) Если царское величество пожелает, то cesарь признает государя царевича „королем из империи Русской, казанским, или астраханским, или сибирским“, потому что cesарский сын бывает римским королем. 4) Если царское величество пожелает, чтобы были на Черном море кавалеры мальтийские, то для того же свойства Великий магистр сейчас пришлет из Мальты несколько кавалеров и с ними миллионы денег для поселения и строения кораблей; царскому величеству от этого не будет ни малейшего убытка, напротив, большая выгода и помощь против турок. 5) Если царское величество пожелает королевства Польского, то для того же свойства оно будет поделено с царским величеством пополам. 6) Если царское величество пожелает, чтоб была в Вене церковь греческая для народа венгерского (?!), то для того же свойства cesарь может это сделать. 7) В Вене приходил к cesарю русский посланник Урбих и доносил ясно, будто царское величество сына своего на cesарской сестре или дочери женить не будет, а хочет взять за царевича у герцога вольфенбительского дочь; и cesарское величество на это рассердился. 8) Принцесса вольфенбительская не принесет царскому величеству чести и выгоды; честь и выгода будут только герцогу вольфенбительскому. Герцог вольфенбительский – вечный союзник короля шведского, а Урбиху он обещал большие деньги. В Вене же носится слух, будто Урбих писал к царскому величеству, что cesарь не хочет иметь в свойстве царевича и если Урбих так писал, то ясно, что он производит ссору. 9) Королям прусскому и польскому не надобно верить относительно союза, потому что король прусский в свойстве с герцогом вольфенбительским, а король Август сватает cesарскую дочь за сына своего. В Вене же носится слух, что король Август сватает за царевича из Европы принцесс из страха, чтоб у царского величества с cesарем не было свойства и доброго союза и королям прусскому и польскому не было тесно между такими великими монархами. 10) У cesаря две дочери, а сыновей нет, и если царское величество пожелает взять за сына своего старшую дочь cesареву, то наследником и cesарем может быть царевич». Император Иосиф умер; ему

наследовал брат его, Карл VI, до возвращения которого из Испании управляла вдовствующая императрица-мать; но неудовольствия не прекратились, и сердились именно на Урбиха.

В июле 1711 года между Урбихом и австрийским министром Зейлером были очень неприятные разговоры, вскрывшие характер отношений между обеими державами. Зейлер стал жаловаться, что в царских грамотах к императрице встречается странность, в иных дается титул величества, в других нет, и потому просил его, Урбиха, взять назад грамоту, в которой нет титула величества. Урбих отвечал: «Так как в некоторых грамотах этот титул находится, то ясно, что царское величество не думает лишать императрицу его, но если в некоторой грамоте титула нет, то этому может быть особая причина, именно: в одной грамоте, отправленной к царю венским кабинетом, титула величества также не дано». Зейлер, услышавши это, побледнел от злобы. «Замолчите, – сказал он Урбиху, – не могу этого выслушивать; мы обманулись, мы думали, что это только канцелярская ошибка, и потому императрица тайно с великим уважением велела отдать назад грамоту; а теперь мы принуждены выслушивать, что такой непристойный поступок сделан нарочно, да еще толкуют, что имели право это сделать. Немецкая кровь никак этого снести не может; дело идет о славе Германии; вы сами немец и потому не способны участвовать в оскорблении, которое наносится немцам, лучше б вам было русскую службу оставить, чем решиться на это». Несмотря на все убеждения, Урбих решительно отказался взять грамоту назад. На другой день является к нему канцелярист от имени министров; Урбих догадался, что канцелярист принес грамоту, и велел сказать, что ему некогда – почтовый день. Тогда канцелярист положил грамоту в передней и хотел уйти. Урбих нашел себя принужденным выйти к нему и сделать окрик. «Зейлер, – сказал он, – трактует царское величество как австрийского мужика, а Вратислав (другой министр, родом чех) – как богемского мужика, возьмите грамоту и ступайте подумайте, что из этого может произойти. Видно, у вас еще мало неприятелей, хотите побольше!» Канцелярист извинился, что обязан делать, что приказано, и ушел, но потом прокрался в комнаты Урбиха и положил грамоту на стол. Урбих послал к обер-гофмейстеру с жалобой на обиду и бесчинство, какое позволил себе канцелярист, нарушив права посольской квартиры. Обер-гофмейстер Траутсон отвечал, что грамоты никак нельзя держать в императорской канцелярии, ибо в грамоте у императрицы отнято то, что она получила от бога и всего света и чего никакая держава отнять не может. Урбих поехал сам к обер-гофмейстеру для объяснений и выговорил, что австрийское правительство делает все, чтоб поссориться с царским величеством: всякому известно, что шведы, приезжающие из Бендер, находят пристанище в доме Вратислава, что Австрия старалась привести датского короля к партикулярному миру с Швециею; отвлечь Польшу от царского величества; помешать переговорам с Венециею; турецкого агу с великим обещанием назад отослали; обнаружили большую зависть к успехам оружия царского величества; наконец, теперь как поступлено с грамотою царскою! Изо всего видно, что мира и добрых сношений с царем больше не хотят. «И потому я, – заключил Урбих, – желаю знать ваши намерения». Обер-гофмейстер оправдывался: шведский король действительно требовал помощи в примирении с Даниею, но австрийский двор никак на это не согласился; неосновательно и обвинение относительно Польши, можно доказать противное: шведам проезда нельзя запретить по нейтральности; чтоб Австрия мешала России в Венеции – этого доказать нельзя; молва о поведении австрийского резидента в Константинополе распущена Рагоци и другими подобными; возвращать грамоты, написанные с умалением титула, – дело обыкновенное, и этот поступок к войне вести не может. От оправданий обер-гофмейстер перешел к обвинениям: царь не только сносится с общим наследственным неприятелем, королем французским, и держит при своем дворе его посланника, но и австрийским бунтовщикам явно покровительствует; напротив того, с цесарскими посланниками плохо обходится: послу Вильчеку оказывается мало внимания, а резидент долго бегал, пока получил первую аудиенцию, и когда получил, то ему сказано, чтоб предложил дело

покороче, и государь, не сказав ему ни слова, отошел прочь; предложение со стороны Австрии оборонительного и наступательного союза не было принято.

Особенно сердились в Вене за то, что Петр сносился с Рагоци как с независимым владельцем.

Стали приходиться вести о прутском несчастье и мире; Урбих находился в неловком положении, потому что от своего двора не получал никаких известий. В августе был в Вене грек, ехавший из Вольфенбителя и пробиравшийся к царю через Венгрию, Трансильванию и Валахию; это был афинянин Либерио Коллетти, хотевший набрать несколько тысяч греков для действия против турок. Сильно испугался он, услышав в Вене о Прутском мире. «Теперь, – говорил он, – все греки, полагавшие всю надежду свою на царя, пропали». Что касается до австрийского правительства, то оно не имело причин радоваться торжеству турок, страх перед которыми еще не исчез в Вене и которых успехи были успехами Франции. Австрийские министры даже прямо объявили Урбиху, что в случае несчастья Австрия будет помогать России в войне с турками. Когда Петр после Прутской кампании приехал лечиться в Карлсбад, то здесь по распоряжениям из Вены оказано ему было большое внимание. Урбих писал, что в Вене дела идут лучше прежнего относительно России, и объяснял это приказанием нового императора Карла. Урбих ждал, устоит ли партия Вратислава, неблагоприятная России, и толковал об этом с венецианским послом, который желал заключения нового тройного союза между Россией, Австрией и Венецией против турок. Посол очень жалел о несчастной Прутской кампании, жалел не об Азове, а о двух вещах: во-первых, об ущербе славы русского оружия; уже начали говорить, что русские еще не выучились военному искусству, и удивляются, почему после кампании увольняют из службы немецких офицеров. Во-вторых, жалел о греках, которые хотели все стать на стороне России, а теперь они обезоружены и не будут больше верить русским. Когда венецианский посол настаивал на необходимости оборонительного союза между Россией, Австрией и Венецией, то Урбих отвечал, что царское величество дела не начнет, пусть Венеция делает предложения и побуждает к тому же и цесарский двор.

В конце 1711 года Урбих отправился во Франкфурт на коронацию нового императора Карла VI; 30 декабря он имел у него аудиенцию и в речи своей поставил на вид, что в венгерском деле вина не на русской стороне, что царь предлагал австрийскому двору союз и 20000 войска против недовольных венгров; теперь царское величество с сожалением слышит, что некоторые союзники Австрии намерены заключить партикулярный мир с Францией. Царское величество желает, чтоб цесарю досталась вся Испанская монархия, на которую он имеет все права. Урбих объявил от себя, что если император желает продолжать войну с Францией и заключить союз с Россией, то царское величество будет готов показать свою истинную братскую склонность, пусть император предложит свои условия. Карл VI отвечал очень тихо, чем напомнил отца своего, Леопольда: «Покойный брат цесарь Иосиф говорил мне, чтоб вступить в тесный союз с царским величеством, особенно теперь, по близкому свойству (вследствие брака царевича Алексея на сестре императрицы)». Назначено было Урбиху иметь конференцию с государственным гофратом Консбрухом. 1 января 1712 года они съехались, и Консбрух объявил, что интерес обеих государей требует жить в согласии и согласие возможно, если с царской стороны будут отстранены мелкие столкновения и все прошлое будет предано забвению без разыскания, кто прав и кто виноват; но главное затруднение состоит в том, как согласить союз между Россией и Австрией с покровительством, которое царь продолжает оказывать бунтующим австрийским подданным – венграм. Урбих стал объяснять причины этого покровительства, и первое объяснение вышло очень неудачно: он сказал, что царь вошел в сношения с Рагоци только для того, чтоб иметь через Венгрию свободную и безопасную корреспонденцию. Потом Урбих поправился и объявил причины поважнее: с одной стороны, царь старался отвлечь венгров от шведов и турок; с другой стороны, венский двор поступил враждебно против России, признавши польским королем Станислава Лещинского; притом договор

царя с Рагоци не имел никаких последствий. Наконец, царское величество не раз объявлял, что готов оставить венгров и принудить их к верности императору, если последний заключит крепкий союз с Россией. Так как Урбих не имел никакой инструкции для заключения союзного договора, то конференция кончилась тем, что он обещался обратиться к своему двору за эту инструкцию.

Но в Вене не торопились заключением союзного договора: здешнее правительство с напряженным вниманием смотрело не на северо-восток, а на северо-запад, на Голландию, где решался важный вопрос: оканчивать или продолжать войну за испанское наследство? Когда Урбих торопил императорских министров покончить дело о русском союзе, то они прямо ему отвечали: «Подождите, пока в Гаге будет постановлено о продолжении войны». России важно было заключить союз с Австриею, она даже соглашалась помочь ей войском против Франции, ибо России выгодно было продлить войну за испанское наследство, которая отнимала у Франции, Англии, Голландии и у самого императора возможность вмешаться в Северную войну, тогда как вмешательство это не могло быть в пользу России; с другой стороны, для России важен был союз с Австриею, ибо сдерживал турок. Но Австрия признавала для себя невозможность продолжать войну без Англии и желала мира, который делал для нее ненужною русскую помощь; что же касается Турции, то гораздо вероятнее была новая война последней против России, а не против Австрии. Наконец, были люди, враждебные России, как граф Вратислав и другие, которые сильно восставали против русского союза; они представляли, что от русского вспомогательного войска не будет никакой пользы: где ему воевать с французами при страшном беспорядке, огромных багажах, слабой кавалерии, неискусстве воинском, ибо Полтавскую победу нельзя приписать искусству русских: с голодными и бессильными людьми дело имели, и счастье помогло. Взять русское войско в помощь – значит обучить его и показать ему дорогу в свои земли и усилить царя: полезно ли это? Царь соглашается на союз под условием, чтоб император гарантировал ему земли, завоеванные у шведов; но этою гарантиею Австрия только свяжет себе руки: теперь в год, много в два она добьется мира с Франциею, а тогда эта гарантия будет служить препятствием к Миру, мало того, может вовлечь в другую войну.

1712 год проходил в бесполезных стараниях Урбиха заключить оборонительный договор, нужда которого для России увеличилась с приходом неприятных вестей из Константинополя. В Россию доходили слухи, что препятствием к заключению союза может служить Урбих, которым недовольны в Вене. Поэтому туда был отправлен генерал-адъютант Нарышкин с наказом: «Быть ему вместе с Урбихом на конференциях с цесарскими министрами и смотреть накрепко, чтоб барон Урбих трудился по данной ему инструкции привести дело к окончанию». Если увидит он со стороны цесаря затруднения, также если недовольны будут, что переговоры о союзе ведутся посредством Урбиха, то он должен донести цесарю, чтоб изволил кого-нибудь прислать с полномочием к царю в Померанию.

В октябре цесарский посланник при русском дворе граф Вильчек на вопрос графа Головкина, какой он имеет от своего двора наказ для заключения союзного договора, отвечал, что если ему будут сделаны предложения от русского двора, то он обязан их выслушать и писать к своему двору. Если царское величество желает вести об этом переговоры, то лучше пусть пошлет своего министра к цесарскому величеству, и лучше было бы, если бы договор был заключен не с одним австрийским домом, а со всею империею; с Урбихом договариваться не будут, ибо хотя он цесарю и не противен, однако не согласен не только с австрийскими министрами, но и с министрами союзников царских. «Не думайте, – сказал на это Головкин, – что царское величество желает с вами оборонительного союза, опасаясь нового разрыва с Турциею; он желает только укрепить дружбу с цесарским величеством, потому что от турок нарушения мира ожидать нельзя; если же, сверх чаяния, турки введут в Польшу шведского короля с своими сильными войсками, то в таком случае не будет ли опасности и цесарю?» «Конечно, будет опасность такая же, как и царскому величеству, – отвечал Вильчек, – поэтому-то цесарь и

склонен к заключению союза с Россией, объявите только проект, на каких условиях его заключать». Через день после этого разговора Головкин объявил Вильчеку, что царское величество готов послать в Вену министра для переговоров о союзе, только теперь такого министра нет, и потому сообщается ему, Вильчеку, проект договора для отсылки к цесарю, и пусть цесарь пришлет к нему указ постановлять здесь, но не заключать, когда же будет здесь постановлено, тем временем государь отзовет министра от какого-нибудь двора и пошлет в Вену для заключения договора.

Урбих по причине или под предлогом болезни сам начал просить о годовом отпуске из Вены, куда был назначен из Гаги граф Матвеев. В начале декабря приехал Матвеев в Вену и отдал Урбиху отзывную грамоту, отпуск и царский портрет с алмазами. Матвеев приехал в Вену в то время, когда здесь получены были из Константинополя вести, что Турция разорвала мир с Россией и русские послы посажены в Семибашенный замок. Матвеев в этих известиях видел страшное препятствие делу, для которого приехал; несмотря на то, при представлении императору «предлагал в пространных изъяснениях», какое злополучие должно произойти из этой перемены, произведенной наговорами общих неприятелей, не только интересу царского величества, но и самой империи Римской, и просил, чтоб его величество, зрело обдумав, изволил ускорить мерами для сохранения общего мира. Карл VI отвечал уверениями в своей дружбе к царскому величеству и желании вступить с ним в тесный союз по настоящим обстоятельствам. Принц Евгений Савойский также уверял Матвеева в своей усердии к царским интересам; но при этом с великою досадою отозвался о бароне Урбихе. «Это человек коварный и злобный, – говорил Евгений, – все, что он ни писал ко двору царского величества о цесаре и его дворе, – все ложно, пристрастно, по злобе; своим поведением он мог произвести между императором и царским величеством непримиримую вражду, самый негодный человек!» Матвеев не мог заступиться за Урбиха, ибо сам писал Головкину, что «ведает господина барона пронырливые тонкости». «Фавориты цесарские, – писал также Матвеев, – заговаривали мне о мехах лисьих и собольих для цесаря, что ему будет приятно, равно как и прочим вельможам. Рассмотря, извольте их удовольствовать и обязать к нашим пользам. Здесь взяток за стыд не ставят и без того криво глядят».

Новые печальные вести с севера: Штейнбок разбил датчан и саксонцев. «Ведомости эти, – писал Матвеев, – немалую в нашем настоящем деле причинили помешку у здешнего двора, очень торопокого и боящегося шведов; видя, что дела их с Франциею идут дурно и что в наших северных делах успеха мало, видя и турецкую склонность к войне, австрийцы сами не знают, куда приютиться. Из слов принца Евгения я могу видеть, что хотя они нам наотрез и не откажут, но будут проволакивать дело».

1713 год Матвеев начал очень неприятным донесением: «Немалое имею подозрение, что здешний двор старается помирить короля Августа с Швециею и этим облегчить примирение датского короля с Карлом XII; а когда эти партикулярные миры будут заключены, то думают здесь, что царское величество, видя себя всеми покинутого и видя с другой стороны войну турецкую, принужден будет с шведами помириться, и таким образом цесарский двор избавится от всех опасностей, которые могли бы ему грозить от Северной войны из Польши». На вопрос о союзе Матвееву прямо сказали, чтоб царское величество на этот раз извинил цесаря, потому что последний находится в тяжелых обстоятельствах: опасность со стороны Франции, Англии и от турок; не приведя к концу собственных дел, нельзя ничего начать; прибавили, что без сообщения всей империи император не может вступить ни с кем ни в какой союз; не может вступить с Россией ни в какие письменные обязательства, пока русские войска не выступят из пределов империи. В феврале пришли в Вену известия о переменах в расположении султана относительно русской войны, о «трагедии Свейской», как называли ссору Карла XII с турками в Бендерах, и в начале марта Матвеев доносил: «Здешний двор в великом трепете, чтоб пламя войны по интригам французским и английским не вспыхнуло в империи, и по этому опасению

отнюдь ничего в неугодность султану не сделает и в наши и в польские дела за безмерным страхом не вмешается». Принц Евгений прямо сказал Матвееву, что если император выскажется у Порты в пользу России, то это будет равносильно объявлению войны туркам; но такого невозможного и вредного австрийским интересам поступка царь не может требовать от императора. Что император мог сделать, то сделал: послан указ австрийскому министру при Порте, чтоб всячески отвращать султана от войны с Россией. «Здесь двор, – писал Матвеев, – боится турецкой войны, потому что никогда еще принц Евгений не был со мною так учтив и откровенен».

Для избежания бесполезных столкновений Матвееву был дан указ не называть в своих мемориалах к венскому двору царя императором. Матвеев отвечал: «Указ исполнять буду, хотя относительно императорского титула спору быть не может: не только нынешняя королева великобританская, но и предшественник ее, король Вильгельм, всегда в грамотах своих писал нашего государя императорским величеством, и многие книги палатные в самой империи дают русскому царю первое место после императора и Великую Россию называют империум безо всяких наших запросов и трудностей; нашедши, нам терять бесполезно, разве на время уклониться. Герцог Савойский сильно желает вступить в сношения с царским величеством и обещает давать ему титул по примеру королевы великобританской; мое мнение: хотя бы эти новые сношения с таким отдаленным от России государем и не были нужны, однако если сам герцог начнет пересылку и назовет царское величество императором, то это будет не без прибыли для будущего времени. Венецианская и Генуэзская республики, великий герцог Тосканский и другие мелкие владельцы итальянские могли бы последовать примеру такого сильного в Италии государя, как герцог Савойский; а с итальянскими державами, особенно с Венецианскою республикою, для турецких дел и для торговли эту находку в титуле упускать не надобно».

Венецианская республика готова была теперь дать какой угодно титул русскому царю, потому что снова начала бояться турецкой войны. Когда приходили вести, что султан идет на Россию, то венецианский посол в Вене мало обращал внимания на Матвеева; но когда стали приходиться известия другого рода, то он стал обходиться с ним чрезвычайно почтительно и сам проговорился о причине такой перемены. «Боюсь, – сказал он Матвееву, – чтоб и нашего посла турки не посадили в Семибашенный замок». Учтивость в отношении к Матвееву усиливалась и с венецианской, и с австрийской стороны; но русский посол считал себя вправе не быть довольным венскими обхождениями и писал Головкину: «Хотя цесарь и министерство его наружно по политике и показывают доброжелательство царскому величеству, но я замечаю, что природная зависть господствует в мыслях этого любочестивого и гордого двора; нежелательно видеть ему, что мир у России с Турциею благополучно и скоро заключается и царское величество, ставши свободен, принудит шведов к полезному для себя миру и, овладев Ливониею, при море Балтийском распространит свою державу. Нигде при дворах такой зависти и бессюзия между министрами я не видал, как здесь; коварные интриги между разными шайками господствуют при здешнем дворе, думают только о своих выгодах и вредят всеми способами силе своего государя. Сюда пришли подлинные известия, что в Утрехте французские министры предлагали нашему послу князю Куракину заключить между Россией и Франциею договор о свободной торговле. Это предложение важно при нынешних обстоятельствах, ибо сближение с Франциею нам очень полезно. Морские державы кривым оком смотрят на распространение державы его царского величества у Балтийского моря, и нельзя надеяться, чтоб датский союз был постоянным. При союзе России с Франциею морские державы будут более почитать государства царского величества и датский король не посмеет вооружиться. Найдя в союзе с Россией свои выгоды, Франция не станет заступаться за Швецию, и австрийский дом будет оказывать большее внимание к интересам царского величества и высоко станет почитать его дружбу не по любви, а из страха, видя, что Россия соединена с великою и могущественною державою – Франциею, равною по силе с Австриею; австрийский дом должен

будет оставить свои прежние суетные мнения, будто он один только в нужных случаях был прибежищем царскому величеству. Если царское величество заключит мир с Портою, а цесарь свою войну с Франциею будет продолжать, тогда не будет никакой нужды царскому величеству искать чего-нибудь у этого гордого и о собственном своем интересе нерадивого двора. Без денег у цесаря плохой успех в войне, и когда Франция станет его одолевать, то ему ничего больше не останется, как с покорностью искать помощи у царского величества, и готов будет вступить в какой угодно союз. Но тогда этот союз едва ли будет полезен России. Нельзя из-за одной любви к цесарю вступить в новые трудности и войны, особенно когда будем держать в памяти, что цесарь при наших затруднениях ничего для нас сделать не подумал». Матвеев спешил предостеречь свой двор и относительно Венеции: «На днях уведомился я подлинно, что венецианский Сенат, избегая грозящей ему войны с Турциею, деньгами возбуждает сановников Порты против царского величества. Посол венецианский в Константинополе действует заодно с послом французским против России; и здешний венецианский посол, хотя по природному своему пронырству и ласково со мною обходится, но в то же время вместе с папским нунцием всевозможными и тайными способами отвращает цесаря от союза с Россиею. Извольте и у себя равным же образом обращаться с римским духовенством и венецианами; пусть не думают, что их темные злобы нам не известны».

Мир между Россиею и Турциею был окончательно заключен, и Матвеев через фаворита императорского графа Стелли уразумел, что цесарь стал склонен к русскому союзу гораздо больше, чем прежде. Матвеев, успокоенный известием о мире, не находился более под влиянием прежнего раздражения, успел осмотреть дело с разных сторон и потому написал Головкину: «Хотя при настоящих обстоятельствах этот союз и не так нам нужен, но может быть очень полезен для будущего времени по враждебным отношениям нашим к Швеции и морским державам; этим союзом будут сдержаны члены империи, склонные к поданию помощи шведу, особенно Пруссия, наконец, будет сдержана Франция». Австрийские министры пугали Матвеева тем, что мир России с Турциею едва ли будет крепок, потому что султан готовится к походу против Польши, где хочет восстановить Станислава Лещинского. Но когда по получении указа от своего двора Матвеев осенью 1713 года начал с Стелли переговоры о союзе, императорские министры объявили ему с крайним неудовольствием, что цесарь прямо приятель и свойственник царскому величеству и потому прежде заключения договора с королем прусским и администратором герцогства Голштинского о секвестре Штетина надобно было бы не только для чести цесарской, но, главное, для собственной пользы царского величества согласиться с цесарем и прочими владетелями имперскими, с ганноверским и вольфенбительским домами. Но крайнее неудовольствие также не повело ни к чему, как и прежнее желание вступить в союз. «Вам известна, – писал Матвеев Головкину, – медленность здешнего двора во всех делах; этою медленностью он везде все теряет, не только в чужих, но и в своих собственных делах; притом непостоянство Порты в наших и польских делах и слухи о возникновении новой вражды в империи между королями прусским и датским по причине голштинского дела усиливают здешнюю медленность, потому что цесарский двор по обычной своей осторожности еще выжидает, чем кончатся все эти дела». В начале ноября Матвеев объявил графу Стелли решительно: «Если заключение союзного договора по-прежнему будет откладываться вдаль, то царское величество впредь ни по каким домогательствам цесарским и ни при какой тяжкой нужде в союз не вступит». Прошел ноябрь; Матвеев обратился к императрице (родной сестре жены царевича Алексея Петровича) с просьбою постараться об ускорении дела; императрица отвечала, что она безотступно просит об этом императора, как по своему кровному свойству с царским величеством, так и по всегдашним к себе письмам деда, герцога вольфенбительского, матери и сестры, принцессы царевичевой, и что цесарь расположен вступить в союз с Россиею. Наконец 11 декабря Матвееву дано было знать, что император определил: вступить с Россиею в крепкую дружбу и оборонительный союз, причем должен быть заключен и торговый

договор. 18 декабря начались у Матвеева конференции с австрийскими министрами, которые предложили заключить оборонительный союз на десять лет против всякого нападачика, но одни татарские набеги не должны считаться поводом к требованию помощи; этот союз не должен разрушать никакой другой союз, заключенный прежде Россией или Австрией; также император сохраняет свое право быть посредником для прекращения Северной войны. Предложены были и тайные статьи: о немедленной помощи от России императору против Франции деньгами или другим чем; о домогательстве императора у папы, короля польского и республики Венецианской, чтоб царь был принят в священный союз против турок. Матвеев принял проект договора для донесения своему двору, но потом в разговоре наедине с вице-канцлером Шёнборном заметил неопределенность в выражениях: ни Швеция, ни Турция явно не обозначены. Вице-канцлер отвечал, что явно назвать шведа нельзя, потому что он тогда не примет посредничество императора для прекращения Северной войны; если же император в договоре явно объявит себя против турка, то Франция найдет здесь причину поднять Порту против Австрии, которая не будет в силах в одно время вести войну против таких двух сильных держав. Вице-канцлер прибавил, что царскому величеству должна быть известна невозможность для императора заключить с Россией союз против кого-нибудь из князей имперских; император не может вступить в союз и против Польши, с которою у него издавна союз. Наконец, вице-канцлер объявил, что заключение договора должно быть отложено до окончания войны у императора с Францией. На это Матвеев заметил, что союз этот едва ли будет полезен царскому величеству при таких изъятиях и условиях, когда император не обязывается помогать России ни против шведа, ни против турка – заклятых неприятелей царского величества.

В начале 1714 года Матвеев начал извещать о скором мире между императором и Францией, а мир этот должен был иметь влияние и на отношения Австрии к России. «Когда цесарь, – писал Матвеев, – будет в согласии с Францией, то шведа явно озлобить не захочет, должен будет действовать заодно с французским королем по смыслу Вестфальского договора; хотя цесарь и все его министерство по наружности доброхотствуют царскому величеству, но внутренне приращению державы его величества очень завидуют и на будущее время опасаются; большая часть здешних министров – добрые шведы».

В марте Матвеев возобновил представление о союзе, потому что из Петербурга получены были замечания на австрийский проект. Замечания состояли в том, что царь не согласен на заключение союза по окончании его войны со шведами, ибо такой союз не принесет ему никакой пользы; царь требует, чтобы союз заключен был немедленно против всех нападачиков, ибо при нынешней войне опасно, чтобы какой-нибудь новый неприятель, особенно турок, не напал либо на Россию, либо на Австрию; поэтому-то немедленный оборонительный союз и нужен, особенно по отношению к Польше, ибо России, а еще более Австрии нужно стараться, чтобы не допустить турок разорить Польское королевство, потому что от этого может произойти беда для всей Германии. О набегах татарских упоминать в договоре не надобно, потому что татары – подданные султана турецкого и без его воли ничего не делают. Когда оборонительный союз заключится против всех нападачиков, то исключениям никаким быть не следует. Матвеев сильно сомневался, чтоб император согласился на эти требования, и писал к своему двору: «Придворные коварства и интриги неисповедимы, и хотя цесарь сам от себя никакого зла не делает, но если другим не возбранит, то другие державы много могут делам российским вреда причинить или короля датского от союза русского силою оторвать. Для того нужно цесарю себе на будущее время попрочить и держаться с ним согласно, хотя бы и с некоторою убавкой перед прежними запросами союз заключить и, удержав этим союзом цесаря при себе, другим принцам злонамеренным удила на зубы подать. Всегдашние победы царского величества над обессиленным неприятелем, особенно нынешнее торжество в Финляндии над генералом Армфельдом, великую зависть здесь и везде распространяют, и хотя, по-видимому, многие правительства нашим победам радуются, но в сердце у них другое чувство гнездится; поэтому

нужно осторожно поступать, чтобы вдруг не подвинуть на Россию великое число злосердых принцев». Ганноверский посланник дал знать Матвееву о своем разговоре с принцем Евгением и министрами по поводу русского союза; все согласно объявили ему, что по заключении мира с Францией цесарь не имеет нужды в русском вспомогательном войске, потому не может в настоящее время и от себя никакой помощи обещать царю и обязываться с ним оборонительным союзом, но на будущее время, т.е. по окончании Северной войны, готов заключить союз. Вице-канцлер Шёнборн объяснил самому Матвееву, что союза немедленно заключить нельзя, ибо если прямо назвать в договоре Шведа и Порту, то в сущности выйдет союз наступательный, а не оборонительный, потому что, назвавши прямо эти державы, цесарь возбудил бы их против себя, тем подвергся бы тяжкой ответственности перед всею империей и не мог бы уже более быть посредником при заключении северного мира. Наконец, был прислан на письме и решительный отказ вступить в союз на тех основаниях, какие желательны царю. Матвеев думал, что все же полезно заключить с цесарем союз и на будущее время после примирения с Швецией, потому что Карл XII теперь, видя упадок своих сил, склонится к миру, а потом, собравшись с новыми силами, при первом удобном случае разорвет, но оборонительный союз России с цесарем будет его сдерживать.

По царскому указу Матвеев не должен был отставать от дела и твердил императорским министрам, что Швед питает неукротимое отвращение к дому австрийскому и высказал уже свою враждебность во время своих успехов; какого же добра император может ожидать себе от него вперед? Притом известно, сколько в империи сильных государей протестантских, склонных к Шведу и враждебных императору; нужно заранее об этом подумать и принять свои меры. Но эти внушения русского дипломата не могли иметь силы, потому что австрийский двор должен был иначе смотреть на дело. Было время, когда действительно Швеция была опасна австрийскому дому, как представительница протестантизма, естественная защитница его в Германии, выдвинутая для этой роли Францией против Габсбургов. Но теперь могущество Швеции было сокрушено, и если бы даже Швеция успела скоро оправиться, то нашла бы себе сдержку в усиливавшейся России; а в Германии начали усиливаться протестантские государи, и это усиление грозило Австрии большею опасностью, так что теперь для нее было важно поддержать Швецию в Германии. Пруссия и Ганновер сильно хлопотали в Вене, чтоб император согласился на изгнание шведов из Германии, но этими хлопотами возбудили только подозрение при здешнем дворе: зачем они хотят выгнать шведов? Чтоб поделить их владения по себе, усилиться; но какая выгода Австрии усиливать князей протестантской Германии? Бранденбургский курфюрст и без того уже силен и опасен, он уже король прусский; курфюрст ганноверский будет и без того уже силен, как король английский. Знаменитый принц Евгений, первый авторитет между государственными людьми Австрии, сильно восстал против предложений Пруссии и Ганновера об изгнании шведов из империи; но так как это предложение согласовалось с выгодами России, которая в Пруссии и Ганновере приобретала новых союзников против Швеции, то австрийские министры сочли нужным сделать со своей стороны Матвееву внушение, что виды Пруссии и Ганновера не имеют ничего общего с пользами царского величества. «Короли прусский, датский и курфюрст ганноверский, – говорили они, – безотступно здесь домогаются, чтобы цесарь позволил выгнать Шведа из его имперских владений; ясно, что они стараются об одном: получа эти владения, поделить их между собою, отчего царскому величеству никакой выгоды не будет; с другой стороны, Август, король польский, очень недоволен таким намерением, и от этого между северными союзниками является великое несоюзие. Цесарь известился, что король французский обнадежил царское величество, что шведский король уступит России Финляндию, Ингрию и некоторые города в Ливонии, с тем чтоб царское величество удержал за ним прежние шведские владения в империи. Вот почему цесарь не дает ответа королям датскому и прусскому и курфюрсту ганноверскому, желая прежде узнать намерение царского величества, чтобы не сделать чего-нибудь ему неугодного».

Царь в своем желании иметь как можно более союзников против Шведа и принудить его как можно скорее к выгодному для России миру не мог входить в виды австрийского двора, и Матвеев получил указ помогать всеми средствами прусскому посланнику. Матвеев ответил австрийским министрам, что если цесарь исполнит желание прусского короля, то этим покажет свою особенную склонность к интересам царского величества. Матвееву отвечали, что так как теперь это дело делается с общего согласия между царским величеством и королем прусским, то цесарь, зная это, станет и впредь так поступать; он думал только, что если король шведский будет лишен своих германских провинций, то, собравшись с силами, по соседству может больше повредить России. Но Матвеев писал к своему двору, что не верит сладким словам австрийских министров и особенно боится того, что принц Евгений сильно охладил к царским интересам и очень благоприятствует Шведу. Отношения к Франции также заставляли венский двор соблюдать осторожность по шведским делам. Когда Матвеев не переставал домогаться, чтоб император дал свое согласие на изгнание шведов из империи, то вице-канцлер Шёнборн объявил ему: «Император уже объявил себя посредником по северным делам и потому никак не может позволить на исключение Швеции из империи, в противном случае он явился бы явным доброжелателем одной стороне и явным противником другой, вследствие чего потерял бы право на посредничество».

В конце 1714 года пришло известие о разрыве между турками и венецианами, что грозило войною и Австрии по союзу ее с Венециею. «Эта новая турецкая война, – писал Матвеев, – не бесполезна будет для войны Северной, когда турки разорвут мир и с цесарем. Тогда здешний гордый двор, оставя свои прежние прихоти и поманки Шведу, сам будет заискивать, чтоб вступить в союз с царским величеством. Принц Евгений, прощаясь с шведским канцлером Миллером, обошелся с ним холодно. Я в разговоре с принцем выразил ему свое удовольствие по этому случаю и обещал донести о его поступке царскому величеству, чем принц был доволен и обошелся со мною очень ласково, как видно проча себе царское величество по причине войны турецкой». Еще в половине года Матвееву дано было знать из Петербурга, что он отзывается из Вены и назначается в Польшу. После этого распоряжения царь получил донос на Матвеева из Вены на французском языке, выходявший, как можно полагать, из саксонского посольства в Вене, ибо Матвеев в своих донесениях не щадил короля Августа и его представителя при императорском дворе; вероятно, прослышав о новом назначении Матвеева, в Дрездене хотели избавиться от такого человека, очернив его перед царем, выставивши его неспособность. Безымянный доносчик говорит, что во время приезда Матвеева в Вену здешний двор был очень склонен ко вступлению в тесный союз с царем, но Матвеев своим поведением уничтожил это доброе расположение. Матвеев начал с того, что стал ссориться с иностранными министрами за ранг и титул превосходительства и вследствие других неосновательных придинок с его стороны, причем не пощадил и министров союзнических. Так, он спором о ранге оскорбил венецианского посла, любимого, уважаемого и имеющего большую силу при венском дворе. Лучших товарищей Матвееву подобрала любовница его, Шперлинг, дочь венского лакея, шведа по происхождению, который обокрал в Вене своего господина и ушел в Швецию; думают, что он ведет переписку с своею дочерью, которая вместе с матерью живет в доме Матвеева. Самый доверенный человек у Матвеева, знающий все интересы царские, – барон Фронвиль, который сам себя назвал бароном, тогда как он сын известного шарлатана, бывшего мошенником в Париже, потом лазутчиком французским при польском дворе. Этого-то барона Фронвиля Матвеев прочил на свое место, в министры при венском дворе, и слово уже ему дал. Фронвиль ввел в дом к Матвееву разных господ, которые называют себя близкими людьми графа Стеллы, любимца императорского, через которого они обещаются помогать успеху дел царских. Но граф Стелла никогда ничего ни для кого не сделал, и чем бы приводить дела к концу, только останавливает их. Матвеев просил императора, чтоб поручил ведение переговоров с ним графу Стелле; это сильно повредило интересам царским,

потому что навлекло Матвееву неприязнь всего министерства. Надобно знать лично Матвеева и видеть, как он управляет своими делами, и тогда только можно понять, что человек, столько лет обращающийся на дипломатическом поприще, может быть так неопытен в делах европейских и в интересах придворных. Будучи при главном немецком дворе, Матвеев позволяет себе говорить бесчестные речи о народе немецком; и жена его в короткое время своего пребывания здесь вела себя достойно своего супруга. Принц Евгений говорит, что не хочет больше иметь с Матвеевым никакого дела, ибо Матвеев дурно отзывается о нем за то только, что он, принц, дал аудиенцию шведскому министру, как будто венский двор не нейтральный. Матвеев думает, что государственный вице-канцлер граф Шёнборн находится совершенно в его руках: это было бы желательно для службы царского величества, если бы господин Матвеев умел воспользоваться такими отношениями; но так как он слишком расслабил о дружбе своей с Шёнборном, то эта дружба может послужить только к тому, чтоб Матвеева сделать имперским графом, что, вероятно, и сделается, если Матвеев дорого заплатит за патент. Издержки Матвеева, экипаж не делают ему большой чести, потому что он всегда ездит на наемных лошадях. Правда, что получаемых им от своего двора денег недостаточно, потому что любовница стоит ему больше 12000 гульденов в год, и потому он обременен долгами.

Новый, 1715 год застал еще Матвеева в Вене, куда вместе с шведскими генералами, проезжавшими из Турции в Швецию вслед за королем своим, явился и Орлик, называвшийся гетманом Войска Запорожского. «По нижайшей и верной должности моего природного рабства, – писал Матвеев, – не мог я удержать себя в немом молчании и видеть пред глазами своими того вора, клятвопреступного изменника и супостата государству Российскому с его сообщниками и потому, нимало не медля, подал здешнему двору мемориал о выдаче его, изменника, в державу царского величества». Матвееву отвечали «гораздо студено», что едва ли его желание будет исполнено цесарем, который не может взять назад своего слова: он обещал безопасный проезд через свои владения шведскому королю со всеми находившимися при нем людьми. «Позволение дано шведам, – возражал Матвеев, – а не вора, изменникам царского величества». На это «гораздо неучливый и неожиданный» был ответ: прежде сам царское величество цесарских бунтовщиков и начальников мятежа князя Рагоци и графа Берчени в Польше держал под своим покровительством, в службе своей их имел и к столу своему допускал, не обращая внимания на цесарскую дружбу, а царский министр, барон Урбих, находясь в Вене, не только явно сносился с венгерскими бунтовщиками, но под своею защитой их держал и явно в своей свите их возил. «Случай неровный, – возражал Матвеев, – когда цесарь требовал их выдачи, то царское величество не мог их выдать не из своего государства, из Польши, мог только сейчас же от себя их удалить, что и сделал; а если Урбих что делал по своей дерзости, не по указу, то дело частное, сюда нейдет. Услыхав о дурном поведении Урбиха, царское величество не только отозвал его отсюда, но и из службы своей уволил». На это ответа не было.

28 февраля Матвеев имел у цесаря отпускную аудиенцию. Император говорил с отъезжающим министром долго и милостиво, просил донести царскому величеству о своей великой и искренней и постоянной дружбе, которую со временем докажет на самом деле; если же этих доказательств он не мог дать теперь по обстоятельствам, то чтоб царское величество не принял этого за отмену дружбы, а он, цесарь, приложит со своей стороны всевозможный труд о заключении северного мира. Императрица просила передать свой низкий поклон царю и всему его высокодержавному дому, уверить в искренней своей дружбе и особенном уважении, говорила, что постоянно старалась охранять интересы царского величества и обещала исполнять это и в отсутствие Матвеева, прославляла отеческие милости Петра к сестре ее, кронпринцессе, о которых та извещала ее в своих письмах. Матвеев заметил на это, что хорошо было бы, если бы и все члены вольфенбительского дома вели себя так же по отношению к русским интересам, ибо сверх чаяния, несмотря на родственный союз, видится противное: правительствующий герцог не следует примеру отца своего, недавно умершего Антона-Ульриха: имея 6000

войска и приказав набрать еще 3000 человек, сблизился с ландграфом гессен-кассельским, союзником шведского короля, и постоянно во всем обнаруживает сильную склонность к интересам шведским. «К сожалению, – сказала на это императрица, – не могу скрыть, что герцог имеет большую склонность к Швеции; но я сомневаюсь в верности ваших известий, потому что император недавно писал к герцогу, уговаривая его переменить образ действий, и в последних письмах, полученных мною от родителей, нет об этом ничего; теперь я сама напишу сильное письмо к герцогу, чтоб он не сблизился с Швецией». В заключение императрица приказала остававшемуся после Матвеева секретарю Ланчинскому доносить ей о всех делах царских и обещала охранять царские интересы наравне со своими. Матвеев отправился в Варшаву, но здесь получил указ возвратиться в Россию, где мы уже видели его деятельность как президента Юстиц-коллегии.

После Матвеева в Вену был назначен резидентом Абрам Веселовский, который начал свои донесения с конца августа 1715 года известиями о предстоящей войне у цесаря с турками. «По предложению принца Евгения, – писал Веселовский, – нас не хотят приглашать ко вступлению в союз против турок; положено начинать войну с одними своими силами. Венецианский посол сильно старался у здешнего двора, чтоб Россия приглашена была к союзу, но ему отказано без объяснения причин. Голландский посол думает, что цесарский двор надеется на свои большие войска и думает завоевать Царьград; поэтому и не хочет допускать русское войско, чтоб по взятии Константинополя царь не имел притязаний на титул восточного императора, ибо титул этот, по мнению здешнего двора, может принадлежать только римским государям». Скоро Веселовский нашел *канал*, как выражались тогдашние дипломаты: «Обергоф-канцлер граф Цинцендорф пользуется большою доверенностию цесаря; жена его, которую он чрезмерно любит, имеет сильную страсть к игре и проигрывает большие деньги. Получив доступ в их дом, я предложил графине, не согласится ли ее муж за известную пенсию оказывать добрые услуги царскому величеству. Через три недели графиня объявила мне, что с большим трудом успела уговорить мужа, и свела меня с ним. Мы уговорились, что о наших сношениях, кроме царского величества, не будет знать никто; пенсия будет состоять из 6000 ефимков, за что Цинцендорф обязался с полною откровенностию передавать о всех предложениях, которые будут делаться венскому двору со стороны союзников или короля шведского, также помогать во всех делах царских». Но в Петербурге не согласились на эти условия.

В 1716 году знаменитое мекленбургское дело возбудило и в Вене такие же подозрения, какие мекленбургские дворяне старались возбуждать при других дворах. Веселовский писал, что император, получив известия о вступлении русских войск в Мекленбургию, созвал в тайный совет принца Евгения, князя Траутсона и графа Цинцендорфа, и все трое уверили Карла VI, что царь, удаляясь от вступления в союз с Австриею против Порты, непременно имеет намерение утвердиться в Германии; герцог мекленбургский дал к тому повод, обещая принять русские войска в Росток. Для предупреждения таких опасностей разосланы были грамоты к курфюрсту ганноверскому и герцогу вольфенбительскому, чтоб они немедленно ввели свои войска в Росток, если герцог мекленбургский не оставит тамошний магистрат при прежних правах. Принц Евгений, Траутсон и Цинцендорф внушали императору, что если представится хотя малый способ к примирению с турками, то помириться и обратить внимание на Германию, потому что когда русские войска возвратятся назад из Германии, а цесарь в это время будет занят войною турецкою, то царь беспрепятственно может исполнить свое намерение. Это опасение, возбужденное царем, заставило даже принца Евгения отложить отъезд свой в Венгрию. Цесарскому министру при русском дворе наказано было предложить царю союз против турок, и Карл VI объявил, что будет ждать известия, как царь примет это предложение, и если не примет, то это будет служить знаком, что он хочет вмешаться в германские дела. Но потом передумали, решили, что нельзя упустить благоприятного времени для начатия войны с турками и дать им возможность овладеть Далмациею, после чего они будут очень опасны для

Австрии. Принц Евгений отправился к войску. Несмотря на блистательные успехи его над турками, в Вене сильно желали поскорее прекратить войну по финансовым затруднениям и с беспокойством смотрели на север, откуда могло явиться препятствие успехам. Из Мекленбурга, из Ганновера, из Дании приходили к императору сильные жалобы на царя, что он разоряет Мекленбургю своими войсками, хватает тамошних дворян по наущению герцога. Представлений Веселовского не слушали, и цесарь, как глава империи, выдал декрет, чтоб директоры того имперского округа, к которому принадлежала Мекленбургия, озаботились вытеснением из нее русских войск. Когда осенью пришла весть, что высадка в Шонию не состоялась и что царь, недовольный союзниками, хочет заключить отдельный мир с Швециею, то это очень встревожило императора, который говорил своим министрам и приближенным: «В этом больше всего виноват ганноверский двор, особенно министр Бернсторф, который по своим частным видам склонил короля настаивать на вытеснении русских войск из Мекленбургии и нам не давал покоя, чтоб выдать против них декрет. Мы долго его не выдавали, наконец по императорской обязанности выдали, а теперь думаем, что ганноверский двор и сам этому не рад. Боюсь, чтобы король шведский, возвратясь в Германию и усилясь войсками протестантских князей, не обеспокоил нас во время войны нашей с турками, полагая нас на стороне северных союзников». Министры отвечали, что Бернсторф подлежит за это сильнейшему наказанию. С другой стороны, венский двор сильно раздражался тем, что, несмотря на все его представления, русские войска не выходили из Мекленбурга. В начале 1717 года, когда Веселовский уверял принца Евгения и других министров в дружбе и уважении, какие царь постоянно питает к цесарю, и просил не верить внушениям ганноверского двора, происходящим вследствие личных дел Бернсторфа и мекленбургской шляхты, то принц отвечал, что все это будет приятно слышать цесарю, только на словах одно, а на деле другое: Мекленбургия разорена вконец русскими войсками. Веселовский объявил, что как скоро позволит время года, то войска выступят из Мекленбургии, что он, принц, как искуснейший генерал в целом свете, может легко понять, что в настоящее время можно уничтожить войско походом. Принц возразил на это: «Если бы за все платили, то, может быть, такого вопля и не было бы; но каждую почту присылают по сту жалоб на ваши войска, представляя такое бедствие, что крестьяне начали мереть от голода, не имея более и соломы, а шляхта отступается от имений своих». В апреле Веселовский объявил принцу Евгению о выступлении русских войск из Мекленбурга, вслед за чем снова началось дело о союзе: принц Евгений объявил, что цесарю очень приятно вступить в союз с царским величеством, но просил, чтоб шведских дел не мешать с другими, ибо в таком случае императору нельзя будет принять посредничество для заключения северного мира; но если царскому величеству угодно будет заключить наступательный союз против Турции, то со стороны императора показано будет всякое облегчение и взаимное обязательство, только цесарь просит не допускать к переговорам прусского короля.

Но переговоры о союзе должны были уступить место другим переговорам.

Глава вторая

Продолжение царствования Петра I Алексеевича

Дело царевича Алексея Петровича. – Объяснение отношений царевича к отцу из условий времени. – Вопрос о наследственности родовых свойств. – Характер царевича Алексея. – Отношения его к старому и новому. – Его воспитание и воспитатели. – Его окружающие. – Духовник Яков Игнатьев. – Царевич привыкает враждовать к отцу и делам его. – Отношения к вельможам. – Царевич-правитель. – Он продолжает учиться. – Поездка за границу. – Учение в Дрездене. – Женидьба царевича. – Разлука его с женою. – Отношения кронпринцессы к царю. – Приезд ее в Петербург. – Окончательное охлаждение отца к сыну. – Будущее царевича. – Столкновение этого будущего с будущим царя. – Семейная жизнь царевича. – Поездка Алексея в Карлсбад для лечения. – Рождение дочери у него. – Рождение сына и кончина кронпринцессы. – Письменное объяснение царя с сыном. – Царевич отказывается от наследства. – Петр требует пострижения. – Царевич соглашается и на это. – Петр медлит решением дела и дает срок сыну одуматься. – Требование Петра из-за границы, чтоб Алексей или постригся, или приезжал к нему. – Царевич, по-видимому, едет к отцу в Данию, но вместо того уезжает в Вену и просит убежища и покровительства у императора Карла VI. – Его укрывают сначала в замке Эренберг в Тироле и потом в Неаполе. – Царь узнает о местопребывании сына и требует его возвращения. – Царевич возвращается. – Розыск в Москве. – Розыск в Петербурге. – Приговор суда. – Кончина царевича и разные слухи об ней.

Время, нами описываемое, есть время тяжелой и кровавой борьбы, которая обыкновенно знаменует великие перевороты в жизни народов. Во время этих переворотов рушатся самые крепкие связи; борьба не ограничивается жизнью общественною, площадью, она проникает в заповедную внутренность домов, вносит вражду в семейства. Божественный основатель религии любви и мира объявил, что пришел не водворить мир на земле, но ввергнуть нож среди людей, внести разделение в семьи, поднять сына на отца и дочь на мать. Те же явления представляет нам и гражданская история: известна каждому по школьным воспоминаниям смерть сыновей Брута, принесенных отцом в жертву новому порядку вещей. Не удивительно, что страшный переворот, который испытывала Россия в первую четверть XVIII века, внес разделение и вражду в семью преобразователя и повел к печальной судьбе, постигшей сына его, царевича Алексея Петровича. Наблюдая за наследственностью, за передачею качеств физических и нравственных от родителей детям, мы замечаем, что сумма этих качеств составляет родовое достояние, и притом достояние двух родов – отцовского и материнского. Известная часть качеств из этой суммы в той или другой степени передается ребенку под влиянием известных благоприятствующих условий, причем некоторые условия производят то, что качества, принесенные матерью из своего рода, берут верх над качествами отца или уступают им место. Ребенок родится в отца или в мать; иногда качества того или другой перемешиваются и умеряют друг друга, иногда ребенок физически весь в отца, а нравственно весь в мать или наоборот; иногда в малолетстве похож на одного из родителей в том или другом отношении, а с развитием становится похож на другого. Иногда ребенок не похож ни на отца, ни на мать; но он похож на деда, на бабу, на какого-нибудь отдаленного родственника с отцовской или с материнской стороны, о котором едва помнят в родстве, ибо мы сказали, что сумма качеств есть общее родовое достояние и только известная часть их под влиянием известных условий обнаружи-

вается в новом члене рода. Говорим: обнаруживается, ибо переходят все качества, но только часть их при известных благоприятных условиях развивается, становится видимою; другие же, сокрытые, как бы остаются в запасе; происходит новый брак, являются новые условия, благоприятные для развития этих сокрытых родовых качеств, и они развиваются, отстраняя, заглушая другие, но не уничтожая их, оставляя только под спудом до поры до времени, до благоприятных для них условий. Так, в известном браке мать отстраняет в ребенке качества отца, ребенок выходит вовсе не похож на отца, или отцовские качества благодаря условиям, принесенным матерью, развиты в нем в такой слабой степени, что сходство усмотреть трудно. Но отцовские качества ни в каком случае не уничтожаются: ребенок вырастает, мужает, вступает в брак, скрытые в нем отцовские качества, найдя в природе жены благоприятные для своего развития условия, открываются, и ребенок, от этого брака происшедший, выходит похож не на отца, а на деда.

Эти явления, это несходство между родителями и детьми, сходство с одним из родителей и несходство с другим имеют важное значение в жизни семейств. Сильные столкновения часто происходят от этого между людьми, связанными таким крепким союзом, как родители и дети. Подобные столкновения в семьях владельческих ведут иногда к кровавым последствиям. Константин Великий казнил родного сына Криспа. Во времена новейшие прусский король Фридрих-Вильгельм I едва не казнил сына, знаменитого впоследствии Фридриха II. В семьях владельческих несходство между отцом и сыном уславливает несходство настоящего с будущим для многих людей, иногда для целого народа; недовольные настоящим живут надеждою лучшего для них будущего и потому обращаются к представителю этого будущего для народа, к наследнику престола, и стараются развить и укрепить в нем несходство с отцом, выставить это несходство в выгодном свете, освятить его общим благом и желанием народа. Другие, которые сочувствуют настоящему или находят его выгодным для себя, стараются удалить враждебное для них будущее, враждуют к наследнику и усиливают вражду к нему в отце. Всего обильнее последствиями подобные отношения бывают во времена сильных переворотов в народной жизни, когда одно начало сменяет в господстве другое. Царствование Петра было именно таким временем для России, и понятно, почему в это время вопрос, сын и наследник преобразователя похож ли на отца, был вопросом первой важности.

Мы видели, как переворот, преобразовательное движение, при котором родился и воспитался Петр, к которому приладилась его огненная, не знающая покоя, остановки натура, повредил его семейным отношениям в первом браке. Жена пришлась не по мужу, и царица Евдокия Федоровна очутилась в монастыре под именем старицы Елены; Петр женился на Екатерине Алексеевне Скавронской; но от первого брака остался сын и наследник царевич Алексей, родившийся 19 февраля 1690 года. Россия волнуется бурями преобразования, все истомлены и жаждут пристать к тому или другому берегу; для всех одинаково важен и страшен вопрос: сын похож ли на отца?

Из дошедших до нас источников мы не можем изучить в подробности характера Евдокии Федоровны и потому не считаем себя вправе решать вопрос, был ли похож на мать царевич Алексей. Но нам известен достаточно характер отца, известен и характер деда, и мы имеем полное право сказать, что царевич, не будучи похож на отца, был очень похож на деда – царя Алексея Михайловича. Царевич был умен: в этом мы можем положиться на свидетеля самого верного и беспристрастного, на самого Петра, который писал сыну: «Бог разума тебя не лишил». Царевич Алексей был охотник приобретать познания, если это не стоило большого труда, был охотник читать и пользоваться прочитанным; сознавал необходимость образования, необходимость для русского человека знать иностранные языки. Вообще, говоря о борьбе старого с новым в описываемое время, о людях, враждебных Петру и его делам, и включая в это число собственного сына его, должно соблюдать большую осторожность, иначе надобно будет поплатиться противоречием. Мы видели, что в России прежде Петра сознана была необ-

ходимость образования и преобразования, прежде Петра началась сильная борьба между старым и новым; явились люди, которые объявили греховною Всякую новизну, всякое сближение с Западом и его наукою. Но не одни эти люди, не одни раскольники боролись с Петром. До Петра были люди, которые обратились за наукою к западным соседям, учились и учили детей своих иностранным языкам, выписывали учителей из-за польской границы. Но мы видели, что это направление, обнаружившееся наверху русского общества при царе Алексее Михайловиче, царе Федоре Алексеевиче и правительнице Софье Алексеевне, это направление явилось недостаточным для Петра; с учеными монахами малороссийскими и белорусскими, с учителями из польских шляхтичей, которые могли выучить по-латыни и по-польски и внушить интерес к спорам о хлебопоклонной ереси, – с помощью этих людей нельзя было сделать Россию одною из главных держав Европы, победить шведа, добиться моря, создать войско и флот, вскрыть естественные богатства России, развить промышленность и торговлю; для этого нужны были другие люди, другие средства, для этого нужна была не одна школьная и кабинетная работа, для этого нужна была страшная, напряженная деятельность, незнание покоя; для этого Петр сам идет в плотники, шкипера и солдаты, для этого призывает всех русских людей забыть на время выгоды, удобства, покой и дружными усилиями вытянуть родную землю на новую необходимую дорогу. Многим этот призыв показался тяжек. К недовольным принадлежали не раскольники, которые оставались верны своему старому, основному взгляду, только сильнее убеждались в пришествии антихриста; к недовольным принадлежали не одни низшие рабочие классы, которые без ясного сознания цели вдруг увидели на себе тяжкие подати и повинности; к недовольным принадлежали люди образованные, которые сами учились и учили детей своих, которые были охотники побеседовать с знающим человеком, с духовным лицом, а побеседовав, попить и понапоить ученого собеседника, которые были охотники и книжку читать ученую или забавную, хотя бы даже на польском или латинском языке, употребить иждивение на собрание библиотеки, были не прочь поехать и за границу, полечиться на водах и посмотреть заморские диковины, закупить разных хороших вещей для украшения своих домов; одним словом, они были никак не прочь от сближения с Западною Европою, от пользования плодами ее цивилизации, но надобно было сохранять при этом приличное сану достоинство и спокойствие; зачем эта суетня и беготня, незнание покоя, покинутие старой столицы, старых удобных домов и поселение на краю света, в самом непригожем месте? Зачем эти наборы честных людей, отеческих детей в неприличные их роду службы и работы? Зачем эта долгодетная война, от которой все пришли в конечное разорение? И царь Алексей Михайлович вел долгую и тяжелую войну, но зато православных черкас защитил от уни и Киев dobyл; а теперь столько крови проливается и казны тратится все из-за этого погибельного болота.

Царевич Алексей Петрович по природе своей был именно представителем этих образованных русских людей, которым деятельность Петра так же не нравилась, как и раскольникам, но которые относительно нравственности побуждений своих уступали жителям Выгорецкого скита и Керженских лесов. Царевич Алексей Петрович был умен и любознателен, как был умен и любознателен дед его – царь Алексей Михайлович или дядя – царь Федор Алексеевич; но, подобно им, он был тяжел на подъем, не способен к напряженной деятельности, к движению без усталости, которыми отличался отец его; он был ленив физически и потому домосед, любивший узнавать любопытные вещи из книги, из разговора только; оттого ему так нравились русские образованные люди второй половины XVII века, оттого и он им так нравился. Россия в своем повороте, в своем движении к Западу шла очень быстро; в короткое время она изжила уже другое направление; царевич Алексей, похожий на деда и дядю, был образованным, передовым русским человеком XVII века, был представителем старого направления; Петр был передовой русский человек XVIII века, представитель иного направления: отец опередил сына! Сын по природе своей жаждал покоя и ненавидел все то, что требовало движения, выхода из привычного положения и окружения; отец, которому по природе его были более всего про-

тивны домоседство и лежебокость, во имя настоящего и будущего России требовал от сына внимания к тем средствам, которые могли обеспечить России приобретенное ею могущество, а для этого нужна была практическая деятельность, движение постоянное, необходимое по значению русского царя, по форме русского правления. Вследствие этих требований, с одной стороны, и естественного неодолимого отвращения к выполнению их – с другой, и возникали изначала печальные отношения между отцом и сыном, отношения между мучителем и жертвою, ибо нет более сильного мучительства, как требование переменить свою природу, а этого именно и требовал Петр от сына.

От рождения до девяти лет царевич Алексей находился при матери. Повторяем, что по недостаточному знакомству с характером и взглядами Евдокии Федоровны мы не считаем себя вправе утверждать, что мать, «косневшая, – как говорят, – в предрассудках старины и ненавидевшая все, что нравилось Петру», могла внушить малютке предрассудки старины, приготовить в нем какого-то раскольника, каким Алексей никогда не был. Можем предполагать, что мать не умела и не хотела скрыть перед сыном своего раздражения против отца, который являлся в семье редким и невеселым гостем; если ребенок любил мать, то не мог получить сильной привязанности к отцу, который являлся тираном матери; с большею основательностью можем предположить, что жители Немецкой слободы, к которым принадлежала девица Монцова, не пользовались хорошою репутациею в комнатах царицы Евдокии, и маленький царевич не мог слышать об них хорошего слова; можем поэтому предположить, что в 1698 году стрельцы говорили правду, утверждая, что царевич немцев не любит.

Шести лет Алексея начали учить грамоте, для чего призван был Никифор Вяземский, могший заслужить славу отличного грамотея умением писать широковещательно, т.е. потогдашнему очень красноречиво. Вяземский оправдал свой выбор в письме к Петру о том, как начал преподавать азбуку царевичу: «Приступил к светлой твоей деннице, от тебя умна солнца изливающе свет благодати, благословенному и царских чресл твоих плоду, светло-порфируному великому государю царевичу, сотворих о безначальном альфы начало, что да будет, всегда во всем забрало благо».

Учитель остался при царевиче, когда мать была удалена в суздальский Покровский монастырь. Петр, который всю жизнь тужил о том, что не получил в молодости прочного образования, хлопотал о средствах дать его сыну; эти средства легко можно было найти за границу, и Петр хотел отправить сына в Дрезден, но Северная война, как видно, помешала исполнить это намерение. Между тем к царевичу приставили иностранного наставника Нейгебауера, который и должен был ехать с ним за границу. Мы видели, как честолюбивый и вспыльчивый немец враждебно столкнулся с окружавшими царевича *кавалерами* – Вяземским, Алексеем Ив. Нарышкиным – и был вследствие этого удален в 1702 году. Преемником ему был также уже известный нам барон Генрих Гюйссен (Гизен). По плану воспитания, составленному новым наставником, царевич прежде всего должен был приобрести необходимое средство образования, изучить французский язык, как самый легкий и наиболее употребительный, и, когда станет понимать французские книги, начать преподавание наук, истории и географии, как истинных оснований политики, потом математики и т.д. Но одним учением Петр не ограничивался и в 1703 году вызвал сына в поход, в котором тот участвовал в звании солдата бомбардирской роты. По возвращении из похода, в Москве, царь сказал Гюйссену: «Самое лучшее, что я мог сделать для себя и для своего государства, – это воспитать своего наследника. Сам я не могу наблюдать за ним; поручаю его вам». В следующем 1704 году царевич был в Нарве по взятии этого города. Здесь Петр высказал сыну свои отношения к нему, дал страшную программу, от которой не отступил: «Мы благодарим бога за победу. Победы от него; но мы с своей стороны должны употреблять все силы для их получения. Я взял тебя в поход показать тебе, что я не боюсь ни труда, ни опасностей. Я сегодня или завтра могу умереть; но знай, что мало радости получишь, если не будешь следовать моему примеру. Ты должен любить все, что служит к благу

и чести отечества, должен любить верных советников и слуг, будут ли они чужие или свои, и не шадить трудов для общего блага. Если советы мои разнесет ветер и ты не захочешь делать того, что я желаю, то я не признаю тебя своим сыном: я буду молить бога, чтоб он наказал тебя в этой и в будущей жизни». Царевич, целуя руки отца, клялся, что будет подражать ему. Неизвестно, по какому побуждению сказал Петр эти грозные слова, дали ли ему знать, или сам он заметил в четырнадцатилетнем сыне отвращение от физического труда, от подвигов. По крайней мере Гюйссен делал в это время самые лестные отзывы о занятиях царевича: Алексей прочел шесть раз библию, пять раз по-славянски и один раз по-немецки, прочел всех греческих отцов церкви и все духовные и светские книги, которые когда-либо были переведены на славянский язык; по-немецки и по-французски говорил и писал хорошо. Гюйссен давал знать, что царевич разумен далеко выше возраста своего, тих, кроток, благочестив.

Гюйссен, как видно, был научен примером своего предшественника, не выставлялся вперед с претензиями, не искал места обер-гофмейстера, с которым была соединена большая ответственность (обер-гофмейстером был Меншиков), не сталкивался с русскими «кавалерами» и другими близкими к царевичу людьми, ограничивался одним преподаванием слегка. В начале 1705 года он расстался с царевичем; мы видели, что он был отправлен за границу с дипломатическими и другими поручениями; а между тем молодой Алексей все более и более затягивался на тот путь, за который отец грозил не признавать его сыном своим.

Царь в постоянном отсутствии. В Москве управляют бояре, которым царь из разных отдаленных углов шлет понуждения к усиленной и самостоятельной деятельности, к какой они не привыкли. Военная и преобразовательная деятельность в разгаре; каждый день ждут чего-нибудь нового, трудного, необычайного, наборы людей и денежные поборы беспрестанные. Всем этим тягостям не предвидится конца в настоящее царствование; одна надежда на отдых в царствование будущее, и вот все люди, жаждущие отдыха, обращаются к наследнику. Надежда есть: царевич не склонен к делам отцовским, не охотник разъезжать без усталости из одного конца России в другой, не любит моря, не любит войны, при нем будет мирно и спокойно. Царевич действительно таков от природы; но отец требует, чтоб он переломил свою природу; природа сына возмущается от такого противного ей требования отца; тяжело всем, от боярина до последнего бобыля, но тяжелее всех царевичу. Надобно делать насилие своей природе, отец требует, долг велит повиноваться отцу. «Повиноваться надобно, когда отец требует хорошего, – говорят вокруг, – а в дурном как повиноваться?» От этих слов становится легче; царевич чувствует себя правым в своем отвращении к той деятельности, какой требует от него отец, царевич стоит за общее дело, с ним народ угнетенный, жаждущий избавления от бедствий, полагающий всю надежду на царевича: легко и приятно следовать влечениям своей природы и в то же время знать, что этим самым приобретает народная любовь; что при других условиях явилось бы как нравственная слабость, рабство природным влечениям, теперь является как заслуга, нравственная твердость и подвиг. Но правду ли говорят окружающие? Точно ли дела отцовские не правы и не следует подражать им? В этом не может быть сомнения: люди с авторитетом непререкаемым, пастыри церкви, вязатели и решители утверждают это, а царевич религиозен, для него интерес церковный на первом плане; духовенство больше других недовольно делами настоящего царствования, сильнее других требует, чтоб эти дела были отставлены, и с этими требованиями как требованиями божьими обращается к наследнику. Царевич не любит разъездов, походов и моря, не любит новых мест, любит жить на одном старом месте, в Москве; здесь старая обстановка жизни была бедна, новая обстановка слишком еще незначительна; тем резче выдавалась величественная обстановка церкви, поражала внимание, овладевала им, и царевич Алексей – такой же охотник до этой обстановки, как и предки его, находившиеся в подобных же условиях. Когда впоследствии, после женитьбы, у царевича спрашивали, склонна ли его жена к принятию православия, то он отвечал: «Я ее теперь не принуждаю к нашей православной вере; но, когда приедем с нею в Москву и она увидит нашу святую соборную и апо-

стольскую церковь и церковное святыми иконами украшение, архиерейское, архимандричье и иерейское ризное облачение и украшение и всякое церковное благолепие и благочиние, тогда, думаю, и сама без принуждения потребует нашей православной веры и св. крещения, а теперь еще она ничего нашего церковного благолепия не видала и не слыхала, а что у нас ныне священник отпускает вечерни, утрени и часы в одной епитрахили, и того смотреть нечего. А у них, по их вере, никакого священнического украшения нет, и литургию их пастор служит в одной епанче; а когда увидит наше церковное благолепие и священо-архиерейское и иерейское одеяние, божественное человеческое, безорганное пение, думаю, сама радостью возрадуется и усердно возжелает соединиться с нашей православной Христовою церковью». Но недовольные жаловались, что и это благолепие и благочиние терпит ущерб; царь, всероссийский церковный староста, редко бывает в Москве, живет на границах или за границею, в Москве нет и патриарха всея Руси, церковные имения отобраны в Монастырский приказ, доходы и сбережения идут на государственные нужды, нет уже прежних средств к поддержанию церковного строения и благолепия. Печальное время! Когда же оно прекратится?

Патриарха нет в Москве; вместо него блюститель Стефан Яворский из «иноземцев», как тогда называли малороссиян. И Стефан Яворский становится год от году все скучнее и недовольнее; ясно, что ему не нравятся новые порядки, что тяжел ему Монастырский приказ и боярин граф Мусин-Пушкин, ясно, что он думает одинаково с архиереями и иереями из русских и с надеждою смотрит на царевича; но Стефан-митрополит, человек необщительный, неоткровенный, прямо ничего не скажет, нынче так, а завтра иначе, смотрит на две стороны. С ним не может быть прямых и тесных общений у царевича. Непосредственнее и сильнее влияние духовника Якова Игнатьева, протопопа Верхоспасского собора, которого отношения к царевичу Алексею напоминают первоначальные отношения Никона к царю Алексею Михайловичу; как Никон для царя Алексея был *собинный* приятель, так и внук царя писал протопопу Якову: «В сем житии иного такого друга не имею. подобно вашей святыни, в чем свидетель бог. Самим истинным богом засвидетельствуюся: не имею во всем Российском государстве такого друга и скорби о разлучении, кроме вас. Аще бы вам переселение от здешних к будущему случилось, то уж мне весьма в Российское государство нежелательно возвращение; только всегда прошу господя бога и его богоматерь, дабы я сподобился Вас, прежде моего разлучения души грешной от тела, хотя на некоторое время видеть». С каким сознанием своего значения протопоп Яков приступил к исполнению своих обязанностей при царевиче, видно из следующих строк одного письма его к Алексею, который в минуту вспыльчивости написал ему жесткие слова: «Ты забыл страх божий и обещание свое пред богом и пред святыми его ангелами и архангелами, когда перед первую свою исповедью у меня, в спальне твоей, в Преображенском, я спросил тебя перед св. евангелием: будешь ли заповеди божию исполнять, предания апостольские и св. отец хранить, меня, отца своего духовного, почитать, за ангела божия и апостола иметь и за судию дел твоих и хочешь ли меня слушать во всем, веруешь ли, что я хотя и грешен, но такую же имею власть священства, от бога мне, недостойному, дарованную, и ею могу вязать и решить, какую власть даровал Христос апостолу Петру и прочим апостолам, и хочешь ли смирения моего священству и власти во всем повиноваться и покоряться? На эти вопросы ты отвечал перед евангелием: заповеди божию, предания апостольские и святых его все с радостью хочу творить и хранить и тебя, отца моего духовного, буду почитать за ангела божия, за апостола Христова и за судию дел своих иметь, священства твоего, власти слушать и покоряться во всем должен».

И этот энергичский человек был представителем тех недовольных лиц в русском духовенстве, которые не допускали никаких сделок с поведением Петра и, видя во всем личный произвол одного человека, видели единственную возможность исправления зла в отстранении этого человека. Яков Игнатьев был настолько образован, что не мог видеть в Петре антихриста, но, считая его простым человеком, желал, чтоб существование его прекратилось обык-

новенным человеческим путем, и решился даже одобрить это желание в родном сыне Петра. Однажды Алексей покаялся ему, что желает отцу своему смерти, и духовник отвечал: «Бог тебя простит; мы и все желаем ему смерти для того, что в народе тягости много». Тот же духовник старался поддерживать в Алексее память о матери как невинной жертве отцовского беззакония; говорил ему, как любят его в народе и пьют про его здоровье, называя надеждою российской.

Духовник по своей энергии и влиянию на царевича должен был занимать первое место между людьми, окружавшими Алексея, тем более что никто из этих «кавалеров» – Нарышкиных, Вяземского, Колычева и других – не представлял ему соперника по своим личным качествам. Все пели одну песню, которую запевал Яков Игнатьев, и молодой царевич воспитывался в бесплодной, раздражающей и вместе иссушающей нравственные силы тайной оппозиции отцовскому правительству. Царевич жил весело в «своей компании», привыкал пировать «по-русски», как он выражался, что не могло не вредить его здоровью, не очень крепкому и от природы. Ученье и при Гюйссене, как видно, было не очень серьезное, несмотря на блистательный аттестат наставника. Царевич был охотник читать и читал все, что было переведено на славянский язык, т.е. преимущественно церковные книги, что, разумеется, опять укрепляло его в одном направлении и делало для него необходимым разговор с духовными лицами. Мы можем поверить Гюйссену, что царевич прочел библию на немецком языке, что было ему легко с учителем и когда славянская библия была уже прочтена несколько раз; мы можем поверить, что царевич привык с большею или меньшею правильностию объясняться по-французски и по-немецки; но грамматически эти языки не изучались, и другие предметы *проходились*, царевич страдательно выслушивал урок учителя, не привыкая к самостоятельности, к преодолению трудностей. Без Гюйссена дело пошло еще хуже: царевич получил более возможности заниматься, чем хотел, что было приятнее. Жилось спокойно, весело, и вдруг весть, что *высшие*, т.е. отец с своими приближенными, едут в Москву или царь вызывает сына к себе! Компании становится страшно; всех страшнее, всех тягостнее царевичу. Незаметно, бессознательно и безотчетно он поставил себя в такие отношения к отцу, позволил себе наслушаться и наговорить об нем столько дурного, что всякое нежное, родственное чувство и вместе чувство уважения исчезло, их заменили неприязнь и страх; Алексею было тяжело, невозможно посмотреть отцу прямо в глаза; если отец не знал, то он сам знал очень много за собою. Зачем приедет отец в Москву? Что прежде всего сделает при свидании с сыном? Потребуется отчета в том, чему научился: сделает экзамен. Сын знает, что на экзамен не готов, следовательно, надобно будет выслушивать упреки, придется вытерпеть и побои. А если как-нибудь отец узнает что-нибудь еще?.. Мучительное, адское состояние! Отсюда, разумеется, первое пламенное желание – освободиться из этого положения, хотя бы уйти куда-нибудь! А было бы хорошо, если бы навсегда можно было освободиться... Страшная, грешная мысль, надобно покаяться на духу. «Бог простит, мы все того же желаем», – отвечает духовник.

Высшие уехали; стало легко, и легко стало не одному царевичу, не одной его компании; легко стало многим в Москве, всем тем, для которых приезд царя был также соединен с экзаменом. Многие и по этому одному должны были сочувствовать царевичу. Но, кроме того, были и другие причины сочувствия. Сочувствовали царевичу старинные родовитые вельможи. Царь Петр не вынес из своей юности никакой неприязни к боярам, к старым родам; к борьбе между его матерью и сестрою не примешивалась нисколько борьба сословная. Когда началась преобразовательная деятельность, преобразователь не обошел никого из сколько-нибудь способных родовитых людей; но работы было слишком много, работников оказалось мало, и Петр кликнул клич по способным людям, в каких бы углах они ни скрывались; с необыкновенным искусством, столь важным в его деле, выдвигались наверх лучшие силы народа. Подле старых, родовитых людей наверху явилась толпа новых деятелей, выхваченных снизу. Такое товарищество не понравилось родовитым людям, особенно когда выше всех, главным любимцем царя стал

человек новый, Меншиков, пред которым все люди родовитые должны были преклоняться. Это было тяжелее всего для них, и нареканиям, жалобам на Меншикова, насмешкам над ним не было конца, и более всего не прощали они Петру светлейшего князя. Царевич слышал чаще всего эти громкие жалобы, нарекания и насмешки и вследствие этого привыкал видеть в светлейшем князе главное зло отцовского царствования, зло, от которого он, царевич, прежде всего должен был освободить Россию. Тем легче предавался Алексей вражде к Меншикову, что здесь он не должен был испытывать никакой борьбы, никаких нравственных препятствий: Меншиков был человек чужой, не по мере своей занявший первенствующее положение, обманывавший царя, следовательно, враг ему, как представляли люди, окружавшие царевича. Представлялось и другое на вид: кто ближе к отцу-царю, как сын и наследник? Но выходит, что ближе сына и наследника любимец, светлейший князь; тут уже дело прямо касалось Алексея, тут было соперничество. Соперничество, вражда усиливались еще тем, что этим чувствам можно было предаваться втихомолку; в Преображенском, среди своей компании, можно было делать всевозможные выходки против светлейшего князя; но, когда являлся отец и с ним Меншиков, последнему оказывалось всевозможное уважение. Когда человек энергический стесняется в своих прирожденных стремлениях, то он дает простор своим чувствам и выходит на явную борьбу, в которой гибнет или торжествует; но когда стесняется в своих наклонностях и привычках человек без сильного характера, каким был Алексей, то он скрывает свои чувства, прибегая к орудиям слабого – хитростям и обманам – и против неприязненных для его природы требований выставляет страдательное упрство, всего более раздражающее.

Наконец, люди, которые не имели ничего против царя и его любимца, считали необходимым применяться ко взгляду царевича и окружавших его для обеспечения себя в будущем: царь не щадит себя, подвергается беспрестанным опасностям, несчастье может легко случиться. Этим желанием многих обеспечить себя в будущем объясняется важное значение дяди Алексеева по матери Абрама Федоровича Лопухина. Петру доносили на Лопухина: «Бояре твоего указа так не слушают, как Абрама Лопухина, в него веруют и боятся его; он всем завладел, кого велел обвинить, того обвинят, кого велит оправдать, того оправдают, кого велит от службы отставить, того отставят, и, кого захочет послать, того пошлют». Лопухин имел влияние и на страшного Ромодановского, что видно из следующего письма царевича к духовнику: «Слышал я от зятя вашего, что господин Ромодановский, будучи в Петербурге, доносил государю батюшке о нем, а как и для чего, он неизвестен, и просил меня, чтоб мне о сем осведомиться, и я прошу вас, изволь о сем осведомиться чрез господина Лопухина, а иначе, кроме его, невозможно, для того что он с ним умеет обходиться».

Опасения насчет будущего, могшего быть очень близким, должно было сдерживать и людей, которым не нравилось направление, господствовавшее в компании царевича; царь и Меншиков не знали об этом направлении; Петр не предполагал ни в ком из окружавших сына его враждебного для себя влияния; он боялся одного: связей с Суздалем, влияния матери, и в эту сторону обращены были все подозрения, все предосторожности. В 1708 году царевна Наталья Алексеевна дала знать брату, что царевич тайно виделся с матерью. Отец вызвал его в Жолкву и оттуда отправил в Смоленск для приготовления провианта и сбора рекрут; у царевича и при отце были приятели, как видно из письма его к духовнику: «Получил я письмо от батюшки из Тикотина, изволил писать, чтоб мне ехать к нему в Минск, и оттуда пишут ко мне друзья мои, чтоб ехать без всякого опасения». Гнев действительно прошел, и царевич осенью приехал в Москву с новым значением, значением правителя. Между прочим, молодой правитель должен был наблюдать за укреплениями Москвы на случай прихода шведов; но как он относился к этому отцовскому распоряжению, как считал его бесполезным, видно из письма его к духовнику, писанному еще до приезда в Москву: «Король шведский намерен идти к Москве, и от батюшки послан к вам Иван Мусин, чтоб город крепить для неприятеля, и будет, войска наши при батюшке сушия, его не удержат, вам нечем его удержать; сие изволь

про себя держать и иным не объявлять до времени и изволь смотреть места, куда б выехать, когда сие будет». Царевич – правитель; но известно, как царь был требователен к людям, занимавшим правительственные должности, особенно в такой страшный год, как 1708, в конце года грозное письмо от отца к сыну: «Оставив дело, ходишь за бездельем». Царевич в испуге обратился к заступничеству двух женщин, близких к Петру: «Катерина Алексеевна и Анисья Кирилловна, здравствуйте! Прошу вас, пожалуйста, осведомясь, отпишите, за что на меня есть государя батюшки гнев: понеже изволит писать, что я, оставя дело, хожу за бездельем, отчего ныне я в великом сумнении и печали». Екатерина Алексеевна любила или считала для себя нужным заступаться у «хозяина» за всех, кто к ней обращался. Вслед за приведенным письмом два новых письма к ней от царевича: «За вашу ко мне явленную любовь всеусердно благодарствую и впредь прошу, пожалуй, не остави меня в каких прилучившихся случаях, в чем надеюсь на вашу милость». Другое: «Зело благодарствую за милость вашу к себе, что получил чрез ваше ходатайство милостивое писание государя батюшки».

Царевич – правитель; но царь видит, что он еще недостаточно приготовлен, и знает по собственному опыту, что учиться никогда не поздно. Никифор Вяземский доносил царю 14 января 1708 года: «Сын твой начал учиться немецкого языка чтением истории, писать и атласа росказанием, в котором владении знаменитые есть города и реки, и больше твердил в склонениях, которого рода и падежа. И учитель говорит: недели две будет твердить одного немецкого языка, чтоб склонениям в твердость было, и потом будет учить французского языка и арифметики. В канцелярию в положенные три дни в неделю ездит и по пунктам городское и прочие дела управляет; а учение бывает по все дни». Таким образом, на царевича наложена была двойная обязанность, не в уровень его нравственным и физическим силам: осьмнадцатилетний молодой человек вместе с правительственной деятельностью должен был твердить склонения, усиленно заниматься математикой, фортификацией, к чему, как видно, он не имел склонности по природе. Когда отец спрашивал у него, какую книгу прислать ему для перевода, то он отвечал: «Учиться фортификации по указу твоему зачал, также и лечиться. А что изволил писать о книжке, какую мне для переводу прислать, и я прошу о истории какой, а иной не чаю себе перевести».

Это было писано в мае 1709 года. Царевич учился фортификации и вместе лечился. Лечение было необходимо, потому что в январе 1709 года царевич, отводя новонабранные полки к отцу в Сумы, простудился и выдержал злую лихорадку. Вероятно, слабость царевича после болезни и лечения была причиною, что Алексей оставался в Москве во время Полтавской битвы. Но в конце лета царевич должен был выехать из Москвы, и надолго: отец отправлял его за границу с двойною целию: окончить хорошенько учение и жениться на какой-нибудь иностранной принцессе. Наказ от отца сыну заключался в следующем письме: «Зоон! объявляем вам, что по прибытии к вам господина князя Меншикова ехать в Дрезден, который вас туда отправит и кому с вами ехать прикажет. Между тем приказываем вам, чтобы вы, будучи там, честно жили и прилежали больше учению, а именно языкам, которые уже учишь – немецкий и французский, так геометрии и фортификации, также отчасти и политических дел. А когда геометрию и фортификацию окончишь, отпиши к нам. За сим управи бог путь ваш». Князь Меншиков приказал ехать с царевичем князю Юрию Юрьевичу Трубецкому и графу Александру Гавриловичу Головкину, одному из сыновей канцлера, в которых видел, по его собственному выражению, «честных и обученных господ, способных хранить и исполнять все то, что относится к славе государственной и к особенному интересу его величества».

Поездкою царевича за границу была разорвана его компания: главный член ее духовник Яков Игнатьев остался в Москве, но царевич вел с ним постоянную переписку. Не надеясь скоро возвратиться в Россию, царевич поручил духовнику распорядиться продажей и раздачей оставшихся после него вещей, приказывая делать это как можно тайнее, чтоб *вышние*, будучи в Москве, не проведали. Так как внимание *вышних* было обращено к Суздалью, то царевич

вич уговаривал духовника быть особенно осторожным в этом отношении. «В Володимир, мне мнится, – писал Алексей, – не надлежит вам ехать, понеже смотрельщиков за вами много, чтоб из сей твоей поездки и мне не случилось какое зло, понеже ныне многие ведают, в каком ты у меня состоянии и что все мое тебе вверено, а помнят, что нечто и туды повез. Для бога не езд, понеже уже с 30 лет там не был; и великое терпел, малого ли не стерпишь... Еще прошу для бога: берегись общения с Авраамом Федоровичем, и в дом его не езд, и к себе не пускай, понеже сам ты известен о сем, что сие нам и вам не польза, а наипаче вред, того ради надобно сего храниться весьма; только о сем не сомневайся; я так для опасения писал, понеже и прежде сего я вам о сем говаривал на Москве многожды, чего ради и в намеренный путь вам возбранил ехать, опасаясь впредь какого случая, а ныне о сем благодатию божиею ничего нет; только, пожалуй, хранись, понеже любовь между нами мнозии видят, того ради подобает храниться». Зная, что отец после преславной виктории, укрепившей Петербург за Россию, хочет непременно перенести столицу из Москвы в «парадиз», царевич писал духовнику, чтоб он не строил (не поправлял) дворца его в Москве. Яков Игнатьев не мог ехать за границу, и это ставило царевича в большое затруднение: просить о присылке другого духовника с докладом отцу – могут прислать человека очень неудобного. Царевич для избежания этого неудобства решался на всякие другие: так, в Лейпциге он исповедался у греческого священника через толмача, который разговаривал со священником по-латыни. Наконец, Алексей написал такое письмо в Москву Якову Игнатьеву: «Священника мы при себе не имеем и взять негде, а без доклада писать явно в Москву не без опасения; прошу вашей святости, приищи священника (кому мочно тайну сию поверить) не старого и чтоб незнаемый был всеми. И изволь ему сие объявить, чтоб он поехал ко мне тайно, сложа священнические признаки, то есть обрил бороду и усы, такожде и гуменца заростить, или всю голову обрить и надеть волосы накладные, и, немецкое платье надев, отправь его ко мне курьером (такого сыщи, чтоб мог верховую нужду понести); и вели ему сказываться моим денщиком, а священником бы отнюдь не назывался, а хорошо б безженной, а у меня он будет за служителя, и, кроме меня и Никифора (Вяземского), сия тайны ведать никто не будет. А на Москве, как возможно, сие тайно держи; и не брал бы ничего с собою надлежащего иерею, ни требника, только б несколько частиц причастных, а книги я все имею. Пожалуй, пожалуй, яви милосердие к души моей, не даждь умереть без покаяния! Мне он не для чего иного, только для смертного случая, такожде и здоровому для исповеди тайной. А бритье бороды не сомневался бы он: лучше малое преступить, нежели души наши погубить без покаяния; а будет не благоволити сего сочинити, души наши бог възыщет на вас, аще без покаяния от жития сего отлучатся».

Царевич выполнял наказ отцовский, учился в Дрездене – как, мы не знаем; по крайней мере Трубецкой и Головкин писали Меншикову из Дрездена 30 декабря 1710 года: «Государь царевич обретается в добром здравии и в наказанных науках прилежно обращается, сверх тех геометрических частей (о которых 7 сего декабря мы доносили) выучил еще профондиметрию и стереометрию и так с божиею помощью геометрию всю окончил».

В то время, когда оканчивалась геометрия, приходило к концу дело о женитьбе царевича на принцессе Софии-Шарлотте бланкенбургской, внучке герцога брауншвейг-вольфенбительского, сестра которой, Елизавета, была замужем за австрийским эрцгерцогом Карлом, добывавшимся испанского престола и потом бывшим на императорском престоле под именем Карла VI. Известный нам Урбих был главным виновником дела. Мы видели, что в Вене сердились на него за это; извещая свой двор, что вдовствующая императрица сердится, зачем царевич Алексей женился не на эрцгерцогине, Урбих писал: «И мне от ее придворных дам выговаривано, потому что они в то же время очень надеялись ввести в Россию отправление католической веры». По совершении брака Урбих писал Головкину: «Поздравляю ваше превосходительство с этим событием, потому что вы в нем имеете участие, и я сам немало утешен, потому что первое основание делу положил я, немало трудов положил и докуч претерпел от вольфенбитель-

ской стороны. Я эту принцессу всегда считал благовоспитанною и разумною и нашел, что из чужестранных принцесс она более всех пригодна для этого брака». Что Урбих был прав и относительно своего участия в деле, и относительно докук от вольфенбительской стороны, доказывает письмо к нему старого герцога Антона Ульриха, деда невесты, от 29 августа 1710 года: «Царевич очень встревожен свиданием, которое вы имели в Эйзенахе с Шлейницем (русский посланник при брауншвейгском дворе), думая, что вы, конечно, определили условия супружества по указу царского величества. Причина тревоги та, что народ (русский) никак не хочет этого супружества, видя, что не будет более входить в кровный союз с своим государем. Люди, имеющие влияние у принца, употребляют религиозные внушения, чтоб заставить его порвать дело или по крайней мере не допускать до заключения брака, протягивая время; они поддерживают в принце сильное отвращение ко всем нововведениям и внушают ему ненависть к иностранцам, которые, по их мнению, хотят овладеть его высочеством посредством этого брака. Принц начинает ласково обходиться с госпожою Фюрстенберг и с принцессою вейссенфельдскою не с тем, чтобы вступить с ними в обязательство, но только делая вид для царя, отца своего, и употребляя последний способ к отсрочке; он просит у отца позволения посмотреть еще других принцесс в надежде, что между тем представится случай уехать в Москву и тогда он уговорит царя, чтоб позволил ему взять жену из своего народа. Сильно ненавидят вас; думают, что выбор московской государыни – дело такой важности, что его нельзя поручить иностранцу. Царевич очень расположен к графу Головкину, сыну канцлера, который один может все дело опять привести в доброе состояние. Из всех находящихся при принце он самый благоразумный и честный; но мой корреспондент очень не доверяет князю Трубецкому. Госпожа Матвеева в проезде своем через Дрезден объявляла в разных разговорах, что царевич никогда не возьмет за себя иностранку, хотя Матвеева удовольствована была двором вольфенбительским». 2 сентября новое письмо с теми же докуками. «О намерении царском не сомневаюсь, – писал герцог, – но может ли он принца принудить к такому супружеству и что будет с принцессою, если принц женится на ней против воли? Как бы об этом царю донести и его от таких людей остеречь?».

Царевич действительно мог употреблять разные средства, чтоб протянуть время, поджидая благоприятного случая возвратиться в Россию неженатым. Но случай не представлялся; воля отца, чтобы сын женился на иностранной принцессе, была непоколебима: Петр представлял сыну только выбор; Шарлотта бланкенбургская нравилась Алексею больше других, и 9 ноября ее мать герцогиня Христина-Луиза писала Урбиху радостное письмо: «Страхи, которыми мы предавались, и быть может не без основания, вдруг рассеялись в такое время, когда всего менее можно было этого ожидать, рассеялись, как туча, скрывающая солнечные лучи, и наступает хорошая погода, когда ждали ненастья. Царевич объяснился с польскою королевой и потом с моею дочерью самым учтивым и приятным образом. Моя дочь Шарлотта уверяет меня, что принц очень переменялся к своей выгоде, что он очень умен, что у него самые приятные манеры, что он честен, что она считает себя счастливою и очень польщена честью, какую принц и царь оказали ей своим выбором. Мне не остается желать ничего более, как заключения такого хорошего начала и чтоб дело не затянулось. Я уверена, что все сказанное мною доставит вам удовольствие, потому что вы сильно желали этого союза; а я и супруг мой, мы гордимся дочерью, удостоившеюся столь великой чести».

В начале 1711 года Алексей объявил отцу, что готов жениться на принцессе бланкенбургской. Вот что он писал об этом к духовнику: «Известную вашей святости, помянутый курьер приезжал с тем: есть здесь князь вольфенбительской, живет близ Саксонии, и у него есть дочь, девица, а сродник он польскому королю, который и Саксонию владеет, Август, и та девица живет здесь, в Саксонии, при королеве, аки у сродницы, и на той княжне давно уже меня сватали, однакож мне от батюшки не весьма было открыто, и я ее видел, и сие батюшке известно стало, и он писал ко мне ныне, как она мне показалась и есть ли моя воля с нею в супружество;

а я уже известен, что он не хочет меня женить на русской, но на здешней, на какой я хочу. И я писал, что когда его воля есть, что мне быть на иноземке женатому, и я его воли согласую, чтоб меня женить на вышеписанной княжне, которую я уже видел, и мне показалось, что она человек добр и лучше ее здесь мне не сыскать. Прошу вас, пожалуй, помолись, буде есть воля божия, чтоб сие совершил, а буде нет, чтоб разрушил, понеже мое упование в нем, все, как он хочет, так и творит, и отпиши, как твое сердце чует о сем деле». Сердце духовника чуюло то, что княжна иностранная, иноверная, и он писал к Алексею, нельзя ли ее обратить в православие; царевич отвечал: «Против писания твоего о моем собственном деле понудить ту особу к восприятию нашей веры весьма невозможно, но разве после, когда она в наши края приедет и сама рассмотрит, может то и сочинити, а преж того весьма сему состояться невозможно».

Отправляясь в турецкий поход, Петр «для безвестного пути» устроил два семейных дела: дал *пароль* Екатерине Алексеевне и покончил дело о браке сына. В галицком местечке Яворове 19 апреля 1711 года Петр утвердил проект договора, по которому принцессе предоставлялось остаться при своем евангелическо-лютеранском исповедании; дети должны быть греческого закона; принцесса получала ежегодно от царя по 50000 рублей, кроме того, должна была получить одновременно при совершении брака 25000 рублей. С этими статьями царевич сам отправился в Брауншвейг, где еще должен был иметь насчет их переговоры с родственниками невесты, не согласятся ли уменьшить количество ежегодной дачи принцессе. Об этих переговорах он писал отцу: «По указу, государь, твоему о деньгах повсегодней дачи невесте моей зело я домогался, чтоб было сорок тысяч, и они сего не соизволили и просили больше; только я как мог старался и не мог их на то привести, чтоб взяли меньше 50000, и я по указу твоему в том же письме, буде они не похотят сорока тысяч, позволил до пятидесяти, на сие их склонил с великою трудностию, чтоб взяли 50000, и о сем довольны, и сие число вписал я в порожнее место в трактате; а что по смерти моей будет она не похочет жить в государстве нашем, дать меньше дачу, на сие они весьма не похотели и просили, чтоб быть равной даче по смерти моей, как на Москве, так и в выезде из нашего государства, о чем я много старался, чтобы столько не просили, и, однакож, не мог сделать и по указу твоему (буде они за сие заупрямятся, написать ровную дачу) и в трактате написал ровную дачу и, сие учиня, подписал я, тожде и они своими руками разменялись, и тако сие с помощью божиею окончили. Перстня здесь не мог сыскать и для того послал в Дрезден и в иные места».

Печальное лето 1711 года царевич прожил у родных своей невесты. Мы видели, что по возвращении из прутского похода Петр отправился в Карлсбад на воды; здесь хотел он и отпраздновать свадьбу своего сына, но потом передумал и назначил для этого саксонский город Торгау. Брак был совершен 14 октября 1711 года, и Петр известил об этом Сенат в следующем письме: «Господа Сенат! Объявляем вам, что сегодня брак сына моего совершился здесь, в Торгау, в доме королевы польской, на котором браке довольно было знатных персон. Слава богу, что сие счастливо совершилось. Дом князей вольфенбительских, наших сватов, изрядной». На четвертый же день после свадьбы новобрачный царевич получил от отца наказ отправиться в польские владения, в Торн, и там заняться продовольствием русских войск. Царевич отправился в Торн недели через три после свадьбы; молодая жена приехала к нему туда только 19 декабря. Эта разлука новобрачных подала повод к разным слухам, которые достигли и Вены. Урбих писал отсюда Головкину: «Из Саксонии много нехороших вещей сюда писано, чем почти весь город наполнен, между прочим, что брак хотя и совершен, однако к великому неудовольствию обеих сторон: кронпринц кронпринцессу оставил, и, когда та требовала на два дня сроку, чтоб дорожную постель взять, кронпринц ей жестоко отвечал и уехал; все придворные служители отставлены. Но когда я в Вольфенбителе и Дрездене наведалься, то мне отписали совершенно противное, именно что обе стороны довольны». В переписке царевича с отцом в это время мы находим только одно упоминание о кронпринцессе; 18 ноября царевич пишет: «Жена моя еще сюда не бывала; ожидаю вскоре и, как она будет, за людьми ее смотреть буду,

чтоб они жили смирно и никакой обиды здешним людям не чинили». Этот надзор был нужен, ибо мы видели, какие охотники были немцы кормиться на счет Польши. В апреле 1712 года приехал в Торн Меншиков и привез царевичу указ отцовский ехать в Померанию. Светлейший нашел кронпринца и кронпринцессу в затруднительном положении относительно денег и писал царю: «Не мог оставить не донести о сыне вашем, что как он, так и кронпринцесса в деньгах зело великую имеют нужду; понеже здесь живут все на своем коште, а порций и раций им не определено; а что с места здешнего и было, и то самое нужное, только на управление стола их высочеств; также ни у него, ни у кронпринцессы к походу ни лошадей и никакого экипажа нет и построить не на что. О определенных ей деньгах зело просит, понеже великую имеет нужду на содержание двора своего. Я, видя совершенную у них нужду, понеже ее высочество кронпринцесса едва не со слезами о деньгах просила, выдал ее высочеству ингерманландского полку из вычетных мундирных денег в заем 5000 рублей. А ежели б не так, то всеконечно отсюда подняться б ей нечем».

Кронпринцесса отправилась в Эльбинг дожидаться возвращения мужа из похода. Между тем в Москве любопытствовали, не имело ли пребывание молодых в Торне каких-нибудь следствий, и царевич писал духовнику: «О зачатии во чреве сопряженные мне хоцещи ведети, радетель, и возвещаю, что весьма до отъезду моего подлинно познати было не можно еще и повелел я жене, аще будет возможно сие познати, чтоб до меня немедленно писала. И как о сем получу известие, есть ли что или нет, о том писанием не умедля вашей святыни возвещу».

Осенью 1712 года приехал в Эльбинг бригадир Балк и объявил Шарлотте волю царя, чтоб она выезжала из этого города, по всем вероятностям, в Россию, ибо в письме ее к царю от 28 октября не видно, куда именно она должна была выехать: «Вашего царского величества милостивейший указ, который мне чрез бригадира Балка объявить повелели, не оставила бы (как того моя должность и требует) исполнить, и я уже в готовности была отсюда отъехать, но понеже того без денег никоими мерами учинить не можно было, того ради прошу вашего царского величества всеподданнейше то замедление во гнев не принять, ибо коль скоро деньги придут, то и я, как и в прочем, окажу, что вашего царского величества указ от меня ненарушимо содержан будет, я же семь со всяким подданнейшим респектом вашего царского величества всеподданнейшая и вернопокорнейшая невестка Шарлотта». Деньги не прибыли, как видно, потому, что царь переменил намерение и велел царице и царевичу, отправлявшимся вместе в Россию, захватить в Эльбинг и взять с собою Шарлотту. Но когда они приехали в декабре в Эльбинг, то ее там не застали: она уехала к родным в Брауншвейг. Этот поступок рассердил Петра, как видно из письма его к невестке в январе 1713 года: «Вашей любви к нам отправленное писание от 17 января получили мы здесь исправно, а из того усмотрели, что вас к нечаянному отъезду в Брауншви́г привело. Мы о объявленных вами причинах рассуждать не будем, токмо признаем, что сия ваша скорая и без нашего ведома взятая резолюция нас зело удивила, а наипаче понеже мы вашему желанию родителей ваших видеть никогда б не помешали, ежели б вы только наперед нас о том уведомили. Что же ваша любовь в прочем и о недостатке денежном объявляете, то не видим мы, чтоб и то вас к такой скорой резолюции привести могло. Сожительница наша с кронпринцем нашим уже пред некоторым временем путь свой назад в государство наше и в Петербург предвосприяла, куды, мы уповаем, и ваша любовь за оными следовать будете». Шарлотта писала новые оправдания, и Петр 11 февраля написал ей: «Дружбно любезная госпожа невестка! Вашей любви различные к нам отправленные писания исправно получили и из оных усмотрели, что вас к скорому отъезду из Эльбинга в Брауншви́г привело. Мы не сомневаемся, что вы оные 5000 червонных, которые к вам чрез сына барона Левенвольда отправлены, ныне уж исправно получили, и при сем еще вексель на 25000 ефимков албертусовых на банкира Поппа в Гамбург прилагаем и уповаем, что ваша любовь ныне путь свой как наискорее в Ригу и далее в Петербург восприимите, куда и сожительница наша и кронпринц наш пред некоторым временем уже поехали, яко же и мы для ускорения вашего

пути в наших землях потребное учреждение учинить укажем и в прочем о постоянной нашей отеческой склонности обнадеживаем, пребывая вашей любви дружески склонный отец».

Это письмо было написано уже в другом тоне, чем прежде; Шарлотте и ее родным хотелось, чтоб Петр заехал к ним в Брауншвейг для окончательного примирения. Не решаясь обратиться прямо к царю, Шарлотта обратилась к канцлеру графу Головкину и написала ему: «Я сочла лучше всего обратиться к вашему сиятельству с просьбою сделать так, чтоб его царское величество не проехал мимо нас: прямая дорога из Ганновера в Берлин идет через Брауншвейг; и герцог, и мой отец, и моя мать будут в отчаянии, узнавши, что его величество был так близко и они не имели чести видеть его здесь, а для меня это будет крайнее бедствие, ибо я с нетерпением ожидаю счастливой минуты, когда я могу облобызать руку его величества и услышать от него приказание ехать к принцу, моему дорогому супругу. Во всяком случае, если его величество не захочет быть здесь, надеюсь, что мне окажет милость, назначит место, где бы я могла с ним видеться». Петр виделся с нею в замке Зальцдалене, недалеко от Брауншвейга, после чего кронпринцесса отправилась в Россию.

Царевич находился с отцом в финляндском походе во время приезда жены своей. Прибыв в Нарву, Шарлотта дала знать о своем приезде царевне Наталии Алексеевне, которая отвечала ей: «Пресветлейшая принцесса! С особенным моим увеселением получила я благоприятнейшее и любительнейшее писание вашего высочества и о прибытии вашем в Нарву, и о намерении к скорому предприятию пути вашего до С.-Петербурга извещена есмь, от чего мне всеусердная причиняется радость, так что я не хотела нимало оставить ваше высочество о том чрез сие мое благосклонно поздравить и известить, что имеем в нашем общем сожалении о отбытии царского величества и его высочества государя царевича; елико в силах моих будет, не премину всяких изыскивать способов к увеселению вашему и уповаю, что возвращение его царского величества и его высочества вскоре нам общую подаст радость. Ожидаю с нетерпеливостью того моменту, чтоб мне при дружеском объятии особы вашей засвидетельствовать, коль я всеусердно есмь вашего высочества – Наталия». Канцлер Головкин писал кронпринцессе: «Светлейшая и высочайшая принцесса, моя государыня! С толикою радостью, колико я имею респекту и благоговения к особе вашего царского высочества, получил я уведомление чрез господина Нарышкина о счастливом прибытии вашего царского высочества в Нарву и о милостивом напоминании, которым ваше царское высочество изволили меня почтить в присутствии сего генерального офицера, и понеже я всегда профessoвал жаркую ревность к вашему царскому высочеству, того ради я не мог, ниже должен был оставить, чтоб ваше царское высочество не известить чрез сие о нижайших моих респектах и чтоб не отдать должнейшего моего поздравления о прибытии вашего царского высочества, и такожде и не возблагодарить покорнейше за то, что ваше царское высочество благоволили меня высокодушно в нападении своем сохранить. Если бы я не удержан был всемерно здесь делами его царского величества, от сего ж бы моменту предался бы я в должной моей покорности до вашего царского высочества, дабы мне все помянутое персонально вашему царскому высочеству подтвердить; но понеже невозможно мне удовольствоваться моей ревности, в том принужден я еще ближайшего прибытия сюда вашего царского высочества обождать и тогда не премину придатися ко двору вашего царского высочества воспринять честь еже засвидетельствовать вашему царскому высочеству, с коликим респектом и благоговением я есмь» и проч.

Торжественная встреча, сделанная кронпринцессе в Петербурге, радушный прием со стороны царицы и других лиц царского семейства произвели на Шарлотту и ее родных благоприятное впечатление, успокоили их. Летом 1713 года посол Матвеев писал из Вены к Головкину: «Из дому императрицы узнал я, что „государыня принцесса царевича“ 6 июня писала к ней частное письмо из Петербурга, отзываясь с великими похвалами о расположении к ней государыни царицы и государыни царевны и всех высоких особ русских и с какими почестями она, принцесса, была принята при своем приезде. Очень нужно, чтоб ваше превосходительство

изволил ей, государыне принцессе, вручить интерес его царского величества и меня, дабы ее высочество изволила к императрице о том особое партикулярное письмо написать и чрез вас на меня прислать, что может принести много пользы интересам царского величества: императрица может сделать все, что захочет, а она ее высочество чрезвычайно любит. Таким образом государыня принцесса возбудит хорошее мнение о дворе царского величества, покажет, что она у царского величества находится в особой милости и любви, и этим уничтожатся противные слухи, распускаемые злонамеренными людьми, потому что здесь уже много раз подняты были плевелы, будто ее высочество находится в самом дурном состоянии и унижении от нашего народа, живет в нужде и запрещено ей переписываться с родственниками». В декабре того же года императрица пространно говорила Матвееву о милости царя, царевича и всего царского дома к ее сестре, чем она, императрица, и муж ее чрезвычайно довольны.

Царевича не было при встрече жены; он находился с отцом в финляндском походе. По возвращении оттуда в Петербург он опять скоро уехал в Старую Русу и Ладогу для распоряжения насчет постройки судов. Это было последнее известное нам поручение, возложенное отцом на Алексея.

Долговременное пребывание за границею для окончания учения, пребывание в Польше для распоряжения продовольствием войска, участие в померанском и финляндском походах царь считал необходимою школою для сына; вместе со школою здесь было испытание для царевича; испытание оказалось неудовлетворительным. Петр с ужасом заметил, что сын исполняет беспрекословно все его приказания, но что тут исключительным побуждением был страх; отвращение от деятельности, которую Петр считал необходимою для своего и последующего царствования, было очевидно в Алексее. Когда в 1713 году Алексей возвратился из-за границы, то отец принял его ласково и спрашивал, не забыл ли того, чему учился. Не забыл, отвечал царевич. Петр для испытания велел ему принести чертежи, им сделанные. Страх напал на Алексея: «Что, если отец заставит чертить при себе, а я не умею?» Как быть? Одно средство – испортить правую руку. Царевич взял в левую руку пистолет и выстрелил по правой ладони, чтоб пробить пулею; пуля миновала руку, только сильно опалило порохом. В этом поступке весь человек. Алексей был похож на тех людей, которые увечат себя, чтоб не попасть в солдаты.

Петр сначала сердился, бранил, бил, потом утомился, перестал говорить с сыном – дурной признак для Алексея; лучше бы отец продолжал сердиться, бранить и бить, а холодность и невнимание, предоставление самому себе, молчание – это страшный признак ослабления родительского чувства, признак ожесточения. Что же сын? Заметив страшный признак, испугается этой холодности и бросится к отцу за примирением? Но сын давно уже охладел и ожесточился, давно в присутствии отца лежал на нем тяжкий гнет и только в отдалении от него дышалось свободно: «не токмо дела воинские и прочие отца его дела, но и самая его особа зело ему омерзела, и для того всегда желал от него быть в отлучении». Желание исполнилось: царевича не беспокоят, не посылают в поход или смотреть за постройкою этих проклятых судов. Когда его звали обедать к отцу или к Меншикову, когда звали на любимый отцовский праздник, на спуск корабля, то он говорил: «Лучше б я на каторге был или в лихорадке лежал, чем там быть». Отец сердится, не говорит, но что из этого? Будущее принадлежит не ему, а царевичу. Отец с сыном разошлись по отношению к самому важному вопросу – вопросу о будущем.

Царевичу будущее улыбается. Отец еще не стар, но часто и сильно припадает, долго не проживет, и с ним исчезнут все его дела. Что думал трезвый, в том проговаривался пьяный: «Близкие к отцу люди будут сидеть на кольях, и Толстая, и Арсеньева, свояченица Меншикова; Петербург не долго будет за нами». Когда его остерегали, что опасно так говорить: слова передадутся, и те люди будут в сомнении, перестанут к нему ездить, и так уже редко ездят, царевич отвечал: «Я плюю на всех; здорова бы была мне чернь». Но царевич знал хорошо, что не одна чернь за него. За него духовенство, и не одни русские архиереи, даже скрытный, осторожный иноземец Стефан Яворский и тот решается высказываться за него. Еще до женитьбы Петра на

Екатерине Яворский говорил Алексею: «Надобно тебе себя беречь; если тебя не будет, отцу другой жены не дадут; разве мать твою из монастыря брать? Только тому не быть, а наследство надобно». Отцу другую жену дали; но это не успокоило Яворского, и он крикнул знаменитую проповедь 17 марта 1712 года. Алексей испугался неосторожности митрополита Рязанского и писал духовнику: «Что же пишешь, радетель, о Акулиных родителях, отце Иосифе, чтоб его превести на место новопреставльшегося, и я бы рад воистину и буду, как возможно, промышлять через людей: а и вы там не плошится, через кого возможно делайте; понеже, чаю, там вам свободнее, нежели нам здесь, понеже рязанский у рождшего мя за некакие казания есть в ненавидении великом, и того ради мне писать к нему опасно, и говорят, что ему быть отлучену от сего управления, в нем же есть, и того ради вам легчая сие чрез кого-нибудь делать; а я советую, чтоб вам с сим человеком с опасностию обходиться не вкортке, чтоб не причинился какой вред; однакож ведаю, что вам не можно с ним не обводиться, дондеже он не отлучен от правления сего; того ради пишу, чтоб с опасением больше и не в частое быванье». Яворский удержался на своем важном месте, и царевичу с разных сторон говорили: «Рязанский к тебе добр, твоей стороны, и весь он твой».

Между знатным духовенством был только один человек, вполне преданный Петру и делам его и потому державший себя вдалеке от Алексея; то был известный уже нам Феодосий Яновский. За то царевич и его приближенные не щадили гневных выходок и насмешек над Феодосием. «Дивлюсь батюшке, за что любит архимандрита Невского? – говорил Алексей. – Разве за то, что вносит в народ лютерские обычаи и разрешает на все?» Выписали стих из церковной службы на день Полтавской битвы, начинавшийся словами: «Враг креста Христова», и на «подпитках» в компании царевича певали его, применяя к Феодосию, говорили, что этот стих хорошо петь, когда Феодосия будут посвящать в архиереи. Никифор Вяземский написал этот стих с нотами и говорил, что дал бы пять рублей певчим, чтоб пропели его, потому что Феодосии икон не почитает.

Архиереи за царевича, и много знатных вельмож за него же, именно самые знатные, которым тяжело было занимать второстепенные места, когда на первых местах были люди худородные, и на самом видном – Меншиков. Из старых княжеских родов в это время преимущественно выдавались два рода: Рюриковичи Долгорукие и Гедиминовичи Голицыны. Долгорукие вышли на вид только при новой династии, особенно при царе Алексее Михайловиче. При Петре эта фамилия была очень хорошо представлена: двое Долгоруких с честью занимали важнейшие дипломатические посты – Григорий Федорович и Василий Лукич; третий, Василий Владимирович, считался одним из лучших генералов; наконец, четвертый, знаменитый сенатор, энергический князь Яков Федорович Долгорукий, представитель фамилии. Чем лучше была обставлена Долгоруковская фамилия, чем более считала она за собою прав, тем тягостнее для нее было сносить преобладание Меншикова, а вскрывшиеся злоупотребления любимца и холодность к нему царя подавали надежду, что светлейший может потерять свое важное значение. Новая царица, связанная с Меншиковым прежними отношениями, естественная его покровительница, не могла нравиться Долгоруким, и тем приверженнее были они к законному наследнику. Царевич видел эту приверженность, несмотря на осторожность князя Якова Федоровича; когда Алексей говорил ему, что хочет приехать к нему в гости, то старик отвечал: «Пожалуй, ко мне не езд; за мною смотрят другие, кто ко мне ездит». Князь Василий Владимирович Долгорукий говорил царевичу: «Ты умнее отца; отец твой хотя и умен, только людей не знает, а ты умных людей знать будешь лучше». Смысл слов был ясен: отец умен, но людей не знает, потому что держит в приближении Меншикова, Головкина; ты людей будешь знать лучше, потому что будешь держать в приближении Долгоруких. Голицыны, у которых стремление к первенству составляло родовое предание со времен Ивана III, имели теперь своим представителем князя Дмитрия Михайловича. Человек, по жесткости характера своего не способный возбудить к себе сильной привязанности, умный, образованный, но без особенных

блестящих способностей, князь Дмитрий вступил на служебное поприще с сознанием своих прав родовых и личных, служил усердно и все оставался в тени, на местах второстепенных, он, представитель самой знатной фамилии, а между тем Меншиков с подобными ему занимают места высшие, находятся в приближении. Голицын по внушению оскорбленного самолюбия объясняет себе это явление исключительно тем, что эти хутородные люди обязаны своим возвышением худым, низким средствам, к которым он, Голицын, не способен; он ненавидит и презирает; презрение дает ему право ненавидеть, и ненависть усиливает презрение как свое основание. Князь Дмитрий не может никак помириться с новым браком царя, браком унижительным, незаконным в глазах Голицына; тем сильнее была его преданность сыну царскому, от законного, честного брака рожденному. Голицын Сочувствовал Алексею и потому, что оба они были люди старого образования, образования царя Федора Алексеевича; известные нам столкновения Голицына с Паткулем, отвратив его от иностранцев, как проводников нового преобразовательного направления, отвратили его и от последнего. «Князь Дмитрий, – говорил царевич, – мне был друг верный и говаривал, что я тебе всегда верный слуга. Он много книг мне из Киева приваживал по прошению моему и так, от себя; и я ему говаривал: „Где ты берешь?“ „У чернецов-де киевских: они-де очень к тебе ласковы и тебя любят“». Фамилия Голицыных была также хорошо обставлена; родной брат князя Дмитрия Михайла Михайлович был один из самых храбрых и искусных генералов Петра; кроме того, князь Михайла отличался необыкновенно привлекательным и рыцарским характером, который заставил и иностранцев с восторгом отзываться об нем, хотя Голицын, подобно брату, не любил иностранцев. Известен рассказ, что когда однажды Петр предложил Голицыну самому назначить себе награду, то Голицын сказал: «Прости, государь, князя Репнина», а Репнин был ему недруг. Можно, если угодно, не верить этому рассказу, но для нас важно то, что о человеке ходили подобные рассказы, что человека считали способным на подобные поступки. Несмотря на то что князь Михайла был виднее и любимее брата, он по старине имел князя Дмитрия, как старшего, «в отца место», не смел садиться перед ним и совершенно был в его воле, разделял его взгляды; поэтому царевич говорил: «Князь Михайла Михайлович был мне друг же». Третий Голицын, занимавший видное место рижского губернатора, князь Петр Алексеевич, не разнился в направлении с своими родичами и был также друг царевичу. Старый фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев, несмотря на свое значение и долгую, непрерывную тяжелую службу, не видел себя в приближении, оскорблялся, получая указы от других, испытывая бесцеремонное обращение от царя, с которым мальтийский рыцарь не сходился характером; Шереметеву поэтому также не нравилась придворная обстановка, не нравился Меншиков, и тем сильнее был он предан царевичу: «В главной армии Борис Петрович и прочие многие из офицеров мне друзья. Борис Петрович говорил мне, будучи в Польше, в Остроге, при людях немногих моих и своих: „Напрасно ты малого не держишь такого, чтоб znalся с теми, которые при дворе отцове: так бы ты все ведал“». Известный дипломат, князь Борис Куракин заявил также свою приверженность к царевичу; однажды в Померании он спросил у него: «Добра к тебе мачеха?» «Добра», – отвечал Алексей. Куракин заметил на это: «Покамест у ней сына нет, то к тебе добра; а как у ней сын будет, не такова будет» Одним словом, царевич мог считать своими друзьями почти всех родовитых людей, ибо они смотрели на него как на человека, при котором не будет Меншикова с товарищами. По ненависти к Меншикову, по злобе и на Петра за недавнюю опалу к доброжелателям царевича принадлежал Александр Кикин, тем более что Иван Васильевич Кикин был казначеем Алексея. Другие надеялись отдохнуть, когда Алексей будет царем, потому что не предвиделось покоя, возможности заняться своими делами при царе, который не понимал, как можно сидеть дома без дела. Семен Нарышкин говорил царевичу: «Горько нам! Говорит (царь): *что вы дама делаете? Я не знаю, как без дела дома быть*. Он наших нужд не знает; а будешь дом свой смотреть хорошенько, часу не найдешь без дела. Когда б ему прилучилось придти домой, а иное дров нет, иное инова нет,

так бы узнал, что мы дома делаем». Царевич вполне сочувствовал и людям, стремившимся от общественной деятельности, от службы домой, к домашним занятиям. Различие между отцом и сыном заключалось в том, что для отца был тесен дом, хотя его дом был дворец, ему было просторно, легко дышать, когда он разъезжал по России, по Европе, по безбрежному морю; сын не терпел этих разъездов, этой широты и стремился в дом, в тесный, домашний круг, где тихо, уютно и покойно. «У него везде все готово; то-то он наших нужд не знает», – отвечал царевич на жалобы Нарышкина. Наследник русского, Петровского престола становился совершенно на точку зрения частного человека, приравнивал себя к нему, говорил о «наших нуждах». Сын царя и героя-преобразователя имел скромную природу частного человека, заботящегося прежде всего о дровах. И действительно, Алексей был хороший хозяин, любил заниматься отчетами по управлению своими собственными имениями, делать замечания, писать резолюции.

Алексей уверен, что за него духовенство, родовитые вельможи, простой народ; он покоен насчет своего будущего, настоящее можно как-нибудь и перетерпеть, лишь бы пореже видеться с отцом и его любимцами. Но чем покойнее сын относительно своего будущего, тем беспокойнее отец относительно своего, и если для успокоения себя насчет будущего отец решится воспользоваться своим настоящим?.. Отец работал без устали, видел уже, как зрели плоды им насажденного, но вместе чувствовал упадок физических сил и слышал зловещие голоса: «Умрет – и все погибнет с ним, Россия возвратится к прежнему варварству». Эти зловещие голоса не могли бы смутить его, если б он оставлял по себе наследника, могшего продолжать его дело. Понятно, что Петр не мог позволить себе странного требования, чтоб сын его и наследник обладал всеми теми личными средствами, какими обладал он сам; но он считал совершенно законным для себя требование, чтоб сын и наследник имел охоту к продолжению его дела, имел убеждение в необходимости продолжать его именно в том самом направлении; недостаток сильных способностей восполнялся легкостью дела, ибо начальная, самая трудная его часть уже была совершена, дело было легко и потому, что преемнику приходилось работать в кругу хороших работников, приготовленных отцом; для успеха при таких условиях нужна была только охота, сочувствие к делу, нужно было сыну быть одним из птенцов отца, одним из его помощников, сотрудников. Но Петр при своей работе в сонме сотрудников не досчитывался одного – родного сына и наследника! При переключке русских людей, имевших право и обязанность непосредственно помогать преобразователю в его деле, царевич-наследник объявился в нетях! Единственное средство упрочить будущность своему делу – это отстранить человека, который должен быть главным препятствием этому, отстранить наследника от наследства. Эта мысль необходимо должна была явиться в голове Петра, как скоро он увидел в сыне отвращение к отцовскому делу. Мысль не могла не прийти в голову и другим, у Петра могла она вырваться в виде угрозы; чем более выказывалось отвращение царевича к отцовскому делу, чем менее оставалось надежды на перемену, тем более у отца должна была укрепляться мысль об его отстранении. Другим людям, которым выгодно было отстранение Алексея, было не нужно и опасно пытаться укреплять эту мысль, ибо укрепление шло необходимо, само собою, надобно было только оставить дело его естественному течению; вмешательством можно было только повредить себе, ибо Петр по своей проницательности мог сейчас увидеть, что другие делают тут свое дело. Если мачеха считала выгодным для себя отстранение пасынка, то она должна была всего более стараться скрывать свои чувства и желания перед мужем и другими; князь Василий Владимирович Долгорукий говорил царевичу: «Кабы на государев жестокий нрав-де не царица, нам бы жить нельзя, я бы первый изменил». Цель Екатерины Алексеевны состояла в том, чтоб заискать всеобщее расположение, стараясь услуживать всем, быть ко всем «доброю»; *добра* была она и к пасынку, которому не могла выставить соперника в собственном сыне. Если Екатерина и Меншиков не хотели или не могли поссорить отца с сыном к 1711 году, когда положение царевича упрочивалось браком его на иностранной прин-

цессе, то бесполезно было хлопотать об этом впоследствии, когда ссора и без них стала необходимостью по возвращении Алексея из-за границы, при первом сопоставлении отца с сыном в правительственной деятельности; притом Меншикову нельзя было в это время действовать против Алексея, потому что он сам был в нравственной опале, прежних близких отношений его к Петру не было более.

Враждебные отношения между отцом и сыном вскрылись сами собою, без постороннего посредства; но не могла ли иметь влияния на вскрытие этих отношений семейная жизнь царевича, отношения его к жене? Впоследствии, в письме к императору Карлу VI и в публичном обвинении сына, Петр указывал и на дурное обращение его с женою; но эти памятники по своему значению, по своим целям не могут нас останавливать: для нас самое важное, решительное значение в этом случае имеет письмо Петра к сыну, где он выставляет, почему поведение Алексея не может ему нравиться, почему он считает своею обязанностью отстранить его от наследства; в этом письме о семейной жизни Алексея ни слова, как увидим. Из всего можно усмотреть, что поведение кронпринцессы в России не могло возбудить в Петре, в его семействе и в окружавших его никакой привязанности. Как видно, Шарлотта, приехав в Россию, осталась *кронпринцессою* и не употребила никакого старания сделаться женою русского царевича, русскою великою княгинею. В оправдание ее можно сказать, что от нее этого не требовалось: ее оставили при прежнем лютеранском исповедании, жила она в новооснованном Петербурге, где ей трудно было познакомиться с Россиею. Но не могла же она не видеть, как было важно для сближения с мужем принять его исповедание; не могло скрыться перед нею, что он и окружавшие его сильно этого желают; что же касается до петербургской обстановки, то, взглядевшись внимательно, мы видим, что двор не только царевича, но и самого царя был чисто русский. Кронпринцесса не сблизилась с этими дворами; она замкнула себя в своем дворе, который весь, за исключением одного русского имени, был составлен из иностранцев. Мы не станем возражать против отзыва царевича Алексея о кронпринцессе, что она была «человек добрый», но мы видим, что она отнеслась к России и ко всему русскому с немецким национальным узким взглядом, не хотела быть русскою, не хотела сблизиться с русскими, не хотела, не могла преодолеть труда, необходимого для иностранки при подобном сближении; гораздо легче, покойнее было оставаться при своем, с своими; но отчуждение так близко граничит с враждою; можно догадываться, что окружавшие кронпринцессу иностранцы не говорили с уважением и любовью о России и русских, иначе кронпринцессе пришла бы охота сблизиться с странюю и народом, достойными уважения и любви. Как у мужа не было охоты к отцовской деятельности, так у жены не было охоты стать русскою и действовать в интересах России и царского семейства, употребляя свое влияние на мужа. Петру не могли нравиться это отчуждение невестки и недостаток влияния ее на мужа, тогда как на это влияние он должен был сильно рассчитывать. Он имел право надеяться, что сильная привязанность и сильная воля жены будут могущественно содействовать воспитанию еще молодого человека, отучению его от тех взглядов и привычек, которые отталкивали его от отцовской деятельности; он мог думать, что сын женится – переменится, и ошибся в своих расчетах; невестка отказалась помогать ему и России; муж и жена были похожи друг на друга косностью природы; энергия, наступательное движение против препятствий были чужды обоим; природа обоих требовала бежать, запирается от всякого труда, от всякого усилия, от всякой борьбы. Этого бегства друг от друга было достаточно для того, чтоб брак был нравственно бесплоден. Камердинер царевича рассказывал любопытный случай из семейной жизни Алексея: «Царевич был в гостях, приехал домой хмелен, ходил к кронпринцессе, а оттуда к себе пришел, взял меня в спальню, стал с сердцем говорить: „Вот-де Гаврило Иванович (Головкин) с детьми своими жену мне чертовку навязали; как-де к ней ни приду, все-де сердитует и не хочет со мною говорить; разве-де я умру, то ему (Головкину) не заплачу. А сыну его Александру – голове его быть на коле и Трубецкого: они-де к батюшке писали, чтоб на ней жениться“. Я ему молвил: „Царевич-государь, изволишь

сердито говорить и кричать; кто услышит и пронесут им: будет им печально и к тебе ездить не станут и другие, не токмо они“. Он мне молвил: „Я плюну на них; здорова бы мне была чернь. Когда будет мне время без батюшки, тогда я шепну архиереям, архиереи – приходским священникам, а священники – прихожанам; тогда они, не хотя, меня владельцем учинят“. Я стою молчу. Он мне говорит: „Что ты молчишь и задумался?“ Я молвил: „Что мне, государь, говорить?“ Посмотрел на меня долго и пошел молиться в крестову. Я пошел к себе. Поутру призвал меня и стал мне говорить ласково и спрашивал: „Не досадил ли вчерась кому?“ Я сказал нет. „Ин не говорил ли я, пьяный, чего?“ Я ему сказал, что говорил, что писано выше. И он мне молвил: „Кто пьян не живет? У пьяного всегда много лишних слов. Я поистине себя очень зазираю, что я пьяный много сердитую и напрасных слов много говорю, а после о сем очень тужу. Я тебе говорю, чтоб этих слов напрасных не сказывать. А буде ты скажешь, ведь-де тебе не поверят; я запрუსя, а тебя станут пытаться. Сам говорил, а сам смеялся“. Кронпринцессе тем легче было удалиться от мужа и от всех русских, что с нею приехала в Россию ее родственница и друг принцесса Юлиана-Луиза остфрисландская, которая, как говорят, вместо того чтоб стараться о сближении между мужем и женою, только усиливала разлад. Подобные друзья бывают ревнивы, не любят, чтоб друг их имел кроме них еще другие привязанности; но нам не нужно предполагать положительных стремлений со стороны принцессы Юлианы; довольно того, что кронпринцесса имела привязанность, которая заменяла ей другие: имела в Юлиане человека, с которым могла отводить душу на чужбине; а принцесса остфрисландская со своей стороны не делала ничего, чтоб заставить Шарлотту подумать о своем положении, о своих обязанностях к новому отечеству. Кронпринцесса жаловалась, что нехорошо, и Юлиана вторила ей, что нехорошо, и тем услаждали друг друга, а как сделать лучше, этого придумать не могли.

В 1714 году у царевича расстроилось здоровье; медики присоветовали ему ехать в Карлсбад; он написал об этом к отцу и получил позволение. Кикин думал, что царевичу надобно воспользоваться этим случаем и продлить пребывание за границею, даже остаться там для избежания столкновений с отцом. «Когда вылечишься, – говорил Кикин Алексею, – напиши к отцу, что еще на весну надобно тебе лечиться, а между тем поедешь в Голландию; а потом, после вешнего кура, можешь в Италии побывать и тем отлучение свое года два или три продолжить». Показавши отцовское письмо канцлеру Головкину, Алексей взял у него паспорт на имя офицера, едущего в Германию, и объявил, что отправляется немедленно. Канцлер представлял ему опасности как в дороге, так и во время пребывания в Карлсбаде и просил позволения написать прежде кому следует о безопасном проезде. Но он не только писать, никому и говорить не позволял, чтоб скрыть от иностранных министров, и на другой день уехал. Но царь писал Головкину, чтоб тот принял меры предосторожности, и канцлер написал русскому министру в Вену Матвееву, чтоб тот попросил императора послать в Карлсбад какого-нибудь верного человека, придавши ему для большей безопасности и солдат, также на возвратном пути дать провожатых до цесарских границ; написал и к сыну своему, Александру, в Берлин, чтоб прусский король дал конвой; подозрительную Саксонию царевич должен был объехать.

8 августа к графу Матвееву явился чешский канцлер граф Шлик и объявил, что император приказал сделать все нужные распоряжения для безопасности царевича и он, канцлер, вчера отправил курьера к чешскому правительству с великим подкреплением, чтоб выслана была в Карлсбад верная особа и караул. Канцлер прибавил, что слухи о прибытии царевича в Карлсбад стали ходить в обществе по частным письмам, а не из императорского дворца и чтобы царский двор не приписал их неосторожности какой-нибудь со стороны цесаря. «Я, – писал Матвеев, – усмотря то опасение и не желая для всяких случаев поверять перу, отправляю на почте с малолюдством жену мою отсюда в Карлсбад под предлогом ее собственной болезни, чтобы она его царскому высочеству подробно обо всем сама донесла, как следует ему от тех слухов всемерно опасаться. Я по сие время, к немалому удивлению, никаких писем, ни ведо-

мости из Карлсбада от его высочества не получил, хотя под притворным именем с 31 июля по два раза в неделю посылал к его высочеству письма».

В Карлсбаде царевич читал церковные летописи Барония и делал из них выписки; некоторые из этих выписок любопытны, показывая, как он был занят своею скрытою борьбою с отцовскою деятельностью, например: «Не цесарское дело вольный язык унимать; не иерейское дело, что разумеют, не глаголати. Аркадий-цесарь повелел еретикам звать всех, которые хотя малым знаком от православия отлучаются. Валентиан-цесарь убит за повреждение уставов церковных и за прелюбодеяние. Максим-цесарь убит оттого, что поверил себя жене. Во Франции носили долгое платье, а короткое Карлус Великий заказывал, и похвала долготу, а короткому сопровитное. Хилперик, французский король, убит для отъему от церкви имения. Чудо великое Иоанна Милостивого, когда мед (в отбирании злата от Ираклия, царя греческого, от церкви) обратился в злато». Тут же видно, как царевич был внимателен к известиям о папских притязаниях, как старался опровергать их и указывать на известия, свидетельствующие о неправде католических стремлений, например: «Патриарх цареградский Евфимий Геласия, папу, на суд звал. О верховности престола в Риме писание под именем Геласия, папы, до епископов Дардания противно вселенским соборам. Симмах, папа, сужден от своих архиереев на соборе, а без собору прияти престола не мог (где сие еже над собор папа?). Иустиниан будто писал к папе, что он глава всем (не весьма правда, а хотя б писал, то нам его письмо не подтверждение). Симония стара в Риме. Иоанн Постник, цареградский патриарх, похулен пристрастия ради, что равнялся римскому, что есть правда, понеже Христос святителей всех уравниал. Иоанн, папа, был жена, что сам Скарга (хотя не ясно) свидетельствует; а что он написал, что по слабому его сердцу звали женою, что все слабо делал, и то где, что непогрешим папа? Папа Иоанн Десятый и прочие пред ним и по нем худы были, что не иное есть, только что за отлучение от православных церкви благодать божия отъяс от римлян».

Приходило время возвращаться в Россию; царевич пишет к Кикину – как быть? Делать ли так, как говорено было с ним или нет? Кикин отвечает: «Тебе сие делать, не доложу отцу, не безопасно от гнева его; пиши к нему и проси позволения; а ты своего дела не забывай». Царевич решился ехать в Россию, но возвращался туда с мрачными мыслями; однажды, подпив, говорил он окружающим: «Быть мне пострижену, и буде я волею не постригусь, то неволею постригут же; и не то чтобы ныне от отца, и после его мне на себя того ж ждать, что Василья Шуйского, постригши, отдадут куда в полон. Мое житье худое!» По возвращении в Петербург, когда увиделся с Кикиным, тот спросил его: «Был ли кто у тебя от двора французского?» «Никто не был», – отвечал царевич. «Напрасно, – продолжал Кикин, – ты ни с кем не видался от французского двора и туды не уехал: король – человек великодушный; он и королей под своею протекциею держит; а тебя ему не великое дело продержать». Царевич спросил его, что значат в письме его слова: «А ты своего дела не забывай». «Я писал, – отвечает Кикин, – чтоб ты уехал во Францию; и явно мне писать нельзя; тебе б можно догадаться самому».

Отправляясь в Карлсбад, Алексей оставил жену свою беременною по осьмому месяцу. Царь, находившийся в отсутствии, хотел, чтобы в это важное время рождения первого ребенка у наследника при кронпринцессе были знатные особы из русских; но по собственному опыту знал, что иногда выдумывается неприязненными людьми насчет рождения царских детей, как его провозглашали подменным сыном Лефорта; а теперь еще хуже: родит немка иноверная, окруженная только своими немцами; отсутствие его самого, царицы и царевича заставляло еще более брать предосторожности, и Петр написал невестке: «Я бы не хотел вас трудить; но отлучение супруга вашего, моего сына, принуждает меня к тому, дабы предварить лаятельство необузданных языков, которые обыкли истину превращать в ложь. И понеже уже везде прошел слух о чреватстве вашем вящше года, того ради, когда благоволит бог вам приспеть к рождению, дабы о том заранее некоторый анштальт учинить, о чем вам донесет г. канцлер граф Головкин, по которому извольте неотменно учинить, дабы тем всем, ложь любящим, уста

заграждены были». *Анштальт* состоял в том, чтобы жена канцлера графиня Головкина, генеральша Брюс и Ржевская, носившая титул князь-игуменьи, находились безотлучно при кронпринцессе. Последняя не дала себе труда вникнуть в смысл распоряжения, хотя это было и не очень трудно, потому что и у них, на образованном Западе, рождение царских детей было окружаемо большими, неприятными для родильницы предосторожностями. Кронпринцесса обиделась и написала царю письмо с упреками, в раздраженном и раздражающем тоне; в этом письме кронпринцесса показала себя одним из тех существ, с которыми приятно иметь как можно меньше дела, которые, встретив что-нибудь не по себе, безо всякого обсуждения дела, сейчас же начинают вопить о притеснениях, о страданиях: назначение трех русских женщин явилось в глазах Шарлотты незаслуженным и необычным поступком, который для нее чрезвычайно был *sensible*; в этом распоряжении она видела торжество *malice*, вследствие чего она должна страдать и наказываться за лжи безбожных людей, тогда как ее *conduite* и совесть будут ее свидетелями и судьями на страшном суде. Для чего эти предосторожности против злых языков? Царь столько раз обещал ей свою милость, отеческую любовь и заботливость; так, если кто осмелится оскорбить ее лжой и клеветой, тот должен быть наказан как великий преступник. Известно, что никакая ложь и клевета не могут запятнать ее, кронпринцессу; однако скорбит душа, что завистники и преследователи ее имеют такую силу, что могли подвести под нее такую интригу. Бог, ее единственное утешение и прибежище *на чужбине* (!), услышит вздохи и сократит дни страдания существа, всеми покинутого. Головкин и генеральша Брюс предложили кронпринцессе повивальную бабку; это в глазах кронпринцессы было великою немилостью со стороны царя, нарушением брачного договора, в котором было предоставлено ей свободное избрание служителей; если будет чужая бабка, то глаза кронпринцессы наполнятся слезами и сердце обольется кровью. Шарлотта просила, чтоб назначению трех русских дам был дан такой вид, как будто бы она сама требовала этого вследствие отсутствия царя и царевича. Просьба была исполнена. Уведомляя Петра о разрешении кронпринцессы дочерью Натальею (12 июля), Головкин писал: «О письме, государь, вашем никто у меня не ведает, и разглашено здесь, что то учинено по их прошению». Три дамы присутствовали при рождении царевны, и одна из них, Ржевская, так описывала Петру свое житье у кронпринцессы: «По указу вашему у ее высочества кронпринцессы я и Брюсова жена живем и ни на час не отступаем, и она к нам милостива. И я обещаюсь самим богом, ни на великие миллионы не прельщусь и рада вам служить от сердца моего, как умею. Только от великих куплиментов, и от приседания хвоста, и от немецких яств глаза смутились».

Узнав в Ревеле о разрешении кронпринцессы, и Петр, и Екатерина спешили поздравить ее. Екатерина писала: «Светлейшая кронпринцесса, дружбнолюбезная государыня невестка! Вашему высочеству и любви я zelo обязана за дружбное ваше объявление о счастливом разрешении вашем и рождении принцессы-дочери. Я ваше высочество и любовь всеусердно о том поздравляю и желаю вам скорого возвращения совершенного вашего здравия и дабы новорожденная принцесса благополучно и счастливо взрость могла. Я ваше высочество и любовь обнадежить могу, что я zelo радовалась, получа ведомость о вышепомянутом вашем счастливом разрешении; но zelo сожалею, что я счастья не имела в том времени в Петербурге присутствовать. Однакож мы здесь не оставили публичного благодарения богу за счастливое ваше разрешение отдать. Я же не оставлю вашему высочеству и любви все желаемые опыты нашей склонности и к вашей особе имеющей любви при всяком случае оказать, в чем, ваше высочество и любовь, прошу благоволите обнадежены быть, такожде, что я всегда пребуду вашего высочества и любви дружбноохотная мать Екатерина».

О тоне письма, присланного Петром, можно судить по ответу кронпринцессы, которая называет это письмо очень *облигантным*, наполненным такими милостивыми заявлениями, которые укрепили ее доверенность; принцесса пишет, что так как она на этот раз *манкировала* родить принца, то надеется в следующий раз быть счастливее.

В следующем, 1715 году кронпринцесса действительно произвела на свет сына, названного Петром; сначала все, казалось, было благополучно, но потом вследствие поспешности встать с постели (на четвертый день) и принимать поздравления она почувствовала себя нехорошо, и скоро оказались такие признаки, что врачи объявили ее безнадежною. Больная сама сознавала свое положение и потому, призвав барона Левенвольда, объявила ему свои желания. Они состояли в том, чтоб при детях ее вместо матери оставалась принцесса остфрисландская; если же государь на это не согласится, то пусть Левенвольд отвезет принцессу сам в Германию; просила написать к ее родным, что она была всегда довольна расположением к ней царя и царицы, все обещанное в контракте было исполнено и сверх того оказано много благодеяний. И теперь, несмотря на собственную болезнь, государь прислал к ней князя Меншикова и всех своих медиков. Левенвольд должен был просить мать умирающей и сестру-императрицу, чтоб она постаралась восстановить дружбу между царем и цесарем, потому что от этого союза будет много пользы ее детям.

Петр был действительно болен; несмотря на то, он посетил умирающую. Отсутствие царицы объяснялось тем, что она была на последних днях беременности. 22 октября кронпринцесса скончалась. Царевич был при ней до последней минуты, три раза падал в обморок от горя и был безутешен. В такие минуты сознание проясняется: кронпринцесса была «добрый человек»; если «сердитовала», отталкивала от себя, то не без причины: грехи были на душе у царевича, а он был также «добрый человек». Кронпринцесса скончалась; медики объяснили ход болезни. Но должны были явиться люди, которые не хотели ограничиться медицинскими объяснениями. Печаль свела кронпринцессу в могилу, говорили они. Так доносил своему двору австрийский резидент Плейер. Причины этой печали, по словам Плейера, заключались в том, что деньги, назначенные кронпринцессе на содержание, выплачивались неаккуратно, с большим трудом, никогда не выдавали ей более 500 или 600 рублей разом, так что она постоянно нуждалась и не могла платить своей прислуге; она и ее придворные задолжали у всех купцов. Кронпринцесса замечала также зависть при царском дворе по поводу рождения принца; она знала, что царица тайно старалась ее преследовать, и по всем этим причинам она была в постоянной печали. Что касается тайных преследований царицы, то они остались тайною для Плейера и для нас; как в 10 дней во время болезни кронпринцесса могла заметить зависть по поводу рождения принца – это также тайна, которую резидент нам не постарался вскрыть; единственною причиною смертельного горя, которую Плейер постарался особенно уяснить, остается неаккуратная доставка денег, доставка малыми суммами. Мы не можем приписать этой одной объясненной для нас причине печаль кронпринцессы, сведшую ее в могилу, хотя никак не станем утверждать, что кронпринцесса была очень довольна и весела в России, что она находилась в наилучших отношениях к мужу, свекру и к мачехе мужа; но мы не можем быть удовлетворены причинами, приводимыми господином резидентом.

Царевич был очень печален, и не одна была у него печаль о потере жены. Он потом сам рассказывал, что его положение ухудшилось, когда пошли у него дети; мы видели, что на дороге из Карлсбада он уже говорил, что его постригут и не вследствие настоящего гнева отцовского: теперь родился и сын, значит, неспособного отца можно было отстранить от престола. В самом деле, в шестой день по смерти жены, в день ее похорон, царевич получил от отца следующее письмо, подписанное еще 11 октября.

«Объявление сыну моему. Понеже всем известно есть, что пред начинанием сея войны, как наш народ утеснен был от шведов, которые не только ограбили толь нужными отеческими пристаньми, но и разумным очам к нашему нелюбозрению добрый задернули завес и со всем светом коммуникацию пресекали. Но потом, когда сия война началась (которому делу един бог руководцем был и есть), о коль великое гонение от сих всегдашних неприятелей ради нашего неискусства в войне претерпели и с какою горестию и терпением сию школу прошли, дондеже достойной степени вышереченного руководителя помощью дошли! И тако сподобилися видеть,

что оный неприятель, от которого трепетали, едва не вящее от нас ныне трепещет. Что все, помогающе вышнему, моими бедными и прочих истинных сынов российских равноревностных трудами достигнуто. Егда же сию богом данную нашему отечеству радость рассматривая, обзрюся на линию наследства, едва не равная радости горесть меня снedaет, видя тебя, наследника, весьма на правление дел государственных непотребного (ибо бог не есть виновен, ибо разума тебя не лишил, ниже крепость телесную весьма отнял: ибо хотя не весьма крепкой природы, обаче и не весьма слабой); паче же всего о воинском деле ниже слышать хочешь, чем мы от тьмы к свету вышли, и которых не знали в свете, ныне почитают. Я не научаю, чтоб охочь был воевать без законные причины, но любить сие дело и всею возможностью снабдевать и учить, ибо сия есть едина из двух необходимых дел к правлению, еже распорядок и оборона. Не хочу многих примеров писать, но точию равноревных нам греков: не от сего ли пропали, что оружие оставили и единым миролюбием побеждены и, желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в нескончаемую работу тиранам отдал? Аще кладешь в уме своем, что могут то генералы по повелению управлять; то сие воистину не есть резон, ибо всяк смотрит начальника, дабы его охоте последовать, что очевидно есть, ибо во дни владения брата моего, не все ли паче прочего любили платье и лошадей, а ныне оружие? Хотя кому до обоих дела нет; и до чего охотник начальствуя, до того и все, а от чего отвращается, от того все. И аще сии легкие забавы, которые только веселят человека, так скоро покидают, колми же паче сию зело тяжкую забаву (сиречь оружие) оставят! К тому же, не имея охоты, ни в чем обучаешься и так не знаешь дел воинских. Аще же не знаешь, то како повелевать оными можешь и как доброму доброе воздать и нерадивого наказать, не зная силы в их деле? Но принужден будешь, как птица молодая, в рот смотреть. Слабостию ли здоровья отговариваешься, что воинских трудов понести не можешь? Но и сие не резон: ибо не трудов, но охоты желаю, которую никакая болезнь отлучить не может. Спроси всех, которые помнят вышепоманутого брата моего, который тебя несравненно болезненнее был и не мог ездить на досужих лошадях, но, имея великую к ним охоту, непрестанно смотрел и перед очми имел, чего для никогда бывало, ниже ныне есть такая здесь конюшня. Видишь, не все трудами великими, но охотою. Думаешь ли, что многие не ходят сами на войну, а дела правятся! Правда, хотя не ходят, но охоту имеют, как и умерший король французский, который не много на войне сам бывал, но какую охоту великую имел к тому и какие славные дела показал в войне, что его войну театром и школою света называли, и не точию к одной войне, но и к прочим делам и мануфактурам, чем свое государство паче всех прославил. Сие все представя, обращаю паки на первое, о тебе рассуждая: ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощью вышнего насаждение и уже некоторое и возвращенное оставляю? Тому, иже уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему талант свой в землю (сиречь все, что бог дал, бросил)! Еще ж и сие вспомяну, какова злого нрава и упрямого ты исполнен! Ибо, сколь много за сие тебя бранивал, и не точию бранил, но и бивал, к тому ж сколько лет, почитай, не говорю с тобою; но ничто сие успело, ничто пользует, но все даром, все на сторону, и ничего делать не хочешь, только б дома жить и им веселиться, хотя от другой половины и все противно идет. Однакож всего лучше, всего дороже! Безумный радуется своею бедою, не ведая, что может от того следовать (истину Павел-святой пишет: како той может церковь божию управить, иже о доме своем не радит) не точию тебе, но и всему государству. Что все я, с горестию размышляя и видя, что ничем тебя склонить не могу к добру, за благо изобрел сей последний тестамент тебе написать и еще мало пождать, аще нелicenseм обратись. Ежели же ни, то известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангранный, и не мни себе, что один ты у меня сын и что я сие только в устраску пишу: воистину (богу извольшу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя, непотребного, пожалеть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный».

Письмо было написано до рождения внука, а теперь, на другой день после отдачи письма, царица родила и сына – царевича Петра. Алексей должен был помнить слова Куракина: «Покамест у мачехи сына нет, то к тебе добра; и, как у ней сын будет, не такова будет». Близкие люди рассказывали, что когда царевич Петр родился, то Алексей много дней был печален; но они позабыли или не знали о полученном письме от отца, что совпало с рождением брата; причина печали могла быть двойная. Что отвечать отцу? Просить прощения в том, что заслужил гнев, обещать исправление – потребует не слов, а дела, опять начнет мучить, посылать к войску и бог знает куда, и как ему угодить, и для чего угождать! У мачехи сын, теперь будет недобра; лучше отказаться от наследства и жить в покое, а там что бог даст. Но царевич решил на это не без совета с близкими людьми. Такими были старший учитель Никифор Вяземский, Александр Кикин. И Вяземский, и Кикин советовали отказаться от наследства; Кикин говорил: «Тебе покой будет, как ты от всего отстанешь, лишь бы так сделали; я ведаю, что тебе не снести за слабостию своею; а напрасно ты не отъехал, да уж того взять негде». Вяземский говорил: «Волен бог да корона, лишь бы покой был». Решившись отвечать отцу в этом смысле, царевич поехал к графу Федору Матвеевичу Апраксину и к князю Василию Владимировичу Долгорукому с просьбою, чтоб в разговоре с Петром уговаривали его лишиться старшего сына наследства и отпустить на житье в деревню, где бы мог жизнь кончить. Эта поездка и просьба показывают, что Алексей боялся чего-нибудь худшего; и Кикин опасался того же, говоря: «Лишь бы так сделали». Апраксин отвечал: «Если отец станет со мною говорить, я приговаривать готов». Князь Василий говорил то же, но прибавил: «Давай писем хоть тысячу, еще когда-то что будет! Старая пословица „улита едет, коли то будет“ – это не запись с неустойкою, как мы преж сего меж себя даывали».

Царевич через три дня подал отцу письмо: «Милостивейший государь батюшка! Сего октября, в 27 день 1715 года, по погребении жены моей, отданное мне от тебя, государя, вычел, на что иного донести не имею, только, буде изволишь, за мою непотребность меня наследия лишить короны российской, буди по воле вашей. О чем и я вас, государя, всенижайше прошу: понеже вижу себя к сему делу неудобна и непотребна, также памяти весьма лишен (без чего ничего возможно делать), и всеми силами, умными и телесными (от различных болезней), ослабел и непотребен стал к толикого народа правлению, где требует человека не такого гнилого, как я. Того ради наследия (дай боже вам многолетное здравие!) российского по вас (хотя бы и брата у меня не было, а ныне, слава богу, брат у меня есть, которому дай боже здоровье) не претендую и впредь претендовать не буду, в чем бога-свидетеля полагаю на душу мою и ради истинного свидетельства сие пишу своею рукою. Детей моих вручаю в волю вашу; себе же прошу до смерти пропитания. Сие все предав в ваше рассуждение и волю милостивую, всенижайший раб и сын Алексей».

После отдачи письма приехал к царевичу князь Василий Владимирович Долгорукий и царским именем потребовал, чтоб Алексей показал ему отцовское письмо; по прочтении письма князь Василий сказал: «Я с отцом твоим говорил о тебе; чаю, тебя лишит наследства и письмом твоим, кажется, доволен. Я тебя у отца с плахи снял. Теперь ты радуйся, дела тебе ни до чего не будет». Петр, по словам Долгорукого, был доволен письмом сына, и в то же время князь Василий хвалился, что снял Алексея с плахи. В действительности Петр был очень доволен письмом сына. Царь своим письмом хотел решительно объясниться с сыном, высказать ему ясно, чего он от него хочет, показать, что его требования не заключают в себе ничего трудного, невозможного, хотел пригрозить отлучением от наследства, ждал раскаяния, объяснений со стороны сына, которые бы могли вести к новым объяснениям с его стороны, вести к улажению дела, и вместо того получает в коротких словах отказ от наследства. Надобно исполнить угрозу, лишиться наследства – дело в высшей степени неприятное и трудное. Петр был очень раздражен и, как видно из слов Долгорукого, в сердцах делал сильные выходки против сына. «Я тебя у отца с плахи снял», – говорил князь Василий. Месяц не отвечал ничего Петр сыну,

а через месяц опасно заболел. Как обыкновенно бывало, горе, раздражение приготавливали Петру болезненный припадок, а какая-нибудь неосторожность была поводом; так и настоящий болезненный припадок, вероятно, был приготовлен неудавшимся объяснением с сыном, а именнинный пир у адмирала Апраксина – последнею каплею, переполнившюю сосуд. Болезнь была так опасна, что министры и сенаторы ночевали в царских покоях. 2 декабря Петр приобщился св. тайн, после чего стал поправляться. Во время этой болезни Кикин говорил царевичу: «Отец твой не болен тяжко, и он исповедывается и причащается нарочно, являя людям, что он гораздо болен, а все притвор; а что причащается, у него закон на свою стать». Какой смысл этих странных слов? Зачем было Петру, по мнению Кикина, притворяться тяжело больным? Не думал ли Кикин, что Петр притворился тяжело больным с целью выведать расположение царевича, как он будет вести себя в такую важную минуту и выкажутся ли люди, расположенные к царевичу, как выскажется народ относительно престолонаследия?

В Рождество Христово Петр вышел в первый раз из дому в церковь; его нашли лучше, чем ожидали, но все же бледным, упалым. 19 января 1716 года Петр написал сыну другое письмо: «Последнее напоминание еще. Понеже за своею болезнию доселе не мог резолюции дать, ныне же на оное ответствую: письмо твое на первое письмо мое я вычел, в котором только о наследстве вспоминаешь и кладешь на волю мою то, что всегда и без того у меня. А для чего того не изъявил ответу, как в моем письме? ибо там о вольной негодности и неохоте к делу написано много более, нежели о слабости телесной, которую ты только одну вспоминаешь. Также, что я за то несколько лет недоволен тобою, то все тут пренебрежено и не упомянуто, хотя и жестоко написано. Того ради рассуждаю, что не зело смотришь на отцово прощение, что подвигло меня сие остатнее писать; ибо когда ныне не боишься, то как по мне станешь завет хранить? Что же приносишь клятву, тому верить невозможно для вышеписанного жестокосердия. К тому ж и Давидово слово: всяк человек ложь. Також хотя б и истинно хотел хранить, то возмогут тебя склонить и принудить большие бороды, которые ради тунеядства своего ныне не в авантаже обретаются, к которым ты и ныне склонен зело. К тому же чем воздаешь рождение отцу своему? Помогает ли в таких моих несносных печалях и трудах, достигши такого совершенного возраста? Ей, николи! Что всем известно есть, но паче ненавидишь дел моих, которые я для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю, и, конечно, по мне разорителем оных будешь. Того ради так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно; но или отмени свой нрав и нелицемерно удостой себя наследником, или будь монах: ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особливо что ныне мало здоров стал. На что по получении сего дай немедленно ответ или на письме, или самому мне на словах резолюцию. А буде того не учинишь, то я с тобой, как с злодеем, поступлю. Петр».

Царевич опять советуется с Кикиным и Вяземским. Кикин, придумывая разные средства, как бы скрыть Алексея от гнева отцовского, уже и прежде останавливался на монастыре как на безопасном убежище до поры до времени, а когда придет это время, можно и расстричься. Это Кикин выражал так: «Ведь клобук не прибит к голове гвоздем, можно его и снять». И теперь он советует, что надобно исполнить отцовское требование. «Теперь так хорошо, – говорит он, – а впредь что будет – кто ведает?» Вяземский говорил: «Когда иной дороги нет, то идти в монастырь; да пошли по отца духовного и скажи ему, что ты принужден идти в монастырь, чтоб он ведал; он может сказать и архиерею рязанскому о сем, чтобы про тебя не думали, что ты за какую вину пострижен». Совет Вяземского был исполнен относительно духовника, петербургского протопопа Георгия; но Стефану Яворскому сообщено не было.

На другой же день, 20 января, Петр получил ответ от сына: «Милостивейший государь батюшка! Письмо ваше я получил, на которое больше писать за болезнию своею не могу. Желая монашеского чина и прошу о сем милостивого позволения. Раб ваш и непотребный сын Алексей».

И последнее средство не подействовало! И монастырь не испугал! Сын торжествовал над отцом. Петру оставалось или исполнить угрозу, постричь сына, чего ему вовсе не хотелось, или уступить, откладывая тяжкое дело. Петр, естественно, выбрал последнее. Сын готовился в монастырь. У него была любовница Афросинья Федорова, крепостная Никифора Вяземского. Царевич, будучи болен в это время, дал ей два письма: одно – к старому духовнику Якову, другое – к Ивану Кикину, говоря: «Когда я умру, отдай те письма: они тебе денег дадут». В письмах говорилось, что царевич идет в монастырь по принуждению и чтоб протопоп и Кикин дали вручительнице известную сумму из хранившихся у них царевичевых денег. Сын собирался в монастырь; отец собирался за границу в долгий поход. Перед отъездом Петр пришел к больному сыну проститься и спросил о резолюции на известное дело; царевич отвечал, что не может быть наследником по слабости и желает в монастырь. «Одумайся, не спеши, – говорил ему отец, – напиши мне потом, какую возьмешь резолюцию».

Слава богу, уехал без резолюции! Дело отложилось вдаль, а там что бог даст! Кикин едет в Карлсбад провожать царевну Марью Алексеевну и говорит царевичу: «Я тебе место какое-нибудь сыщу». Можно ждать, что напишет Кикин, какое сыщет место; отец живет за границею и не торопит. 18 июня 1716 года умерла тетка Алексея царевна Наталья Алексеевна, имевшая важное значение в жизни царевича; после заточения матери он перешел к ней на руки; ей приписывали и размолвку Петра с первой женою; она внимательно следила, чтоб Алексей не сносился с матерью, и доносила брату; разумеется, что Лопухины ненавидели ее за это. Когда царевна умерла, то один из приближенных к царевичу сказал ему: «Ведаешь ли ты, что все на тебя худое было от нее? Я слышал от Аврама (Лопухина)». Но из других углов были другие вести. Голландский резидент Деби доносил своему правительству: «Особы знатные и достойные веры говорили мне, что покойная великая княжна Наталия, умирая, сказала царевичу Алексею: „Пока я была жива, я удерживала брата от враждебных намерений против тебя; но теперь умираю, и время тебе самому о себе промыслить; лучше всего при первом случае отдайся под покровительство императора“».

И Кикин давно толковал о бегстве за границу; но как это сделать? Был случай во время поездки в Карлсбад, но пропущен; теперь под каким предлогом выехать из России?

Сам отец дает возможность выехать. 26 августа он пишет сыну из Копенгагена: «Мой сын! Письма твои два получил, в которых только о здоровье пишешь; чего для сим письмом вам напоминаю. Понеже когда прощался я с тобою и спрашивал тебя о резолюции твоей на известное дело, на что ты всегда одно говорил, что к наследству быть не можешь за слабостию своею и что в монастырь удобнее желаешь; но я тогда тебе говорил, чтоб еще ты подумал о том гораздо и писал ко мне, какую возьмешь резолюцию, чего ждал семь месяцев; но по сей поры ничего о том не пишешь. Того для ныне (понеже время довольно на размышление имел), по получении сего письма, немедленно резолюцию возьми: или первое, или другое. И буде первое возьмешь, то более недели не мешкай, поезжай сюда, ибо еще можешь к действиям поспеть. Буде же другое возьмешь, то отпиши, куды и в которое время и день (дабы я покой имел в моей совести, чего от тебя ожидать могу). А сего доносителя пришли с окончанием; буде по первому, то когда выедешь из Петербурга; буде же другое, то когда совершишь. О чем паки подтверждаем, чтобы сие конечно учинено было, ибо я вижу, что только время проводишь в обыкновенном своем неплодии».

Медлить нельзя было более; сам отец отворил дорогу из России. Царевич был на своей мызе, когда получил отцовское письмо; он немедленно поехал в Петербург и объявил Меншикову о резолюции своей ехать в поход по указу государя и что поедет прежде данного срока. «Когда приду проститься с братцем и сестрицами, тогда тотчас и поеду», – говорил Алексей светлейшему князю. Камердинеру своему, Ивану Большому Афанасьеву, царевич велел приготовляться в дорогу, как ездили прежде в немецкие края, а сам стал плакать. «Как мне оставить Афросинью и где ей быть? Не скажешь ли кому, что я буду говорить?» – спросил царевич

Афанасьева, и, когда тот обещался молчать, Алексей начал: – Я Афросинью с собою беру до Риги. Я не к батюшке поеду, поеду я к цесарю или в Рим». Афанасьев сказал на это: «Воля твоя, государь, только я тебе не советник». «Для чего?» – спросил царевич. «Того ради, – отвечал Афанасьев, – когда это тебе удастся, то хорошо; а когда не удастся, тогда ты же на меня будешь гневаться». «Однако ты молчи про это, никому не сказывай! – говорил царевич. – Только у меня про это ты знаешь да Кикин; он для меня в Вену проведывать поехал, где мне лучше быть. Жаль мне, что я с ним не увижусь; авось на дороге увижусь». Царевич проговорился и другому из своих домашних, Федору Дубровскому. «Едешь ли к отцу, поезжай для бога!» – говорил ему Дубровский. «Я поеду, бог знает, к нему или в другую сторону», – отвечал Алексей. Дубровский сказал на это: «Многие ваши братья бегством спасались; я чаю, тебя сродники не оставят». Тут Дубровский стал просить у царевича денег 500 рублей для отсылки матери в Суздаль, Алексей дал деньги. Дубровский вспомнил и о дяде царевича по матери Авраме Лопухине: «Чаю, отец Аврама, дядю твоего, распытает». Царевич сказал на это: «За что, когда он не ведает? Когда уже подлинно будете известны, что я отлучился, в то время можешь и Авраму сказать, буде хочешь; а ныне не сказывай никому!» Перед отъездом царевич заехал в Сенат, чтоб проститься с сенаторами; при этом он сказал на ухо князю Якову Долгорукому: «Пожалуй, меня не оставь!» «Всегда рад, – отвечал Долгорукий, – только больше не говори: другие смотрят на нас». Сенат выдал царевичу на дорогу 2000 рублей да князь Меншиков тысячу червонных.

26 сентября 1716 года Алексей выехал из Петербурга на Ригу; с ним были Афросинья, брат ее Иван Федоров и трое слуг. Царевичу было мало тех денег, какие он получил в Петербурге на дорогу в Копенгаген, и потому в Риге он занял у обер-комиссара Исаева 5000 червонных и 2000 мелкими деньгами.

Из Риги Алексей отправился на Либаву; не доезжая четырех миль до этого города, он встретил тетку свою царевну Марью Алексеевну, которая возвращалась с Карлсбадских вод. Царевич остановился, сел в карету к тетке и имел с нею любопытный разговор. «Еду к батюшке», – объявил царевич. «Хорошо, – отвечала царевна, – надобно отцу угождать, то и богу приятно; что б прибыли было, когда б ты в монастырь пошел?» «Уж не знаю, – сказал царевич, – буду угоден или нет; уж я себя чуть знаю от горести, я бы рад куды скрыться». При этих словах он заплакал. «Куды тебе от отца уйтить? Везде тебя найдут», – сказала тетка. Царевич остановился и не сказал ни слова о деле, которое лежало у него на сердце. Тут царевна начала говорить о своем деле, которое лежало у нее на сердце. Дочь Милославской, она осторожным поведением своим умела до сих пор предохранить себя от братней опалы, умела скрывать свои чувства, но тут не считала нужным скрывать; она не могла переносить новой женитьбы брата, считала первый брак единственно честным и законным, стояла за Евдокию, как, наоборот, дочь Нарышкиной, царевна Наталья, была против Евдокии. Царевна Марья, естественно, была за Алексея; но ее оскорбляло в нем равнодушие к матери, эгоизм, постыдная трусость, какие он обнаруживал в этом случае; тетка была мужественнее племянника, она стала упрекать Алексея: «Забыл ты мать, не пишешь и не посылаешь к ней ничего. Послал ли ты после того, как чрез меня была посылка?» «Послал», – отвечал царевич, имея в виду 500 рублей, отданные Дубровскому. Царевна принудила племянника написать матери маленькое письмецо. «Я писать опасаюсь», – говорил Алексей. «А что? – возражала царевна. – Хотя б тебе и пострадать, так бы нет ничего; ведь за мать, не за иного кого!» «Что в том прибыли, – говорил Алексей, – что мне беда будет, а ей пользы из того не будет ничего». В этих словах высказался весь человек, один из тех людей, которые способны приводить резоны, что ни для кого нет пользы от исполнения обязанности, тогда как другие, сильные нравственно люди исполняют обязанность не думая, считая бесчестным ставить вопрос: будет ли от этого какая кому польза? «Жива матушка или нет?» – спросил нежный сын. «Жива, – отвечала тетка, – и было откровение ей самой и иным, что отец твой возьмет ее к себе, и дети будут, а таким образом: отец твой будет болен, и во

время болезни его будет некое смятение, и придет отец в Троицкий монастырь на Сергиеву память, и тут мать твоя будет же, и отец исцелет от болезни и возьмет ее к себе, и смятение утишится. И Петербург не устоит за нами: быть ему пусто, многие о сем говорят». От Евдокии разговор перешел, естественно, к Екатерине. «У нас, – говорила царевна, – осуждают отца твоего, что он мясо ест в посты; то нет ничего: то пуще, что он мать твою покинул. У нас архиереи – дураки: это ни во что ставят и поминают эту царицу особливо; Иов новгородский, труся, сие делает; иноземцы (т.е. малороссияне) знают лучше божественное писание: Дмитрий да Ефрем и рязанский, также и князь Федор Юрьевич (Ромодановский) при объявлении царицы (т.е. когда Екатерина была объявлена царицею) не благо сие приняли; к тебе они склонны». Когда и прежде царевич начинал хвалиться добрым расположением к себе царицы Екатерины, то царевна Марья возражала: «Что хвалишься? Ведь она не родная мать, где ей так тебе добра хотеть?»

«Повидайся с Кикиным; он желает тебя видеть», – сказала, между прочим, царевна племяннику. Это свидание было в Либаве. «Нашел ли ты мне место какое?» – спросил царевич Кикина. «Нашел, поезжай в Вену к цесарю: там не выдадут. Сказывал мне Веселовский, что его спрашивают при дворе, за что тебя лишают наследства? И я ему сказал: „Ведаешь ты сам, что его не любят, и, чаю, для того больше, и не для чего иного“. И как я уверился, что он, Веселовский, в отечество не намерен возвратиться, того ради стал я с ним говорить смелее и спросил его про тебя: „Как он сюда приедет, примут ли его?“ И он мне сказал: „Я поговорю с вице-канцлером Шёнборном, он ко мне добр“. И по несколько времени сказал, что он с Шёнборном говорил, и он цесаря спрашивал в разговоре, и цесарь говорил, что он примет его как своего сына и, чаю, даст тысячи по три гульденов на месяц». Царевич спросил Кикина: «Зачем ты в Вену ездил, для меня или для чего иного?» «Мне, – отвечал Кикин, – иного дела не было, кроме тебя. А спросился я у царевны Марьи Алексеевны побывать в Вене для своих нужд: и она мне приказала уговаривать Прозоровского, чтоб возвратился. Если отец к тебе пришлет кого-нибудь уговаривать тебя, то не езд: он тебе голову отсечет публично». Царевич спросил: «Когда ко мне будут присланные в Гданск или Королевец, что мне делать?» Кикин отвечал: «Уйди ночью один пли возьми детину одного, а багаж и людей брось; а если два будут присланы, то притвори себе болезнь, и из тех одного пошли наперед, а от другого уйди». «Когда бы письма от батюшки не было, как бы мне уехать?» – говорил царевич. Кикин отвечал: «Я хотел таким образом сделать, чтоб ты сказал, что сам едешь к отцу, и так бы ушел. Отец тебя не пострижет ныне, хотя б ты хотел; ему князь Василий (Владимирович Долгорукий) приговорил, чтоб тебя при себе держать неотступно и с собою возить всюду, чтоб ты от волокиты умер, понеже ты труда не понесешь. И отец сказал: „Хорошо так“. И рассуждал ему князь Василий, что в чернечестве тебе покой будет и можешь ты долго жить. И по сему слову я дивлюсь, что давно тебя не взяли; и ныне тебя зовут для того, и тебе, кроме побегу, спастись ничем иным нельзя».

Царевич сказал Кикину о своем разговоре с камердинером Иваном Афанасьевым. Это очень обеспокоило Кикина, тем более что Афанасьев знал об его участии в деле. Чтоб не иметь такого опасного свидетеля в Петербурге, Кикин стал просить царевича написать Афанасьеву, чтоб ехал к нему. «Когда Ивана в Питербурхе не будет, – говорил он, – то неоткуда пронестися сему; кроме нас двоих, с ним никто не ведает; а меня в Питербурхе при тебе не было, то на меня и подозрения не будет; а если Иван в Питербурхе будет, то небезопасно, чтоб не промолвился с кем». «Думаю, что Иван не поедет», – сказал на это царевич. Тогда Кикин придумал другое средство: «Ты напиши другое письмо, будто у тебя с ним речей никаких о сем не было, а бежать ты вздумал в пути и чтоб он, взяв вещи алмазные, ехал; а я велю ему то письмо подать князю Меншикову, будто б он твою тайну открыл, то им розыскивать не будут». Царевич написал письмо: «Иван Афанасьевич! По получении сего письма поезжай ко мне, понеже я взял свое намерение, что где ни жить, а к вам не возвратиться (для немилости вышних наших), о кото-

рой еще к прежним в подтверждение в Риге получил письмо из Копенгагена. А что не взял я вас с собою, понеже нималого к сему намерения не имел. А ехать тебе надлежит в Гамбург и там отсведомиться о мне. Я вам истину пишу, что не имел намерения; когда б имел, то бы тебя взял силою; хотел взять и учителя, только он сам меня просил, чтоб остаться». Кикин уговорил царевича написать и другое письмо к князю Василию Владимировичу Долгорукому с благодарностью за любовь: «Если на меня суспет (подозрение) о твоём побеге будет, то я объявлю письмо твое, к князю Василью писанное, и скажу: „Знать, он с ним советовал, что его благодарит; я сие письмо перенял“». Мы видели, каким образом Кикин возбудил в царевиче раздражение против князя Василья, рассказавши, как Долгорукий советовал царю держать сына при себе, чтоб его уморить волокитою. Царевич написал письмо: «Князь Василий Владимирович! Благодарствую за все ваши ко мне благодеяния, за что при моем случае должен отслужить вам». Царевич рассказал Кикину о своем разговоре с Меншиковым при отъезде об Афросинье. Меншиков спрашивал его: «Где ты ее оставляешь?» «Возьму до Риги и потом отпущу в Петербург», – отвечал Алексей. «Возьми ее лучше с собою», – сказал светлейший. Этот рассказ возбудил в Кикине мысль: нельзя ли кинуть суспет и на Меншикова? «Напиши, – говорил он царевичу, – письмо к Меншикову, чтоб Ивану Афанасьеву дал подвод и отправил бы его, да благодари, что присоветовал взять девку с собою: может быть, что князь покажет твое письмо отцу и он будет о нем иметь суспет».

Устроивши все таким образом, Алексей расстался с Кикиным. Кикин приехал в Петербург с жалобами на царевича: действительно ли он имел причину жаловаться или выдумал ее? По приезде в Петербург Кикин послал за Иваном Афанасьевым и начал разговор вопросом: «Есть ли у тебя с дороги от царевича письмо?» «Нет», – отвечал тот. «Я с ним виделся, – продолжал Кикин, – и на меня царевич что-то очень сердит: сказал, будто я с Долгоруковым его продаю, а каким образом – о том ничего не сказал. Поговорил немного со мною и скоро от меня поехал; только сказал, что к тебе писано, чтоб ты за ним поехал. Приказал же тебе сказать, чтоб ты то письмо с собою взял, которое к нему от отца пришло, и велел тебе ехать осторожно, чтобы ты не попался навстречу царскому величеству. Буде послышишь, что государь едет, в те поры отъезжай в сторону и ожидай, как проедет. Не слышал ли ты, Иван, от царевича, за что он на меня сердит, что в дороге со мною сердито говорил? Сему я очень удивляюсь; или не слышал ли каких обо мне разговоров?» «Не слышал», – отвечал Афанасьев. Разумеется Кикин мог нарочно говорить Афанасьеву, что царевич сердит на него, Кикина; если Афанасьева возьмут и станут спрашивать, то показание о неприязненных отношениях между царевичем и Кикиным может быть полезно последнему; мы увидим, как впоследствии Кикин действительно настаивал на этих неприязненных отношениях для своего оправдания. Но с другой стороны, могли быть действительно причины неудовольствия, заключавшиеся кроме подозрительного поведения Кикина и в самом характере Алексея: он бежит из России за границу, чтоб не выбирать между монастырем и невыносимым для него положением при отце. Но бежать разве легкое дело? Как бежать, куда? если скоро узнают и поймают? если и не поймают, то как примут на чужой стороне чужие люди? как жить? Все эти вопросы должны были сильно тревожить и раздражать Алексея. Встречается человек, присоветовавший бегство, и Алексей срывает на нем свое сердце, тем более что Кикин, указывая, куда ехать, не сказал ничего верного: хорошо примут, не выдадут, будут давать деньги на содержание, но это все одни предположения Кикина и Веселовского; ничто не приготовлено, трудное и опасное дело ничем не облегчено, а труда, физического труда более всего боялся Алексей; ему говорят, что отец вызывает его к себе, чтобы заморить волокитою, а теперь впереди разве не волокита и где ей конец, что из всего этого будет?

Через несколько дней после разговора с Кикиным Афанасьев получил письмо от царевича, где тот писал, чтобы камердинер ехал за ним немедленно и нагонял в Данциге; Афанасьев объявил письмо Меншикову, и тот отпустил его, дав паспорт и подорожную.

Опасный человек уехал. Кикин мог спокойнее дожидаться развязки. Но Афанасьев скоро возвратился: он нигде не мог сыскать царевича.

Царевич внезапно уехал из Петербурга; говорили, что поехал к отцу; но вот уже прошло много времени, и не слышно, приехал ли он к царю и что при нем делает. Это сильно беспокоило близких людей. Московский духовник Яков Игнатъев писал письмо за письмом. «Молю тя, премилостивого моего, аще ли не подлежит тайне, и достоин ничтожность моя ведения, помилуй, уведоми мя, чесога ради скоропоятое от Питербурха отшествие твое, и все ли во здравии и во благополучности, и не есть ли якова гневоизлияния на тя, и к какому делу определенность тебе, и в радости ли и в веселии, дабы и нам, ничтожным, сичево слышав, яже о благодородии твоём, по многу порадованным быти и веселитися».

В беспокойстве Яков Игнатъев говорит другому близкому человеку, ключарю Ивану Афанасьеву: «Царевич государь говаривал со мною: „Батюшка велел мне либо жениться, либо постричься, а мне постричься не хочется, также и жениться не хочется, потому что батюшка изволит меня женить паки на иноземке, и я не знаю, что делать? Не знаю, нищету восприяти, да с нищими скрытиса до времени, не знаю, отъйти куда в монастырь и быть со дьячками или отъехать в такое царство, где приходящих приемлют и никому не выдают“. И я, – продолжал духовник, – теперь не ведаю, где государь царевич обретается». В ноябре духовник получил странное письмо. На одной стороне рукою Никифора Вяземского было написано: «О нас если изволишь и о нашем бытии ведать, и мы при милости государя царевича, слава богу, живы и живем в Нарве, а ожидаем по вся дни самодержавнейшего государя нашего». На обороте письма написано было рукою царевича: «Батюшко, изволь сказать всем тем, к которым мои грамотки есть в пакете на твое имя, Ивану Афанасьевичу, чтобы ко мне больше не писали, и сам не изволь писать ко мне, для того что сам изволишь ведать; помолись, чтоб поскорее совершилось, а чаю, что не умедлится; пожалуй, сие письмо, кроме себя да ключаря, не изволь казать никому и ему прикажи, чтоб никому не сказывал, а иным изволь приказать словом в разговоре, а не указом, будто от себя гаданием, и чтоб сие было тайно».

Беспокоились в Москве; сильно беспокоились и за границей. 21 октября Петр получил от курьера известие, что царевич едет к нему, и после того никакого слуха. 4 декабря царица Екатерина писала Меншикову из Шверина: «О государе царевиче Алексее Петровиче никакой ведомости по се время не имеем, где его высочество ныне обретается, и о сем мы немало сожалеем». От 10 декабря другое письмо: «С немалым удивлением принуждена вашей светлости объявить, что о его высочестве государе царевиче Алексее Петровиче ни малой ведомости по се время не имеем, где его высочество ныне обретается, и о сем мы немало сожалеем». Екатерина жалела; Петр действовал: дал приказание стоявшему в Мекленбурге с войском генералу Вейде разыскивать; резиденту своему в Вене Абраму Веселовскому поручил тайно разведывать о месте пребывания царевича и дал об этом знать императору Карлу VI собственноручным письмом, прося, что если Алексей находится в императорских владениях, то приказать отправить его с Веселовским, придав для безопасности несколько офицеров, «дабы мы его отечески исправить для его благосостояния могли». Поручение, данное Веселовскому, и письмо к императору доказывают, что Петр догадывался, куда скрылся сын.

Распоряжения были сделаны в конце 1716 года; в начале 1717 начали приходиться указания на следы беглеца; следы сходились к Вене и здесь исчезали.

По рассказу известного нам императорского вице-канцлера графа Шёнборна, царевич явился к нему поздно вечером 10 ноября 1716 года и стал говорить ему с сильными жестиками, с ужасом озираясь во все стороны и бегая из угла в угол: «Я прихожу сюда просить цесаря, своего свояка, о протекции, чтоб он спас мне жизнь: меня хотят погубить; хотят у меня и у моих бедных детей отнять корону. Цесарь должен спасти мою жизнь, обеспечить мне и моим детям сукцессию; отец хочет отнять у меня жизнь и корону, а я ни в чем не виноват, ни в чем не прогневил отца, не делал ему зла; если я слабый человек, то Меншиков меня так вос-

питал, пьянством расстроили мое здоровье; теперь отец говорит, что я не гожусь ни к войне, ни к управлению, но у меня довольно ума для управления. Один бог – владыка и раздает наследства, а меня хотят постричь и в монастырь запрятать, чтобы лишить жизни и сукцессии; но я не хочу в монастырь, цесарь должен спасти мне жизнь». Тут Алексей в изнеможении бросился на стул и закричал: «Ведите меня к цесарю!» Потом спросил пива; ему дали мозельского вина, и между тем Шёнборн старался успокоить его, уверял, что он в совершенной безопасности и что немедленно представить его цесарю нельзя, поздно, да и прежде цесарь должен обстоятельно узнать, что понудило царевича решиться на такой поступок. Алексей начал опять: «Я ничего не сделал отцу, всегда был ему послушен, ни во что не вмешивался, я ослабел духом от преследования и потому, что меня хотели запоить до смерти; отец был добр ко мне; когда у меня пошли дети и жена умерла, то все пошло дурно, особенно когда явилась новая царица и родила сына; она с князем Меншиковым постоянно раздражала отца против меня, оба люди злые, безбожные, бессовестные; я против отца ни в чем не виноват, люблю и уважаю его по заповедям, но не хочу постричься и отнять права у бедных детей моих, а царица и Меншиков хотят меня уморить или в монастырь запрятать. Никогда у меня не было охоты к солдатству; но за несколько лет перед этим отец поручил мне управление, и все шло хорошо, отец был доволен; но когда пошли у меня дети, жена умерла, а у царицы сын родился, то захотели меня замучить до смерти или запоить; я спокойно сидел дома, но год тому назад принужден был отцом отказаться от наследства и жить приватно или в монастырь идти; напоследок приехал курьер с приказом или к отцу ехать, или немедленно постричься в монахи: исполнить первое – погубить себя разными мучениями и пьянством, второе – погубить и тело и душу; потом мне дали знать, чтоб я берегся отцовского гнева и что приверженцы царицы и Меншикова хотят отравить меня из страха, потому что отец становится слаб здоровьем. Поэтому я притворился, что еду к отцу, и добрые приятели присоветовали мне ехать к цесарю, который мне свояк и великий, великодушный государь, которого отец уважает; цесарь окажет мне покровительство; к французам и к шведам я не мог идти, потому что это враги моего отца, которого я не хотел гневить. Говорят, будто я дурно обходился с моею женой, сестрою императрицы; но богу известно, что не я дурно с нею обходился, а отец и царица, которые хотели заставить ее служить себе как простую горничную, но она по своей едукации к этому не привыкла и сильно печалилась; к тому же заставляли меня и ее терпеть недостаток и особенно стали дурно обходиться, когда у ней пошли дети. Хочу к цесарю, цесарь не оставит меня и моих детей, не выдаст меня отцу, потому что отец окружен злыми людьми и сам очень жесток, не ценит человеческой крови, думает, что, как бог, имеет право жизни и смерти; он уже много пролил невинной крови, часто сам налагал руку на несчастных обвиненных, он чрезвычайно гневлив и мстителен, не щадит никого, и если цесарь выдаст меня отцу, то это все равно что сам меня казнит; да если бы и отец меня пощадил, то мачеха и Меншиков не успокоятся до тех пор, пока не замучат до смерти или не отравят».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.